



ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2024 Том 29 № 1

DOI 10.22363/2312-9220-2024-29-1
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (ЕЖА), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Низматуллина К.Р., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой цифровых медиакоммуникаций, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиальной коммуникации, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – ознакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*

Редакторы англоязычных текстов *К.Ю. Каплявик, Н.В. Рабкина, О.В. Спачиль*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Подписано в печать 22.03.2024. Выход в свет 29.03.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 16,97. Тираж 500 экз. Заказ № 17. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru



RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2024 VOLUME 29 NUMBER 1

DOI 10.22363/2312-9220-2024-29-1
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University, Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Kamilla R. Nigmatullina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Digital Media Communications, Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nataliya Panasenka, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SS Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising.

The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties: Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, Literature of the Peoples of the World, Literary Theory, Folkloristics, Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*

English Texts' Editors *K.Yu. Kashlyavik, N.V. Rabkina, O.V. Spachil*

Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Кириллина О.М.**, А.П. Чехов и Д.С. Мережковский: полемика о миссии русской интеллигенции 7
- Шестакова Е.Ю.** Авторское миромоделирование в жанре «святочного рассказа» Федора Сологуба 16
- Бычков Д.М., Гущина К.Н.** Образ сердца в поэтическом и святоотеческом синтезе 27

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

- Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Матенова Ю.У.** Семиотика «Самаркандского текста» 34
- Куликова Д.Л.** Интертекстуальность в романе А. Сальникова «Оккульттрегер» 46
- Муслимова М.Ш., Яхияева С.Х.** Литература и межнациональные отношения на рубеже XX–XXI веков в сборниках очерков Э. Горюхиной 56

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

- Науменко Т.А., Назарова Л.А.** Неоготические мотивы в романе И. Уэлша «Резьба по живому» 66
- Михейкина А.А.** Особенности хронотопа в рассказах Кадзуо Исигуро *Crooner* и *Come Rain or Come Shine* 74
- Ojha S., Ojha J.K.** From silence to speech: women’s breathing space in “The Laugh of the Medusa” (От молчания к речи: женское дыхание в «Смехе Медузы») 82
- Кавуа Т.К., Найр В.М.** Between fact and fiction: a detailed study of the ‘literary’ in investigative journalism with reference to Dan Morse’s “The Yoga Store Murder” (Между фактом и вымыслом: подробное исследование «литературных» журналистских расследований со ссылкой на книгу Дэна Морса «Убийство в магазине йоги») 89

ЖУРНАЛИСТИКА

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ

- Panasenko N., Petrovičová I.** The narrative in literary journalism (Нарратив в литературной журналистике) 103
- Якова Т.С., Колесниченко А.В., Данилина И.О.** Концептуальные подходы The Times к освещению военных переворотов в африканских странах 114
- Mukherjee A., Chattopadhyay P., Moreva A.N.** Old radio in new guise: understanding relevance of amateur/ham radio in India (Старое радио в новом контексте: понимание актуальности любительского радио в Индии) 125

НОВЫЕ МЕДИА

- Круглова Л.А., Щепилова Г.Г.** Телеканалы в период турбулентности: контент-стратегии в социальных медиа 135

МЕДИАПОЛИТИКА

- Бямбажав Н., Болдбаатар Б., Скворцова Н.** Особенности правового регулирования СМИ в Монголии 152

ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Кемарская И.Н.** Проблемы управления креативностью в практике телепроизводства 164

ОБЗОРЫ

- Jhajharia S., Choudhary S.** Understanding trauma and the path to rehabilitation with reference to Harry Potter and Shiva Trilogy (Понимание травмы и путь к реабилитации на примере Гарри Поттера и трилогии о Шиве) 174
- Albulanee A.H.** “The American Dream” – concept, myth, or trope? («Американская мечта» – концепция, миф или образ?) 186

CONTENTS

LITERARY STUDIES

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

- Kirillina O.M.**, A.P. Chekhov and D.S. Merezhkovsky: controversy about the mission of the Russian intelligentsia 7
- Shestakova E.Yu.** Author's world modeling in the genre of "Yuletide story" by Fyodor Sologub 16
- Bychkov D.M., Gushchina K.N.** The image of the heart in poetic and patristic synthesis 27

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

- Shafranskaya E.F., Garipova G.T., Matenova Yu.U.** Semiotics of the "Samarkand text" 34
- Kulikova D.L.** Intertextuality in A. Salnikov's novel "Occultreger" 46
- Muslimova M.Sh., Yakhiyaeva S.H.** Literature and interethnic relations at the turn of the 20th–21st centuries in collections of essays by E. Goryukhina 56

FOREIGN LITERATURES

- Naumenko T.A., Nazarova L.A.** Neo-gothic motifs in the novel by I. Welsh "The Blade Artist" 66
- Mikheikina A.A.** The peculiarities of chronotope in Kazuo Ishiguro's stories "Crooner" and "Come Rain or Come Shine" 74
- Ojha S., Ojha J.K.** From silence to speech: women's breathing space in "The Laugh of the Medusa" 82
- Kavya T.K., Nair B.M.** Between fact and fiction: a detailed study of the 'literary' in investigative journalism with reference to Dan Morse's "The Yoga Store Murder" 89

JOURNALISM

HISTORY AND THEORY OF MEDIA

- Panasenko N., Petrovičová I.** The narrative in literary journalism 103
- Yakova T.S., Kolesnichenko A.V., Danilina I.O.** The Times' conceptual approaches to covering military coups in Africa 114
- Mukherjee A., Chattopadhyay P., Moreva A.N.** Old radio in new guise: understanding relevance of amateur/ham radio in India 125

NEW MEDIA

- Kruglova L.A., Shchepilova G.G.** TV channels in a period of turbulence: content strategies in social media 135

MEDIA POLICY

- Byambajav N., Boldbaatar B., Skvortsova N.** Features of media legal regulation in Mongolia 152

EDUCATION IN JOURNALISM

- Kemarskaya I.N.** The problems of creative management in TV-production 164

REVIEWS

- Jhahharia S., Choudhary S.** Understanding trauma and the path to rehabilitation with reference to Harry Potter and Shiva Trilogy 174
- Albulanee A.H.** "The American Dream" – concept, myth, or trope? 186



ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-7-15

EDN: YINAJY


УДК 82.09

Научная статья / Research article

**А.П. Чехов и Д.С. Мережковский:
полемика о миссии русской интеллигенции**

О.М. Кириллина 

Российская государственная академия искусств, Москва, Российская Федерация

 kirillinao@mail.ru

Аннотация. Рассматривается творческий диалог А.П. Чехова и Д.С. Мережковского о роли интеллигенции в обществе. В исследовании используются сравнительный и культурно-исторический методы. Рассмотрены причины глубокого раскола в среде образованной части общества на рубеже XIX–XX вв. и выявлены два принципиально разнонаправленных вектора в решении вопроса о роли интеллигенции в обществе. На основе изучения диалога Чехова и Мережковского, происходившего в ходе личного общения, в переписке и через критические статьи, установлено, что в понимании сути интеллигентности как внутреннего ощущения писатели заняли противоположные позиции. Анализ схожих тем и мотивов в их творчестве (образ Италии, сверхчеловек, Эдип, представления о красоте, о здоровой середине, отношение к «идеалистам») позволяет конкретизировать их позиции: Мережковский проповедовал преображение человечества в богочеловечество через революцию, кровь, Чехов выразил тоску по человечности. Сделаны выводы, что Чехов, обличая «отцов»-идеалистов, призывал служить людям, не боясь рутинного труд, не идеализируя народ, а Мережковский поддерживал претензии интеллигенции на роль истинной элиты общества, решительной, отвергающей принципы традиционного гуманизма и вдохновляющей массы.

Ключевые слова: сверхчеловек, мотив стыда, страх жизни, богочеловечество, гиперреализм, образ Италии, Эдип

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 2 ноября 2023 г.; отрецензирована 4 декабря 2023 г.; принята к публикации 30 декабря 2023 г.

© Кириллина О.М., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Кириллина О.М. А.П. Чехов и Д.С. Мережковский: полемика о миссии русской интеллигенции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 7–15. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-7-15>

A.P. Chekhov and D.S. Merezhkovsky: controversy about the mission of the Russian intelligentsia

Olga M. Kirillina 

Russian State Specialized Academy of Arts, Moscow, Russian Federation

✉ kirillinao@mail.ru

Abstract. The author examines the dialogue of A.P. Chekhov and D.S. Merezhkovsky on the role of the intelligentsia in society. The study used comparative and cultural-historical methods. The analysis of the causes of the deep split among the educated part of society at the turn of the XIX–XX centuries is carried out and two fundamentally divergent vectors have been identified in solving the issue of the role of the intelligentsia in society. Based on a study of the dialogue between Chekhov and Merezhkovsky, which took place during personal communication, in correspondence and through critical articles, it was determined that in understanding the essence of intelligence (“intelligentnost”) as an internal sensation, the writers took opposite positions. An analysis of similar themes and motives in their work (the image of Italy, superman, Oedipus, ideas about beauty, about the healthy middle, attitude towards “idealists”) allows us to concretize their positions: Merezhkovsky preached the transformation of humanity into God-manhood through revolution, blood, Chekhov expressed longing for humanity. It is concluded that Chekhov, denouncing the “fathers”-idealists, called for serving people without being afraid of routine work, without idealizing the people, and Merezhkovsky supported the claims of the intelligentsia to the role of the true elite of society, resolute, rejecting the principles of traditional humanism and inspiring the masses.

Keywords: superman, motive of shame, fear of life, divine-humanity, hyperrealism, image of Italy, Oedipus

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 2, 2023; revised December 4, 2023; accepted December 30, 2023.

For citation: Kirillina, O.M. (2024). A.P. Chekhov and D.S. Merezhkovsky: Controversy about the mission of the Russian intelligentsia. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 7–15. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-7-15>

Введение

Полемика между А.П. Чеховым и Д.И. Мережковским о роли русской интеллигенции отразила глубину раскола в этой среде на рубеже XIX–XX вв. В 1840–1860 гг. споры славянофилов и западников, консерваторов, либералов и социалистов не стали препятствием к формированию общего кодекса чести русского интеллигента: их объединяло обостренное чувство справедливости и стремление к искуплению вины перед народом. Явный неуспех одной из самых решительных и благородных попыток сблизиться с крестьянством,

массового «хождения в народ» в 1870-е гг., заставил задуматься, почему народ не пожелал перенять «правильный» образ мыслей и не оценил жертву. Кроме того, для интеллигенции в то время актуальной стала тема противостояния мещанству, набирающей силу буржуазии. Часть интеллигенции, особенно творческой, вдохновлялась идеями Ф. Ницше. Философ считал, что за жаждой справедливости может скрываться зависть, бессилие, зато мечта о максимальной самореализации, о Сверхчеловеке, способном вынести правду и познать свою силу, пробуждает в человеке лучшее. Мережковский выразил этот принцип более радикально: он призывал ненавидеть человека во имя Богочеловека: «...смирение перед Богом – бунт против людей» (Мережковский, 1990, с. 434). Мережковский проповедовал ненависть к настоящему во имя будущего. В декадентах, по его мнению, именно из-за их крайнего неприятия реальности самозародился мистический огонь, из которого, верил он, возникнет религиозная революция: «Русские декаденты... совсем ушли из общественности в последнее одиночество... Но здесь-то именно... открылся неожиданный просвет... Русские декаденты – первые в русском образованном обществе, вне всякого предания церковного, самозародившиеся мистики...» (Мережковский, 1908, с. 99).

В этой атмосфере вызывающей казалась позиция Чехова. Одной из главных слабостей «передового» русского интеллигента, к какому бы лагерю он ни принадлежал, Чехов считал неумение полноценно жить в потоке будней, организовать свой быт и неспособность приносить ощутимую, конкретную пользу обществу. Но в массе резонеров, любителей красивых слов и жестов в его произведениях находится место и другой, истинной, интеллигенции: это герои, которые обладают такими качествами, как чуткость, сдержанность, терпение, скромность.

Обсуждение

Мережковский приглашает Чехова в круг избранных

В произведениях Чехова из-за того, что он категорически избегал тенденциозности и мистицизма и сосредоточился на изображении потока повседневной жизни, создается эффект гиперреализма. Мережковский видел мир через открывшуюся ему «истину», «Третий Завет», – и в прошлом, и в настоящем он искал «своих», тех кто, по его мнению, максимально близко подошел к открывшейся ему тайне. Поначалу он увидел в Чехове такого человека. В статье «Старый вопрос по поводу нового таланта» (1888) он решил защитить писателя от нападок авторитетнейшего критика, духовного лидера народников Н.К. Михайловского. Тот обвинял Чехова в том, что, не занимая определенную позицию, рисуя контуры характеров словно в свете сумерек, он позволяет читателям оставаться безучастными. Мережковский соглашался с Михайловским, что задача писателя в том, чтобы вести читателя за собой, что чувство, вызываемое рассказами Чехова, «довольно неопределенно» (Мережковский, 1986, с. 333), но именно в этом, убеждал он, его сила, ведь и музыкальная мелодия воздействует максимально действительно потому, что ее неуловимость волнует больше, чем прозаическая ясность. Мережковский утверждал, что созерцание природы вызывает у Чехова

«...мистическое чувство, почти экстаз» (Мережковский, 1986, с. 337), которые обычно отвращают художников от изображения быта, но «женственно-нежное» (Мережковский, 1986, стр. 337) сочувствие горю человека не позволяет писателю отвернуться от повседневности. Мистическое начало в творчестве, синтез женского и мужского взгляда на мир – это, пожалуй, самые высокие похвалы, которыми мог одарить Мережковский. Но Чехов в письме А.С. Суворину (3 ноября 1888 г.) с раздражением отреагировал на эту явно комплиментарную статью. В частности, его возмутило, что Мережковский назвал неудачником его героя из рассказа «Святой ночью» (1886), талантливого, но не оцененного по достоинству сочинителя акафистов. Мережковский не почувствовал, с какой приязнью, даже нежностью описана жизнь этого героя: «Этого симпатичного поэтического человека, выходявшего по ночам перекликаться с Иеронимом и пересыпавшего свои акафисты цветами, звездами и лучами солнца, не понятого и одинокого, я представляю себе робким, бледным, с мягкими, кроткими и грустными чертами лица» (Чехов, 1986, с. 238). В этом рассказе Чехов особенно ярко продемонстрировал свою способность в потоке жизни находить незаметную, неброскую красоту.

Русская тоска и солнечная Италия

Чехов и Мережковский в марте 1891 г. случайно встретились в Венеции. Оба были в восторге от красоты Италии. Тем не менее Чехов во время их встречи подтрунивал над восторгами собеседника. Мережковский и Гиппиус, обиженные показным «равнодушием» Чехова к красотам Венеции, оставили воспоминания о том, как во время прогулки он интересовался «мелочами» (Мережковский, 1991, с. 248) и рассуждал о цене «девиц». Вообще в письмах Чехов часто о Мережковском писал с иронией – его раздражал пафос, «идеализмы» (Чехов, 1981, с. 142).

Когда Чехов вернулся из путешествия, Мережковский напомнил ему, что тот собирался написать пьесу о Марино Фальоре (Мережковский, 1891). Как пишет Е.Д. Толстая, «Чехова во всей этой дивной хрупкой гармонии парадоксально тянет к единственному месту, где в живописи зияет провал, черная дыра... Речь идет о вычеркнутом из памяти народа „революционере сверху“ – доже Марино Фальеро, который в 1355 г. возглавил заговор черни против Синьории. Он был казнен на Лестнице Гигантов, и его фигуру на коллективном портрете замазали черной краской» (Толстая, 1994, с. 205). Бунт, аристократ во главе толпы, свободолюбие – важнейшие темы в творчестве Мережковского. Но что могло заинтересовать Чехова? В «Рассказе неизвестного человека» (1892) он передал главному герою свой восторг от Венеции и наступившее ближе к концу поездки ощущение отчуждения. Когда происходит серьезный разлад между героем и любимой им женщиной, восхитительная Италия начинает раздражать его: «...горы, сады, башни, дома, на всем играет солнце, но все чуждо, равнодушно, путаница какая-то» (Чехов, 1977, с. 203). Грусть в этой стране кажется неуместной, и для героя Чехова Италия – это счастливый эпизод, который помогает ему на какое-то время забыть. Но даже в самое безмятежное время он обращает внимание на закрашенный портрет, этот трагический, глубокий образ.

В рассказе Чехова «Страх» (1892) мотив Италии возникает в момент, когда рассказчик описывает состояние предвкушения счастья перед его сви-

данием с женщиной. Он вспоминает слова из шекспировского «Венецианского купца», которые произносит Лоренцо во время прогулки с женой Джессикой: «...как сладко спит сияние луны здесь на скамье!» (Чехов, 1977, с. 137). Джессика – дочь ростовщика, обокравшая его и сбежавшая с Лоренцо. Прогулка их происходит в конце пьесы: Джессика знает, что ее отец получил еще один тяжелый удар судьбы, но это не огорчает ее. Рассказ Чехова тоже о предательстве. Счастливое свидание рассказчика состоялось благодаря опрометчивой откровенности его приятеля Силина, у которого он гостил. Тот считал рассказчика настоящим другом и поэтому признался ему, что безнадежно влюблен в свою супругу, что его гложет страх жизни, потому что он не понимает людей, жену. И рассказчик, ободренный этим признанием, решает соблазнить жену приятеля. Во время свидания он узнает, что эта женщина любит его: «В ее любви ко мне было что-то неудобное и тягостное, как в дружбе Дмитрия Петровича» (Чехов, 1977, с. 137). Поздно ночью Силин, столкнувшись с женой и увидев смущение гостя, догадывается обо всем и, с еще большим драматизмом повторив, что он вообще ничего не понимает в этой жизни, спешно уезжает из дома по делам. И рассказчик вдруг ощущает тот же страх, что и хозяин дома: «Страх... сообщился и мне. Я думал о том, что случилось, и ничего не понимал. Я смотрел на грачей, и мне было странно и страшно, что они летают» (Чехов, 1977, с. 138).

Мережковский страх этих героев объяснял потерей веры: «Бывшая некогда в религии, сила притяжения „к мирам иным“, сила мистической радости не исчезает с исчезновением религии, а превращается в равную и противоположную силу отталкивания, силу мистического ужаса... Ужасна, потому что непонятна, жизнь; еще ужаснее, потому что еще непонятнее, смерть» (Мережковский, 1908, с. 86). Однако цинизм героя Чехова подпитывает его уверенность в себе и в своем решении: «Жизнь, по его мнению, страшна, – думал я, – так не церемонься же с нею, ломай ее и, пока она тебя не задавила, бери все, что можно урвать от нее» (Чехов, 1977, с. 137). Героя пугает столкновение с реальностью, с глубиной чувств его жертв. Этот рассказ был напечатан в рождественском выпуске газеты «Новое время» 25 декабря 1890 г. Выбор темы для праздничного номера может показаться очень странным, провокационным: история измены, время действия – лето. Важнейшие жанровые требования к рождественскому рассказу не были соблюдены, но Чехов использовал характерный для таких произведений мотив страха (Капустин, 2021, с. 11–17). В классических рождественских рассказах героев пугают привидения и другие проявления потустороннего, и это подчеркивает, что героев Чехова больше пугает жизнь. Силин признается: «...иногда в тоскливые минуты рисовал себе свой смертный час, моя фантазия изобретала тысячи самых мрачных видений, и мне удавалось доводить себя до мучительной экзальтации, до кошмара, и это, уверяю вас, мне не казалось страшнее действительности» (Чехов, 1977, с. 131). Поиск бессмертия – главная тема творчества Мережковского. Страх перед жизнью, неспособность принять ее во всей ее сложности, непредсказуемости – главный мотив в творчестве Чехова.

В рассказе Чехова «Гусев», напечатанном в этом же рождественском номере, мотив глубины оказывается связан с темой смерти. Одним из толч-

ков к его написанию послужили впечатления Чехова во время его путешествия по Дальнему Востоку: «По пути в Сингапур бросили в море двух покойников. Когда глядишь, как мертвый человек, завороченный в парусину, летит, кувыркаясь, в воду, и когда вспоминаешь, что до дна несколько верст, то становится страшно и почему-то начинает казаться, что сам умрешь и будешь брошен в море» (Чехов, 1975, с. 140). Рассказом «Гусев» Чехов словно расправляется со своим страхом смерти. Главного героя крестьянина Гусева, умершего на палубе, бросают в океан. Чехов описывает рыб в глубине, акулу, которая пытается полакомиться покойным. И эти детали напоминают о круговороте жизни. Гусев смерти не боится, но он беспокоится о своих родителях, о непутевом брате и его семье. Благодарность судьбе, смирение оказываются главными движущими силами в судьбе Гусева, позволяющими ему достойно принять неизбежность смерти.

«Постыдная» жалость

Чехов часто в героях с убеждениями подчеркивал их негибкость, ограниченность и даже жестокость. Показательна ошибка Чехова в письме Суворину по поводу образования Мережковского: он считал, что молодой «поэт» – студент-«естественник», склонный все рационализировать и даже упрощать: «Делить людей на удачников и на неудачников – значит смотреть на человеческую природу с узкой, предвзятой точки зрения... Надо быть богом, чтобы уметь отличать удачников от неудачников и не ошибаться...» (Чехов, 1976, с. 53). Чехов видел еще одну опасность для русского интеллигента с убеждениями: такие люди с восторгом бросаются в борьбу, но, не получив все и сразу, гаснут. Чехов писал: «...русская возбудимость имеет одно специфическое свойство: ее быстро сменяет утомляемость. Человек сгорая, едва спрыгнув со школьной скамьи, берет ношу не по силам, берется сразу и за школы, и за мужика, и за рациональное хозяйство, ...воюет со злом, рукоплещет добру... Но едва дожил он до 30–35 лет, как начинает уж чувствовать утомление и скуку» (Чехов, 1976, с. 110). Доктор Чехов ратовал за здоровье, за гигиену в быту, духовную и физическую.

Мережковский, напротив, видел в умеренности, в здоровой середине главное зло: только те, кто способен дерзнуть, «переступить», меняют мир. Он ценил революционный задор в радикальной русской интеллигенции и спорил с Чеховым, который благодаря трезвому подходу к жизни сумел разоблачить бескровный идеализм сочувствующего революционерам обывателя, но он не смог оценить правду народников: «...революционное народничество 70-х, 80-х, 90-х гг. – подлинный реализм, огненная действенность русского освобождения» (Мережковский, 1991, с. 291) Даже Сын Божий для Мережковского революционер, тот, кто переступил: «...Христос есть явление не нравственное, а религиозное, сверхнравственное, преступающее через пределы и преграды нравственного закона, явление величайшей свободы „по ту сторону добра и зла“» (Мережковский, 2000, с. 296–297). Среди героев русской литературы он выделял Раскольникова как одного из тех, кто довольно близко подошел к тайне Богочеловека. Но переступил он, по мнению Мережковского, как-то мелко, а потом, что еще ужаснее, покаялся перед толпой, то есть не дотянул даже до Человекобога: «Ужастен „властелин“ Раскольников, окровавленный, лезу-

щий к старушонке под кровать за „красною укладкою“; но, может быть, еще ужаснее Раскольников – „дрожащая тварь“, на коленях среди площади... Ведь единственную святыню свою, – лик „пророка и властелина“, лик дельфийского демона, воплощенного бога-солнца, „Человекобога“, предал он на поругание черни, сбросил в уличную грязь» (Мережковский, 2000, с. 288).

Творчество Чехова пропитано тоской по человечности, разумности, мере. Чувство вины, стыда в русских интеллигентах Чехова, как правило, оказываются слишком мучительными. В первой пьесе Чехова «Безотцовщина» (1878) главный герой, Платонов, утверждает, что понимает царя Эдипа, выколотившего себе глаза, – так глубоко его презрение к себе. Но это мучительное чувство стыда оказывается горьким лекарством против самодовольства и равнодушия. Мережковский в своей речи «Русская интеллигенция как духовный орден» (1927) к образу Эдипа обращается, чтобы обличить интеллигенцию: ее любовь к России приравнивается к инцесту. Объектом его постоянной критики были такие «слабости» русской интеллигенции, как обостренное чувство стыда, жертвенность, выражавшиеся в самоуничтожении, в преклонении перед народом. Чехов для него был писателем, который убаюкивал, примирял с действительностью. В 1910 г., опасаясь, что революционный запал остывает, Мережковский ставил это в вину интеллигенции, призывая ее распрощаться с «чеховщиной» (Мережковский, 1991, с. 252). Россию Мережковский не единожды, в том числе в статье «Суворин и Чехов» (1914), называл «свиньей-матушкой» (Мережковский, 1991, с. 288), как бы подчеркивая, насколько постыдна любовь интеллигенции к Родине.

В произведениях Чехова мечтатели редко делают мир лучше, зато куда больше пользы приносят те, кто находит свое дело, смысл жизни здесь и сейчас. В рассказе «Моя жизнь» герой, дворянин, решает порвать со своим кругом и становится простым маляром. Его отец на протяжении всего произведения произносит пафосные монологи о долге элит, о людях, призванных хранить «святой огонь»: «Пойми ты, тупой человек, ... что у тебя, кроме грубой физической силы, есть еще дух божий, святой огонь, который в высочайшей степени отличает тебя от осла или от гада и приближает к боже-ству! Этот огонь добывался тысячи лет лучшими из людей» (Чехов, 1977, с. 193). Отец героя обладает особой физической силой. С детства он бил сына и тот, даже повзрослев, продолжал бояться его. Однако сын находит в себе силы идти своим путем, используя унаследованную от отца силу в своей работе. Постепенно он завоевывает симпатии окружающих, тем самым смягчая общество. Чехов призывал таким образом стыдиться не «грязной работы», не рутинного труда, а пустословия и гордыни.

Заключение

Позиции Мережковского и Чехова отражают полюса в самоопределении интеллигенции на рубеже веков: позиционирование себя как элиты, избранных, чьи усилия направлены, прежде всего, на собственный рост, или же выбор пути-служения, труда, основанный на чувстве долга. Для Мережковского жизнь истинная может быть только на острие, в дерзании. Он жаждал коренного переворота, мистической революции. В рассказах Чехова совест-

ливость, деликатность, эти типичные свойства интеллигентного человека, могут переходить в «мягкотелость», безвольность, неспособность дать отпор негодяям, но именно данные качества, соединенные с желанием терпеливо трудиться, не очень характерном для интеллигенции, в конце концов, вызывают у окружающих отклик и таким образом меняют мир к лучшему.

Список литературы

- Капустин Н.В. Рассказ А.П. Чехова «Страх»: жанровые метаморфозы и обертоны смысла // Вестник Ивановского государственного университета. 2021. № 2. С. 11–17.
- Мережковский Д.С. Акрополь: избр. лит.-критич. ст. М.: Книжная палата, 1991. 351 с.
- Мережковский Д.С. Александр I // Собрание сочинений: в 4 томах. Т. 3. М.: Правда, 1990. 558 с.
- Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 588 с.
- Мережковский Д.С. Письмо А.П. Чехову 14 сентября 1891 г. // ГБЛ. Ф. 331. К. 51. Ед. хр. 58. Л. 4–5.
- Мережковский Д.С. Революция и религия // Не мир, но меч: к будущей критике христианства СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1908. С. 41–119.
- Мережковский Д.С. Чехов и Горький // Грядущий хам Чехов и Горький. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906. С. 43–101.
- Толстая Е. Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880 – начале 1890-х годов. М.: Радикс, 1994. 397 с.
- Чехов А.П. В сумерках. Очерки и рассказы. М.: Наука, 1986. 576 с.
- Чехов А.П. Письмо А.С. Суворину 30 декабря 1888 г. Москва // Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 2. М.: Наука, 1976. С. 108–116.
- Чехов А.П. Письмо А.С. Суворину 9 декабря 1890 г. Москва // Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 5. М.: Наука, 1975. С. 138–141.
- Чехов А.П. Письмо В.С. Миролюбову 17 декабря 1901 г. Ялта // Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 10. М.: Наука, 1981. С. 141–142.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 7. М.: Наука, 1977. 735 с.

References

- Chekhov, A.P. (1975). Letter from A.S. Suvorin December 9, 1890 Moscow. *Complete Collected Works and Letters* (vol. 5, pp. 138–141). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1976). Letter from A.S. Suvorin December 30, 1888 Moscow. *Complete Collected Works and Letters* (vol. 2, pp. 108–116). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1977). *Complete Collected Works and Letters* (vol. 7). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1981). Letter from V.S. Mirolyubov December 17, 1901 Yalta. *Complete Collected Works and Letters* (vol. 10, pp. 141–142). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1986). *At dusk. Essays and stories*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Kapustin, N.V. (2021). Story by A.P. Chekhov's *Fear*: Genre metamorphoses and overtones of meaning. *Bulletin of Ivanovo State University*, (2), 11–17. (In Russ.)
- Merezhkovsky, D.S. (1891). Letter from A.P. Chekhov September 14, 1891. *GBL*. F. 331. K. 51. Units hr. 58. L. 4–5. (In Russ.)
- Merezhkovsky, D.S. (1906). Chekhov and Gorky *The Coming Boor Chekhov and Gorky* (pp. 43–101). St. Petersburg: Izdaniye M.V. Pirozhkova Publ. (In Russ.)
- Merezhkovsky, D.S. (1908). *Revolution and religion "Not peace, but a sword: Towards a future criticism of Christianity"* (pp. 41–119). St. Petersburg: Izdaniye M.V. Pirozhkova Publ. (In Russ.)

- Merezhkovsky, D.S. (1990). Alexander I. *Collected Works* (vol. 3). Moscow: Pravda Publ. (In Russ.)
- Merezhkovsky, D.S. (1991). *Acropolis: Selections literary-critical articles*. Moscow: Knizhnaya Palata Publ. (In Russ.)
- Merezhkovsky, D.S. (2000). *L. Tolstoy and Dostoevsky*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Tolstaya, E. (1994). *Poetics of irritation: Chekhov in the late 1880s – early 1890s*. Moscow: Radiks Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кириллина Ольга Михайловна, кандидат филологических наук, профессор межфакультетской кафедры гуманитарных дисциплин, Российская государственная академия искусств, Российская Федерация, 121165, Москва, Резервный пр-д, д. 12. ORCID: 0000-0002-0152-9665. E-mail: kirillinao@mail.ru

Bio note:

Olga M. Kirillina, Candidate of Philology, Professor of the Interfaculty Department of Humanities Disciplines, Russian State Specialized Academy of Arts, 12 Rezervnyi Proezd, Moscow, 121165, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0152-9665. E-mail: kirillinao@mail.ru



DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-16-26

EDN: YMIKMZ

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Авторское миромоделирование в жанре «святочного рассказа» Федора Сологуба

Е.Ю. Шестакова 

*Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального
университета в г. Северодвинске, Северодвинск, Российская Федерация*

✉ shestackova.lena2013@yandex.ru

Аннотация. Раскрываются особенности художественного воплощения образа детства в жанре «святочного рассказа» русского писателя конца XIX – начала XX в. Федора Сологуба. Материалом стал рассказ «Рождественский мальчик». Цель исследования – выявление своеобразия авторского миромоделирования в жанре «святочного рассказа» Федора Сологуба в сопоставлении с произведениями этого жанра в творчестве Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.Г. Гарина-Михайловского. Уникальное, оригинальное восприятие и интерпретация темы детства писателем-символистом является актуальным направлением современного литературоведения. Новизна работы заключается в рассмотрении сологубовского рассказа сквозь призму миромоделирования. Полученные результаты показали, что тема чистоты, безгрешности героя-ребенка, его страданий и смерти вследствие принципиальной несовместимости с нормами земной жизни сближают рассказ Ф. Сологуба с произведениями его литературных предшественников. Сохраняются общие пространственно-временные универсалии, тема Рождества как ведущая миромоделирующая категория, тема детской смерти. Ф. Сологуб концентрирует текстовое пространство вокруг мистико-философских идей рубежа XIX–XX вв., приносит в него эстетические установки символизма.

Ключевые слова: образ ребенка, тема страданий ребенка, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.Г. Гарин-Михайловский

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 октября 2023 г.; отрецензирована 15 ноября 2023 г.; принята к публикации 15 декабря 2023 г.

Для цитирования: Шестакова Е.Ю. Авторское миромоделирование в жанре «святочного рассказа» Федора Сологуба // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 16–26. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-16-26>

© Шестакова Е.Ю., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Author's world modeling in the genre of "Yuletide story" by Fyodor Sologub

Elena Yu. Shestakova 

*Humanitarian Institute of the Northern (Arctic) Federal University branch in Severodvinsk,
Severodvinsk, Russian Federation*

✉ shestackova.lena2013@yandex.ru

Abstract. The features of the artistic embodiment of the image of childhood in the genre of "Yuletide story" by the Russian writer of the late 19th – early 20th centuries Fyodor Sologub are revealed. The material for the research was the story "The Christmas Boy." The purpose of the study is to identify the originality of the author's world modeling in the genre of "Yuletide story" by Fyodor Sologub in comparison with the works of this genre in the works of F.M. Dostoevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin and N.G. Garin-Mikhailovsky. The unique, original perception and interpretation of the theme of childhood by a symbolist writer is a current trend in modern literary criticism. The novelty of the work lies in the consideration of Sologubov's story through the prism of world modeling. The results obtained during the study showed that the theme of purity, sinlessness of the child hero, his suffering and death due to fundamental incompatibility with the norms of earthly life bring F. Sologub's story closer to the works of his literary predecessors. The general space-time universals, the theme of Christmas as the leading world-modeling category, and the theme of child death are preserved. F. Sologub concentrates the text space around the mystical and philosophical ideas of the turn of the 19th–20th centuries, introducing into it the aesthetic principles of symbolism.

Keywords: image of a child, theme of the child's suffering, F.M. Dostoevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin, N.G. Garin-Mikhailovsky

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted October 1, 2023; revised November 15, 2023; accepted December 15, 2023.

For citation: Shestakova, E.Yu. (2024). Author's world modeling in the genre of "Yuletide story" by Fyodor Sologub. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 16–26. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-16-26>

Введение

Тема проблемного детства, столь очевидно подхваченная и развитая в творчестве писателя конца XIX – начала XX в. Федора Сологуба (1863–1927), берет свое начало в русской художественной традиции XIX в., и прежде всего здесь стоит говорить о литературном наследии Ф.М. Достоевского. Ф.М. Достоевский «оказывается созвучным для всей литературы символизма» (Клейман, 1983, с. 11), к которой тяготел Ф. Сологуб. Это объясняется тем, что «психология Достоевского говорит о жизни духа, а не ограничивается показом лишь верхнего слоя» (Клейман, 1983, с. 11). Ф. Сологуб – «один из первых декадентов, писатель с мировоззрением двадцатого века, испытал на себе влияние Достоевского с его „трагическим мироощущением“, „интересом к глубинам человеческого духа“, „метафизическим основам существования человека“» (Клейман, 1983, с. 11).

Актуальным направлением современного литературоведения является рассмотрение художественного текста с точки зрения его миромоделирующих закономерностей. Это позволяет раскрыть своеобразие «мировоззренческой позиции автора», «его творческого стиля» (Аванесян, 2020, с. 5). Речь идет об «авторском миромоделировании», проявляющемся в «разнообразных формах творческого мышления – проблемно-тематические уровни, мотивно-сюжетные блоки, лирические ситуации, структурные элементы, арсенал изобразительно-выразительных средств» (Левина, 2022, с. 453). Художественная модель (картина) мира содержит «онтологические концепты» – «„человек“ (микрокосм бытия) и „мир“ (макркосм бытия)» (Гарипова, 2021, с. 10). Авторская миромодель строится на основе особых «протоформул» – «пространство, время и человек (персонаж)» (Ларина, 2018, с. 4).

Цель исследования – выявление своеобразия авторского миромоделирования в жанре «святочного рассказа» Федора Сологуба, в полной мере обнаруживающегося при сопоставлении с классическими произведениями XIX в., созданными в рамках данного жанра. В этом заключается новизна предпринятого исследования.

Обсуждение

Влияние Ф.М. Достоевского на творчество Ф. Сологуба отмечено многими исследователями. Об этом писали Л. Клейман (Клейман, 1983), Н.А. Дворяшина (Дворяшина, 2009). Однако тема страданий и унижений ребенка, впервые так остро заявленная в произведениях Ф.М. Достоевского, прослеживается и в творчестве других авторов XIX в. (М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.Г. Гарина-Михайловского). Поэтому применительно к прозе Ф. Сологуба о детях правомерно говорить, что писатель явился продолжателем традиций не только творчества Ф.М. Достоевского, но всей предшествующей русской литературы, посвященной проблематике «несчастливого детства». При этом остается очевидным тот факт, что у Ф. Сологуба данная тема обретает новые черты.

Жанр «святочного рассказа» оказался близок Ф. Сологубу, с появлением рассказа «Рождественский мальчик» (1907) в творчество автора входит проблематика и образно-мотивная структура русской рождественской истории, традиции которой берут начало в рассказе Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» (1875). Вместе с тем интерпретация темы Рождества и острога социальных вопросов, поставленных в рассказах «Рождественская сказка» (1869) М.Е. Салтыкова-Щедрина и «Дворец Дима» (1900) Н.Г. Гарина-Михайловского, широко подхвачены в произведении Ф. Сологуба.

В рассказах встречаются сходные пространственно-временные универсалии. Время действия всех произведений – Рождество, место происходящих событий связано с темой страданий и унижений ребенка («какой-то огромный город» и «сырой холодный» подвал у Ф.М. Достоевского; сельская местность, где в небольшом имении живет Сережа – герой «сказки» М.Е. Салтыкова-Щедрина; дома матери и отца Дима из рассказа Н.Г. Гарина-Михайловского; город и дома Пусторослева и Гриши у Ф. Сологуба). Рождество осмысливается мистическим временем, когда в жизни героев происходят важнейшие события, связанные с представлением о цели и смысле земного бытия человека, неизбежности и трагичности смерти.

Тема Рождества является ведущей миромоделирующей категорией, определяющей основной круг социальных вопросов, а также духовно-нравственной проблематики произведений. Наступившее Рождество призывает людей вспомнить о цели прихода Господа Иисуса Христа в земной мир, о данных Им заповедях, изложенных в Евангелии. О необходимости любить Бога и друг друга, составляющих «смысл человеческой Правды» (Сологуб, 1992, с. 185), говорит священник в проповеди после праздничной литургии в рассказе «Рождественская сказка» М.Е. Салтыкова-Щедрина, однако, к удивлению Сережи, в реальной жизни люди не спешат исполнять эту заповедь и не стремятся руководствоваться ею в своем отношении к ближним. Эта мысль – о неисполнении заветов Христа – является прямым продолжением темы равнодушия окружающих людей к голодному, замерзающему ребенку из рассказа Ф.М. Достоевского. Сюжет о жестокости семьи отца, не разрешающего в праздник Рождества увидеться Диму («Дворец Дима»), незаконнорожденному ребенку, со своими братьями и сестрами, развивает мотив холодного человеческого сердца, лишённого любви и милосердия, звучащего в «святочных рассказах». Общественные законы морали и нравственности в рассказе Н.Г. Гарина-Михайловского вступают в противоречие с Божественными установлениями.

Важными хромотопическими миромоделирующими компонентами в рассказе Ф. Сологуба «Рождественский мальчик» являются рождественское время и особенности пространственной организации. Однако они выполняют иные функции, нежели в произведениях писателей XIX в. На первый взгляд, сологубовский текст похож на рассказ «Мальчик у Христа на елке»: пространственный образ дома Гриши – «смрадной квартиры», полной «угрюмых, словно голодных людей» (Сологуб, 1992, с. 215), напоминает «подвал» и умирающих от голода и болезней нищих, в окружении которых проснулся в рождественское утро маленький герой Ф.М. Достоевского (Достоевский, 2005, с. 20). Мотивы нищеты («тощий, грязный, уродливый») сологубовский Гриша (Сологуб, 1992, с. 215) и дрожащий от холода, «одетый в какой-то халатик» мальчик Ф.М. Достоевского (Достоевский, 2005, с. 20) и детского сиротства («Под образами – мертвая женщина. Мальчик, сын мертвой») (Сологуб, 1992, с. 215) – «Ощупав лицо мамы, он подивился, что она совсем не двигается и стала такая же холодная, как стена») (Достоевский, 2005, с. 20) раскрываются в обоих произведениях. Однако все это свидетельствует лишь о внешнем сходстве, традиционные образы и мотивы в рассказе Ф. Сологуба получают иное содержательное наполнение. Рождественское время в сологубовском произведении не обнажает социальных проблем, в основе которых лежит отсутствие истинных духовно-нравственных устремлений общества. Оно призвано прерывать естественное, обычное течение временного потока, давая возможность героям (Грише и Пусторослеву) проходить сквозь пространство и приоткрыть «двери» в инобытие.

Место этой «тайной двери» указано автором вполне определенно: «Немного ниже и наискось того места, где в черной раме висела гравюра, Мона Лиза. Между двух стульев. Узор обоев ничем, по-видимому, не отличался. Но было какое-то странное и значительное выражение в этих зеленоватых странных

цветах. И когда Пусторослев долго всматривался в узор, ему вдруг начинало казаться, что это место на стене чем-то обведено, словно за ним скрывается тайная дверь» (Сологуб, 1992, с. 211). Образ зеленого узора обоев, связанный с семантикой гибели, ухода в иной мир, вводит в текст рассказа тему смерти.

Тема детской смерти является ценностно-смысловой доминантой сюжетного развития и идейно-художественного наполнения «святочных рассказов» русских писателей XIX в. Однако эта тема в произведениях разных авторов получает оригинальное решение. Чистая, искренняя душа десятилетнего Сережи Русланцева («Рождественская сказка») не смогла смириться с тем, что придется жить и расти в мире, утратившем Божественную Правду, блаженство взаимной любви, и, потрясенная этим открытием, уходит в мир иной. Царство Божие – единственное место, где эта Правда может существовать. Обходя вниманием тему детской нищеты, голода и сиротства, М.Е. Салтыков-Щедрин акцентирует внимание читателя на проблеме духовного несовершенства человеческого общества, ставшей причиной смерти мальчика, живущего в ситуации внешнего благополучия, материального достатка и окруженного материнской заботой. В рассказе «Дворец Дима» Н.Г. Гарина-Михайловского маленький герой не испытывает нужды в еде и теплом крове, рядом с ним всегда находится любящая мама. Однако чудовищные общественные законы, заставляющие «незаконного» ребенка чувствовать себя изгоем, недостойным бывать в «приличном» доме, вызывают сильное эмоциональное потрясение и останавливают биение нежного, ранимого детского сердца. Слуга Егор бросает упрек людям, отказавшем мальчику в любви, принятии и тем самым погубившим его: «– Не надо тебе, – назад возьмет свою душу Господь, а не пропадет же у Бога она» (Гарин-Михайловский, 1958, с. 11). Дим, как и Сережа Русланцев, уходит к Богу, не делающему исключений для тех, кто достоин или не достоин Его Любви.

Острота критических обличений в рассказе Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» фиксирует связь духовно-нравственного, социального неблагополучия общества и смерти ребенка. На взгляд писателя, виновниками нищеты, голода и гибели маленького героя, как и множества других детей, оказавшихся в подобной ситуации, становится общество, в котором мимо страдающего ребенка проходит «блюстителю порядка» и «отворачивается, чтобы не заметить», а богатые, сытые «барыни» кричат и машут, прогоняя с порога своего дома, впрочем, стыдливо «сунув в руку копеечку» (Достоевский, 2005, с. 21).

Ф. Сологуб снимает социальную и нравственную заостренность «святочного рассказа» своих литературных предшественников, концентрируя текстовое пространство вокруг мистико-философских идей, характерных для эпохи рубежа XIX–XX вв. Гриша – центральный детский образ рассказа «Рождественский мальчик» – является своеобразной связующей нитью между иным, потусторонним миром, и земной, обыденной действительностью. Впервые он приходит к главному «взрослому» герою Пусторослеву как призрак – «весь белый, тонкий и сияющий» (Сологуб, 1992, с. 214). Выразительными повторяющимися портретными деталями образа мальчика становятся «бледность» («на бледном, точно неживом лице»), хрупкость, утонченность («тонкая, длинная шея», «стройные, тонкие ноги»), белые одежды («одежда

странного покроя, вся белая»), бесплотная тишина («тихие шаги», «тихий голос», «сказал тихонько») (Сологуб, 1992, с. 209–215). Ребенок напоминает ангела, обладающего тайнами жизни и смерти (на это указывают его «черные, жутко мерцающие, страшно глубокие глаза») (Сологуб, 1992, с. 210), знакомого с загадками иного мира, недоступными обычному земному человеку, пребывающему в этой ограниченной реальности. Сравнения «словно неживой» подчеркивают надмирность ребенка, его принадлежность инобытию. Перед читателем предстает хорошо узнаваемый образ «тихого ребенка», воссозданного в романе «Творимая легенда».

Ребенок-призрак появляется в моменты, когда Пусторослева охватывает острое ощущение одиночества, собственной ненужности и оставленности, желание разделить с кем-то нерастраченную любовь. Прежде всего, герой сожалеет о том, что у него нет детей: «Захотелось безопасности, уюта, семьи. Услышать детский лепет в этой квартире, слишком большой и слишком богатой для одного, – и робкие упражнения на рояли, – и внезапный смех» (Сологуб, 1992, с. 210). Мальчик-ангел словно приходит в ответ на горький призыв отца, не имеющего сына, но страстно желающего его обрести.

Потребность Пусторослева в любви столь велика, что он вызывает к жизни мальчика-призрака, руководствуясь словами поэта-декадента Приклонского: «Мы живем среди природы, которая вся насквозь проникнута стремлением к жизни. Тысячелетия тому назад волевая энергия природы была так велика, что возникли бесчисленные разности жизни на земле. Теперь энергия природы принимает иной характер: природа стремится не только к бытию, – она стремится к тому, чтобы осознать себя. Нас окружает страстное желание не только быть, но быть самым сознательным, – быть человеком, и более, чем человеком. Те домашние, маленькие нежити, которых вы давно чувствовали вокруг себя, настойчиво стучались в двери вашего сознания. Вам надлежит теперь отдаться с доверчивостью тому приключению, которое вас ожидает. Они вас не обманут. По крайней мере, смело можно утверждать, что они не сделают с вами ничего такого, возможности чего не заложены в вас самих» (Сологуб, 1992, с. 213). Здесь «„волевая энергия природы“ соответствует Мировой Воле, основополагающей категории А. Шопенгауэра, под сильным влиянием идей которого находился Ф. Сологуб» (Магалашвили, 1997, с. 62).

Евангельский сюжет о воскрешении Господом Иисусом Христом ребенка, реализуемый в обрисовке действий Пусторослева, предстает в авторской интерпретации как вера в могущественные силы человеческого духа, способного «оживить» бестелесный призрак, придав ему земной полнокровный облик. Одновременно мальчик-ангел, желающий окружить страдающего от одиночества человека любовью, требует помочь ему стать обычным человеком. Вместе с тем писатель дает вполне реальную трактовку процесса «воскресения» маленького призрака: десятилетний мальчик Гриша, потеряв родителей и оказавшийся на грани голодной гибели, мечтает обрести дом и заботливого взрослого. Его страдающий дух, блуждая в пространстве, находит Пусторослева и «зовет» к себе, в «смрадную квартиру», чтобы быть оттуда забранным и спасенным.

До конца рассказа образ Гриши сохраняет свою двойственную природу (Дворяшина, 2009; Михайлов, 1991; Павлова, 1990; Утехин, 1991). Как реальный мальчик, чудесно спасенный в праздник Рождества Христова от голодной и холодной смерти, обретший любящего отца, он пребывает в состоянии тихой благодарности. Но, будучи воплотившимся мальчиком-ангелом, некогда жаждущим «ожить» и оказаться в земной действительности, он сожалеет о своем исполнившемся желании: «Если бы я все это дело знал, ни за что бы я не захотел быть человеком» (Сологуб, 1992, с. 217). Ангельская, чистая детская душа видит несовершенство земного мира, полного скорби и страданий. Мечтая обрести любовь и блаженство, ребенок сталкивается с жестокостью, корыстью, завистью и несправедливостью. Отметим, что образ страдающего мира воспринят Ф. Сологубом из философии А. Шопенгауэра, «в соответствии с концепцией» которого «любое существо приходит в мир, чтобы страдать» (Магалашвили, 1997, с. 62). Ощущение душевной «боли и крушения надежд отравляют жизнь» Гриши, «придают ей трагический оттенок пессимистической безысходности» (Магалашвили, 1997, с. 62).

В мальчике нарастает внутренний протест против «такого житья собачьего», где все «для того <...> на земле живут, чтобы друг друга поедом есть», «и если он насильничает, так все и терпеть без конца?» (Сологуб, 1992, с. 217). Он желает изменить окружающий мир, пожертвовав для этого собственной жизнью. С одной стороны, в Грише зреет жажда подвига, активного действия по преобразованию несовершенного мира. И в этом смысле он выступает как юный, сложившийся революционер (рассказ «Рождественский мальчик» «был написан <...> к годовщине событий Кровавого воскресенья 9 января 1905 года» (Суетина, 2009, с. 248)). Исследователь указывает, что в сологубовском тексте «политическое событие получает мифологическое, метаисторическое толкование как проявление извечной борьбы метафизических сил: Добра и Зла, Жизни и Смерти, Бога и Зверя, а в финале звучит надежда на светлое Рождество, а не на Кровавое воскресенье» (Магалашвили, 1997, с. 62).

Тема детской смерти в рассказе Ф. Сологуба «Рождественский мальчик» получает трагическое осмысление: Гриша «разочаровывается в брэнной жизни и ждет смерти как избавительницы» (Магалашвили, 1997, с. 62), намеренно выбегая под шашки скачущих казаков. Если раньше он звал Пусторослева к жизни, то теперь ведет за собой в мир инобытия: «Не стоит жить с этими злыми людьми. Не хочу быть с ними» (Сологуб, 1992, с. 220). Причем самим автором «желание смерти» воспринимается «таким же естественным стремлением, как и желание жить» (Магалашвили, 1997, с. 62). Еще одним важным мотивом в рассказе «Рождественский мальчик», смыкающимся с темой детской смерти, становится мотив мученичества ребенка, который связывает его с «мифологемой Христа, Рождественским Младенцем, Божественным Отроком» (Магалашвили, 1997, с. 62), обреченным на гибель во имя спасения людей.

Непременным атрибутом Рождества в «святочных рассказах» русских писателей становится елка. Елка является значимым миромоделирующим компонентом жанра. У Ф.М. Достоевского этот образ представлен в двух планах

(земном и небесном). Маленький герой, скитающийся в холодном равнодушном городе в поисках теплого угла и приветливого взгляда, видит праздничные торжества в окнах богатых домов: «Ух, какое большое стекло, а за стеклом комната, а в комнате дерево до потолка; это елка, а на елке сколько огней, сколько золотых бумажек и яблоков, а кругом тут же куколки, маленькие лошадки; а по комнате бегают дети, нарядные, чистенькие, смеются и играют, и едят, и пьют что-то. Вот эта девочка начала с мальчиком танцевать, какая хорошенькая девочка! Вот и музыка, сквозь стекло слышно» (Достоевский, 2005, с. 23). Елка земная недоступна для бедного мальчика, находящегося на обочине благополучной жизни, отвергнутого людьми и оставленного погибать. Однако после смерти он оказался самым желанным и дорогим гостем на «елке у Христа», собравшей всех детей, когда-то брошенных, замученных, много и сильно страдавших. Любовь Господа и посмертное блаженство после всех земных невзгод становится главным рождественским чудом в судьбе мальчика.

Герой рассказа Н.Г. Гарина-Михайловского «Дворец Дима» живет мечтой – поставить и нарядить рождественскую елку, устроив совместный праздник с братьями и сестрами. Однако мальчик оказывается лишен этой предсмертной радости, презрительно и гневно отвергнутый матерью детей: «„А братик ваш Дим умирает: попросите маму, чтоб ради праздника отпустила вас к нему“. А она как выскочит: „И как ты смеешь? <...> и пошел вон. Нет и нет, – кричит, – детки, у вас никакого братика“. – „Как нет? говорю, грех, говорю, и чужую вещь украсть да спрятать, а вы душу детскую крадете, да прячете, – Бог душу жить послал, славить Его имя велел, а вы нет“» (Гарин-Михайловский, 1958, с. 12). Прекрасный дворец, сначала возникающий в грезах Дима, а потом перевоплощающийся в образ Царствия Небесного, куда ребенок попадает после смерти, семантически сближается с образом «елки у Христа» из рассказа Ф.М. Достоевского: страдающий ребенок получает от любящего Господа чудесный дом, окруженный садами и полями, полный света и музыки. Здесь маленький Дим обретает своих истинных братьев и сестер, родство с которыми определяется степенью их земных страданий.

Образ рождественской елки появляется и в рассказе Ф. Сологуба «Рождественский мальчик». Пусторослев организует елку специально для Гриши, созвав на нее детей из богатых и бедных семей. Он стремится преодолеть социальные и имущественные границы, создав утопическую ситуацию, при которой все дети уравниваются на празднике Рождества. Мальчик хорошо почувствовал искусственность, неестественность сложившейся обстановки и делает неутешительный вывод: «– Елка – очень хорошо. Славно. А ребяташки у вас скверные были. <...> они себя различают. Которые богатые считаются, те так свысока, а которые бедные, то такие завидующие, – и все они завидуют, и так у них на все глаза и горят. Все бы им отдать, да и то бы им мало было. Право слово, завидующие» (Сологуб, 1992, с. 216). По сути, для Гриши становится очевидной невозможность в земном пространстве организовать праздник, где все приходят, как к Господу, и объединяются в любви Христовой. С этого момента стремление мальчика уйти от действительно-

сти, вызывающей лишь отвращение, усиливается. Образ посмертного существования героя в сологубовском рассказе остается неясным. Слова Гриши («я пойду с ними, и ты пойдешь со мною, в новый мир, через эту дверь, темную, но верную») (Сологуб, 1992, с. 220) свидетельствуют о том, что загробная жизнь души для земного человека является вечной тайной.

Заключение

Осмысление специфики авторского миромоделирования в жанре «святочного рассказа» Федора Сологуба оказалось возможным при сопоставлении с произведениями этого жанра в творчестве Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.Г. Гарина-Михайловского и позволяет утверждать, что писателю-символисту близка тема страданий и унижений ребенка и в ее решении он продолжает гуманистические традиции своих предшественников. В фокусе внимания Ф. Сологуба оказывается образ страдающего ребенка, утвердившийся в русской литературе предшествующего периода. Маленькие герои русских рождественских историй предстают носителями «правды Божией» на земле. Их духовная чистота и безгрешность вступают в острое противоречие с законами человеческого общества. Несовместимость духовно-нравственных представлений становится причиной смерти детей, осмысляемой как уход в лучший мир, наполненный любовью Бога. Однако общая с русскими литературными представлениями XIX в. ценностно-смысловая система в творчестве Ф. Сологуба организована в свете иных философско-эстетических установок. Писатель обогащает тему детства и жанр «святочного рассказа» находками символистско-декадентского искусства, включая в их раскрытие идеи А. Шопенгауэра о Мировой Воле и неизбежности страданий, принцип двоемирия и амбивалентности ребенка, представление о близости маленького героя ирреальному, инобытийному миру и обладании им тайнами нездешней реальности.

Список литературы

- Аванесян И.Б.* Художественная модель мира в произведениях отечественных писателей конца XX – начала XXI вв. в парадигме христианской духовности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2020. 20 с.
- Гарин-Михайловский Н.Г.* Собрание сочинений: в 5 томах. Том 4. Очерки и рассказы, 1895–1906. М.: Художественная литература, 1958. 724 с.
- Гарипова Г.Т.* Принципы миромоделирования в русской прозе XX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владимир, 2021. 42 с.
- Дворяшина Н.А.* Феномен детства в творчестве русских символистов: Ф. Сологуб, З. Гиппиус, К. Бальмонт: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Сургут, 2009. 49 с.
- Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. СПб.: Азбука-классика, 2005. 462 с.
- Клейман Л.* Ранняя проза Федора Сологуба. Л.: Эрмитаж, 1983. 193 с.
- Ларина Н.А.* Миромоделирующие универсалии в малой прозе Леонида Андреева и Валерия Брюсова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018. 38 с.
- Левина Н.Н.* Специфика художественного миромоделирования в поэзии Н. Циликина // Вестник угрюдения. 2022. Т. 12. № 3. С. 453–462. <http://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-453-462>

- Магалашвили А.Р. Рождественские мотивы в новеллах Ф. Сологуба // Культура и текст. 1997. № 2. С. 62–65.
- Михайлов А.И. Два мира Федора Сологуба // Творимая легенда / Ф. Сологуб. М.: Современник, 1991. С. 5–14.
- Павлова М.М. Между светом и тенью // Тяжелые сны: роман. Рассказы / Ф. Сологуб. Л.: Художественная литература, 1990. С. 3–16.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Сказки. Л.: Наука, 1988. 279 с.
- Сологуб Ф. Капли крови. Избранная проза. М.: Центурион, Интерпракс, 1992. 448 с.
- Суетина А.И. Трансформация жанра сказки в творчестве Ф. Сологуба // Дергачевские чтения – 2008 // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Международной научной конференции. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. Т. 2. С. 244–249.
- Утехин Н.П. Альдонса и Дульцинея Ф. Сологуба // Тяжелые сны / Ф. Сологуб. М.: Советская Россия, 1991. С. 3–24.

References

- Avanesyan, I.B. (2020). *The artistic model of the world in the works of domestic writers of the late 20th – early 21st centuries. in the paradigm of Christian spirituality*. [Unpublished Unpublished PhD dissertation]. Stavropol'. (In Russ.)
- Dostoevskii, F.M. (2005). *Writer's diary*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika Publ. (In Russ.)
- Dvoryashina, N.A. (2009). *The phenomenon of childhood in the works of Russian symbolists: F. Sologub, Z. Gippius, K. Balmont*. [Unpublished doctoral dissertation]. Surgut. (In Russ.)
- Garin-Mikhailovskii, N.G. (1958). *Collected works. Vol. 4. Essays and stories, 1895–1906*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russ.)
- Garipova, G.T. (2021). *Principles of world modeling in Russian prose of the 20th century*. [Unpublished doctoral dissertation]. Vladimir. (In Russ.)
- Kleiman, L. (1983). *Early prose of Fyodor Sologub*. Leningrad: Ermitazh Publ. (In Russ.)
- Larina, N.A. (2018). *World-modeling universals in the short prose of Leonid Andreev and Valery Bryusov*. [Unpublished doctoral dissertation]. Moscow. (In Russ.)
- Levina, N.N. (2022). Specifics of artistic world modeling in the poetry of N. Tsilikin. *Vestnik Ugrovedeniya*, 12(3), 453–462. (In Russ.) <http://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-453-462>
- Magalashvili, A.R. (1997). Christmas motifs in the short stories of F. Sologub. *Kul'tura i Tekst*, (2), 62–65. (In Russ.)
- Mikhailov, A.I. (1991). Two worlds of Fedor Sologub. In F. Sologub, *A Legend in the Making* (pp. 5–14). Moscow: Sovremennik Publ. (In Russ.)
- Pavlova, M.M. (1990). Between light and shadow. In F. Sologub, *Heavy Dreams: A Novel. Stories* (pp. 3–16). Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russ.)
- Saltykov-Shchedrin, M.E. (1988). *Fairy tales*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- Sologub, F. (1992). *Drops of blood. Selected prose*. Moscow: Tsenturion Publ., Interpraks Publ. (In Russ.)
- Suetina, A.I. (2009). Transformation of the fairy tale genre in the works of F. Sologub. *Dergachev Readings – 2008. Russian Literature: National Development and Regional Characteristics. The Problem of Genre Nominations: Materials of the IX International Scientific Conference* (vol. 2, pp. 244–249). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta Publ. (In Russ.)
- Utekhin, N.P. (1991). Aldons and Dulcinea of F. Sologub. In F. Sologub, *Heavy Dreams* (pp. 3–24). Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Шестакова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка, Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета в г. Северодвинске, Российская Федерация, 164500, Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6. ORCID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Bio note:

Elena Yu. Shestakova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Russian Language, Humanitarian Institute of the Northern (Arctic) Federal University branch in Severodvinsk, 6 Kapitana Voronina St, Severodvinsk, 1654500, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru



DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-27-33

EDN: YWFIQA

УДК 82.01


Научная статья / Research article

Образ сердца в поэтическом и святоотеческом синтезе

Д.М. Бычков¹, К.Н. Гущина²

¹Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Российская Федерация

²Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Российская Федерация

 k.churzina@yandex.ru

Аннотация. Анализируется религиозно-философский и поэтический контекст функционирования образа сердца в дискурсе русских поэтов-символистов. Предпринята попытка обнаружить мифологические и христианские (евангельские и святоотеческие) корни в генезисе «кардиотопики». Авторы исследования опираются на широкий круг трудов отечественных богословов и философов. Кроме того, для более полной интерпретации образа привлекаются новейшие анатомо-философские концепции и отдаленные контексты (ведические и коранические). В работе применяется когнитивно-дискурсивный подход к анализу и интерпретации центрального образа «кардиотопики» – сердца. Делается вывод, что поэтическое и святоотеческое восприятие образа сердца обнаруживает парадоксальную конвергенцию смыслов: традиционная интерпретация образа как символа человеческой души, которая испытывает различные эмоции и переживания и передает глубокие мысли и чувства субъекта, сопрягается в поэтическом пространстве текста с речемыслительной и когнитивной функциями, осуществляющими коммуникацию с внешним и внутренним миром, с Творцом (Богом), а также сложный процесс интуитивного познания, реализованный стимулами различной модальности (памяти, речемышления, восприятия).

Ключевые слова: кардиотопика, дискурс, телесность, религиозно-философская традиция

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 16 октября 2023 г.; отрецензирована 25 ноября 2013 г.; принята к публикации 15 декабря 2023 г.

Для цитирования: Бычков Д.М., Гущина К.Н. Образ сердца в поэтическом и святоотеческом синтезе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 27–33. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-27-33>

© Бычков Д.М., Гущина К.Н., 2024




This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The image of the heart in poetic and patristic synthesis

Dmitriy M. Bychkov¹, Kseniya N. Gushchina²

¹*Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russian Federation*

²*Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russian Federation*

 k.churzina@yandex.ru

Abstract. The religious, philosophical and poetic context of the functioning of the image of the heart in the discourse of Russian symbolist poets is analyzed. An attempt has been made to discover mythological and Christian (evangelical and patristic) roots in the genesis of “cardiotopy”. The authors of the study rely on a wide range of works by Russian theologians and philosophers. In addition, for a more complete interpretation of the image, the latest anatomical and philosophical concepts and distant contexts (Vedic and Quranic) are involved. The work uses a cognitive-discursive approach to the analysis and interpretation of the central image of “cardiotopy” – the heart. It is concluded that the poetic and patristic perception of the image of the heart reveals a paradoxical convergence of meanings: the traditional interpretation of the image as a symbol of the human soul, which experiences various emotions and experiences, and conveys deep thoughts and feelings of the subject, is interfaced in the poetic space of the text with speech-thinking and cognitive functions that communicate with the external and internal world, with the Creator (God), as well as a complex process of intuitive cognition, implemented by stimuli of various modalities (memory, speech thinking, perception).

Keywords: cardiotopy, discourse, physicality, religious and philosophical tradition

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted October 16, 2023; revised November 25, 2023; accepted December 15, 2023.

For citation: Bychkov, D.M., & Gushchina, K.N. (2024). The image of the heart in poetic and patristic synthesis. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 27–33. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-27-33>

Введение

Речемыслительная функция сердца в русской поэзии восходит к анатомо-философским концепциям ведических мифов, Священных текстов, святоотеческой литературы, что в совокупности служит основанием для воссоздания генезиса образа сердца. Поэты-символисты начала XX в. расширили интерпретационный потенциал образа за счет включения присваиваемых ему когнитивных способностей еще и коммуникативной функции, что повлекло за собой дискурсивную конвергенцию в прочтении образа сердца. В символической репрезентации сердце способно выражать глубинные чувства, эмоции и мысли поэта, а также служит передаче символического значения идеалов, ценностей и духовности.

Обсуждение

Чувственно-телесная топография демонстрирует центральное положение сердца как концептуального понятия в системе миропредставлений человека об ипостасях своей личности. Биомеханика и широкий спектр эмоцио-

нально-чувственных и духовных переживаний человека осмысливается через «силу живого сердца». Сердце вздыхает, стонет, говорит, молчит, молится, «льет слезы и издает вопли», любит и радуется, страдает, жаждет, понимает и понимает – вот лишь небольшой перечень действий, который интуитивно приписывается сердцу человеком. Этимология слова сердце (от индоевропейского корня *kerd*)¹ предопределила его центральное положение в представлении человека о своем теле, его концептуальной картине мира и художественной соматосфере.

Поэтическая и философская семантика образа сердца мифологически связана с его анатомической формой. Как известно, сердце имеет конусообразный вид: основание расширено и обращено назад и вверх, образуя своего рода воронку, что нашло отражение в массовом бытовом сознании. Форма сердца как секулярный символ обычно изображается в виде двух выпуклых полукругов, соединенных внизу острым концом. Эта форма ассоциируется с физическим сердцем и является узнаваемой и универсальной.

Ведическая традиция приписывает воронке особый мистический статус – получать и аккумулировать разновекторные энергии – земную (материальную) и духовную (небесную). Ведические тексты описывают сердце как место, где пребывает душа и где происходит взаимодействие между материальным и духовным мирами. В ведической философии сердце также связывается с понятием «атман», или души. Считается, что в сердце находится истинная сущность человека, его внутренний свет и мудрость. Ведические практики, такие как медитация и йога, направлены на раскрытие этой внутренней сущности и достижение духовного просветления. Таким образом, в ведической традиции сердце имеет глубокий духовный смысл, связанный с самопознанием, преобразованием и единством с божественным. Оно является символом высших человеческих качеств и стремления к духовному развитию.

Такая изотерическая теория вполне коррелирует с анатомо-физиологической идеей о энергетическом обеспечении сердца, имеющим в основе химическую природу. Так, воронкообразное строение органа, расширенной частью направленного вверх по отношению к мозгу, способно принимать от него разной природы импульсы и сигналы, в том числе и те, которые не нуждаются в анатомических и физиологических способах связи. По этому поводу хирург и богослов В.Ф. Войно-Ясенецкий пишет: «...мысли передаются в сердце... мысль как акт чисто психологический, в отличие от ощущений как актов физиологических, не нуждается в анатомических путях проведения» (Войно-Ясенецкий, 2022, с. 42). При этом возможна и обратная передача от сердца к мозгу, уму.

Анатомо-физиологический субстрат образа сердца характеризуется также автоматизмом функционирования, то есть работа органа самообусловлена и имеет источником само себя. В художественном дискурсе эта функциональная специфика получила особый философский статус: ключевое положение среди других соматических органов, а также возможность замещать в образной структуре всего человека как личность. Таким образом, материальная основа образа объясняется его культурным статусом: сердце воспринимает-

¹ Багриновский Г.Ю. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2009. С. 555.

ся как локализация духа и душевной жизни человека, локус концентрации духовной жизни субъекта.

Метафорико-ассоциативный спектр сердца как образа в художественном дискурсе коррелирует с фактами, описанными в медицинской литературе. Так, кардиолог А.И. Гончаренко отмечает два удивительных факта о физиологическом поведении сердца. Первый факт – «предвосприятие» этого органа, при котором перцептивная способность сердца опережает наши ощущения и работу сознания. Второй факт – это этический потенциал органа, его «моральное поведение», заключающееся в способности «жертвовать» кровью ради спасения других органов (Гончаренко, 2004, с. 34–43).

Святоотеческая традиция также приписывает сердцу широкую функциональную дифференциацию, далеко выходящую за пределы традиционной анатомии и физиологии: «Сердце, по Священному писанию, есть орган общения с Богом, – пишет В.Ф. Войно-Ясенецкий в своем сборнике поучений „Дух. Душа. Тело“, – оно есть орган высшего познания» (Войно-Ясенецкий, 2022, с. 24). Действительно, труды христианских богословов – Ефрема Сирина, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Лествичника, Макария Великого и многих других отмечают речемыслительную функцию сердца, способную к мистической коммуникации. «Все тела в совокупности не могли бы произвести самой ничтожной мысли: это невозможно, это явление иного порядка. Из всех тел и умов нельзя было бы извлечь ни одного движения истинной любви: это невозможно, это явление иного порядка, это – выше природы», – писал Блез Паскаль, также полагая, что сердце способно к иррациональному восприятию и переработке экзогенных импульсов нематериальной природы интуитивным «чутьем», способно к аккумуляции духовной энергии, «это сверхприродное событие происходит именно в сердце» (Тарасов, 2006).

Генезис образа сердца в христианской традиции восходит к Священным писаниям, для которых характерна метафорическая корреляция сердца и поля. Например, в евангельской «Притче о сеятеле» (Матф. 13:3–8) рассказывается о том, как сердца людей воспринимают Слово Божие. При этом сердце ассоциируется с почвой, землей, дорогой (каменистой, тернистой и доброй). Слова Иисуса Христа проникают в душу через сердца.

Подобное представление о сердце наблюдается и в исламской традиции: сердца неверующих уподобляются недужным, запечатанным, каменным. В Суре 2:10 читаем: «Их [неверующих. – Д.Б., К.Г.] сердца поражены недугом. Да усилит Аллах их недуг!». Таким образом, религиозная интерпретация данного образа определяет сердце органом, воспринимающим и аккумулирующим духовные законы Творца.

Христианство наделило сердце новой функциональностью – коммуникативной. В Евангелии от Матфея есть строки, раскрывающие когнитивно-коммуникативные возможности сердца: «От чистого сердца глаголят уста» (Матф. 12:34). Если тело суть необходимое – топос связи с земным, материальным миром, то сердце – это канал связи, коммуникации с миром Божиим. Философ И.А. Ильин писал: «...земной язык не имеет для этих обстоятельств верных слов и отчетливых представлений, а сверхземному языку я еще должен

самостоятельно научиться, то есть приобрести его, или (еще точнее) творчески создать его в себе, чтобы понимать его и владеть им» (Ильин, 2013, с. 242). Говоря другими словами, в сердце сосредотачиваются грани структуры личности – духовной, душевной и физической, при этом сердцу отводится роль коммуниканта между указанными личностными планами. С другой стороны, это орган чувств, которым приобретается духовный опыт, и продолжая словами И.А. Ильина, «в этом опыте я должен пережить и увидеть мое собственное духовное естество и добыть себе очевидность моего духовного бессмертия» (Ильин, 2013, с. 242).

В русской поэтической традиции Серебряного века (в особенности поэты-символисты и акмеисты (Гущина, 2023)), перекликающейся с религиозно-философским дискурсом, относительно интерпретации исследуемого понятия кардиотопика приобретет более отчетливое коммуникативное измерение, сродни фразеологическим оборотам – говорить в сердцах, сердечный разговор, от сердца к сердцу, от чистого сердца, воспринимать близко к сердцу и т. п. При этом кардиотопика достаточно часто сопрягается с традиционными романтическими образами (луны, звезд, тумана) и мотивами (одиночества, молчанья). Так, А.А. Голенищев-Кутузов в стихотворении «Когда святилище души...» (1888 г.) репрезентует образ сердца вместилищем глубоких размышлений лирического субъекта, где созревает до времени его эмоционально-волевая сфера и аккумулируются душевные порывы, готовые в нужное время «взорваться»:

В глубоких недрах вспыхнет жар,
И тьму пронижет луч победный,
И грянет громовой удар!²

Или же в стихотворении «Не смолкай, говори...» (1888 г.), в котором влюбленное и одурманенное сердце лирического героя коррелирует с онейрическими мотивами сна, мечтания и представляется вместилищем дум и размышлений. Лирический субъект поэта находится на пути духовного познания природы одиночества человеческой души. В данном контексте сердце отождествляется с миром, непознаваемым, полным тоски и отрешенности от диалога.

Речемыслительная функция сердца, как видим, замкнута на самой себе, поскольку достойного субъекта общения в душевном плане ему не найти. Вся полнота общения человека доступна только Творцу. Говорить сердцем человек может только с Богом, и русские поэты видят в этом источник человеческих страданий.

В русской поэзии начала XX в. речемыслительная и коммуникативная функция сердца часто выражается через символическое изображение сердца как центра эмоционального и духовного мира человека. В поэтическом дискурсе сердце часто ассоциируется с понятием «душа», выступая как источник чувств и эмоций, неразрывно связанных с внутренним миром поэта. Оно выражает его внутреннюю правду, его самые глубокие переживания и мысли.

² Голенищев-Кутузов А.А. Стихотворения. URL: http://az.lib.ru/g/golenishewkutuzow_a_a/text_0020.shtml (дата обращения: 27.11.2023).

В современной филологии утвердился ряд представлений, «связывающих ментальные и физические феномены. Они должны быть включены либо в сферу материального, либо в сферу ментального, однако с точки зрения своих носителей они не могут принадлежать ни к одной, ни к другой области»³. Сердце также часто используется как репрезентант когнитивных свойств лирического субъекта. Особое значение этому предавали романтики XIX в. и русские символисты Серебряного века в силу их трансцендентного мировосприятия, репрезентованного в лирических текстах. Например, в стихотворении А. Блока «Тревога» образ сердца способен слышать, видеть, декодировать тайные знаки, все это – совокупность коммуникативных параметров образа:

Сердце слышишь...
Сердце видишь:
Кто-то подал знак,
Тайный знак рукой?
(Блок, 2009, с. 216)

В этом плане образ сердца восходит к романтической интерпретации. К. Батюшков в стихотворении «Мой гений» (1815 г.) указывал на еще одно когнитивное свойство сердца, без которого невозможна коммуникация, – память:

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной...⁴

Заключение

Итак, человеческому сознанию свойственна мифологизация окружающего мира как попытка объяснить сложные универсалии не только внешней действительности, но и внутреннего бытия личности, в том числе и анатомо-философского представления о теле, трансформирующего физиологическое в мифологическое. В этой связи особым значением наделяется образ сердца как ключевой топос в телесной концепции поэтов и философов. Представляется интересным рассмотреть мифопоэтический генезис данного образа в его связи с материалистической интерпретацией. Современная философская и филологическая мысль активно обращается к интерпретации образа сердца. Когнитивные функции сердца в поэзии заключаются в использовании образа сердца для передачи мыслей и идей, связанных с различными аспектами человеческой жизни. Сердце может быть использовано как символ чувственности и эмоциональной глубины, который помогает поэту передать свои мысли и идеи в более яркой и выразительной форме. Поэтическая гносеология приписывает сердцу познавательные способности, реализующиеся в различных модулях перцепции – памяти, речемышлении, интуиции, коммуникации и др.

³ Когнитивный словарь литературно-философского дискурса / ред.-сост. Е.Н. Бадалова, Д.М. Бычков. Астрахань: Астраханский государственный университет: Астраханский университет, 2014. С. 201.

⁴ *Батюшков К.Н.* Стихотворения. URL: http://az.lib.ru/b/batjushkow_k_n/text_0080-2.shtml (дата обращения: 01.12.2023).

Список литературы

- Блок А.А. Полное собрание стихотворений: в 3 томах. Том второй (1904–1908). М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 307 с.
- Гончаренко А.И. Непознанное сердце // Техника молодежи, 2004. № 9. С. 34–43.
- Гущина К.Н. Поэтика телесности в лирическом творчестве Владимира Нарбута: монография. Астрахань: Изд-во АГТУ, 2023. 92 с.
- Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М.: ДАРЪ, 2013. 320 с.
- Свт. Лука (Войно-Ясенецкий), археп. Симферопольский и Крымский. Дух, душа и тело: избранные поучения. М.: ДАРЪ, 2022. 320 с.
- Тарасов Б.Н. Философия сердца в творчестве Паскаля и русских мыслителей // Вестник русской христианской гуманитарной академии 2015. Т. 16. Вып. 3 С. 229–237.

References

- Block, A.A. (1997). *Poems. Vol. II. Book two (1904–1908)*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Goncharenko, A.I. (2004). The unknown heart. *Technique of Youth*, (9), 34–43. (In Russ.)
- Gushchina, K.N. (2023). *The poetics of physicality in the lyrical work of Vladimir Narbut*. Astrakhan: AGTU Publ. (In Russ.)
- Ilyin, I.A. (2013). *The Singing heart. The book of quiet contemplations*. Moscow: DAR Publ. (In Russ.)
- St. Luke (Voino-Yasenetsky), archep. Simferopol and Crimean. (2022). *Spirit, soul and body: Selected teachings*. Moscow: DAR Publ. (In Russ.)
- Tarasov, B.N. (2015). Philosophy of the heart in the works of Pascal and the Russians. *Vestnik Russkoj Hristianskoj Gumanitarnoj Akademii*, 16(3), 229–237. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Бычков Дмитрий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций, Астраханский государственный технический университет, Российская Федерация, 414025, Астрахань, ул. Татищева, д. 16. ORCID: 0000-0002-0114-7341. E-mail: dmitriybychkov@list.ru

Гущина Ксения Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Астраханский государственный медицинский университет, Российская Федерация, 414000, Астрахань, ул. Бакинская, д. 121. ORCID: 0000-0002-7235-6263. E-mail: k.churzina@yandex.ru

Bio notes:

Dmitry M. Bychkov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages and Speech Communications Department, Astrakhan State Technical University, 16 Tatishcheva St, Astrakhan, 414025, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0114-7341. E-mail: dmitriybychkov@list.ru

Ksenia N. Gushchina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department, Astrakhan State Medical University, 121 Bakinskaya St, Astrakhan, 414000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7235-6263. E-mail: k.churzina@yandex.ru



СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-34-45

EDN: ZAAIOD

УДК 82-1/29

Научная статья / Research article


Семиотика «Самаркандского текста»

Э.Ф. Шафранская¹  , Г.Т. Гарипова^{1,2} , Ю.У. Матенова³ 

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

²Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Москва,
Российская Федерация

³Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами,
Ташкент, Республика Узбекистан

 shafranskayaef@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление и изучение дифференциальных признаков феномена «Самаркандского текста», который с уверенностью заявляет о себе как одно из явлений в ряду мировых локальных текстов. Отмечается, что несмотря на его географическую соотнесенность со среднеазиатским регионом, он широко представлен в мировой литературе и культуре в целом, имеет полисемантическую и функциональную репрезентацию. Предпринята попытка идентификации очевидных и неочевидных форм его эстетических моделей, а также систематизации принципов проектирования его миро-моделей, эйдетического образа, городского локуса. Изучены тексты ряда эпох (от XV до XXI в.), принадлежащих различным культурам и формам словесности (литературно-художественные: исторические романы, беллетристика, поэтические строки; множественные формы и жанры нон-фикшн литературы: травелоги, философские эссе, мемуары, письма, стенографический отчет и др.). Сделаны выводы о том, что Самарканд как город с древней историей, как центр науки, культуры, искусств, место с уникальным ландшафтом, топологией и бытом нашел свое отражение в самых разнообразных литературных источниках. В совокупности в них представлен образ города, который имеет все признаки аутентичного культурного кода. В литературе сформировался «Самаркандский текст» как семиотическое поле с широким набором собственных устойчивых, оригинальных доминантных признаков, отличающих его от других текстов и одновременно позволяющих с полным основанием вписать феномен в совокупную систему локальных полей мировой культуры.

Ключевые слова: Самарканд, локальный текст, *genius loci*, травелог, Сергей Бородин, Адыл Якубов, Андрей Волос, Гузель Яхина

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Матенова Ю.У., 2024






This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 4 ноября 2023 г.; отрецензирована 11 декабря 2023 г.; принята к публикации 30 декабря 2023 г.

Для цитирования: Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Матенова Ю.У. Семиотика «Самаркандского текста» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 34–45. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-34-45>


Semiotics of the “Samarkand text”

Eleonora F. Shafranskaya¹,
Gulchira T. Garipova^{1,2}, Yulia U. Matenova³

¹*Moscow City University, Moscow, Russian Federation*

²*A.N. Kosygin Russian State University (Technologies, Design, Art), Moscow, Russian Federation*

³*Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Tashkent, Republic of Uzbekistan*

 shafranskayaef@mail.ru

Abstract. The purpose of the research is to identify and study the differential features of the phenomenon of the “Samarkand text”, which confidently declares itself as one of the phenomena in a number of world local texts. The authors note that despite its geographical relationship with the Central Asian region, it is widely represented in world literature and culture in general, and has a polysemantic and functional representation. An attempt was made to identify obvious and non-obvious forms of his aesthetic models, as well as to systematize the principles of designing his world model, eidetic image, and urban locus. The authors studied texts from a number of epoch-making periods (from the 15th to the 21st century), belonging to various cultures and forms of literature (literary and artistic: historical novels, fiction, poetic lines; multiple forms and genres of non-fiction literature: travelogues, philosophical essays, memoirs, letters, verbatim report, etc.). Research analytics allowed to arrive at the following results. Samarkand as a city with an ancient history, as a center of science, culture, arts, a place with a unique landscape, topology and way of life is reflected in a wide variety of literary sources. Taken together, they present an image of a city that has all the signs of an authentic cultural code. The literary model of the “Samarkand text” is formed as a semiotic field with a wide range of its own stable, original dominant features that distinguish it from other texts and at the same time allow the phenomenon to be rightfully included in the overall system of local fields of world culture.

Keywords: Samarkand, local text, genius loci, travelogue, Sergey Borodin, Adyl Yakubov, Andrey Volos, Guzel Yakhina

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 4, 2023; revised December 11, 2023; accepted December 30, 2023.

For citation: Shafranskaya, E.F., Garipova, G.T., & Matenova, Yu.U. (2024). Semiotics of the “Samarkand text”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 34–45. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-34-45>

Введение

Методология исследования опирается на многочисленные работы, посвященные локальным текстам. Среди них особо следует выделить труды В.Н. Топорова, первопроходца в исследовании локального текста. Он пишет

о специфике «языка», которым город говорит о себе в истории и культуре. Языком города выступают его улицы и площади, воды, острова и сады, здания и памятники, люди, история и идеи – только так можно понять город как гетерогенный текст, несущий универсальный смысл (Топоров, 2009, с. 658). В.Н. Топоров считает, что локальный текст (в его случае – петербургский) един, в его основе – ядро, некая совокупность вариантов, которые были написаны разными авторами; локальный текст, по В.Н. Топорову, рождается на полпути между объектом (городом) и писателями (Топоров, 2009, с. 662).

За последние два с лишним десятилетия было написано и опубликовано немало работ, посвященных изучению локального текста как феномена, обнаружено и описано немалое количество его конкретных разновидностей, среди них пермский текст (Абашев, 2000), крымский текст (Люсый, 2016), сибирский текст (Сибирский текст... 2010), нижегородский текст (Петрова, 2021), калининградский текст (Гаврилина, 2011), лондонский текст, усадебный текст (Гриневиц, 2022) и т. д. Появление такого рода литературоведческих и культуроведческих трудов с неизбежностью ставит вопрос о филологической легитимации понятия «локальный текст», его атрибуции к конкретному месту, городу, региону, о границах этого понятия, как социальных, так и географических, о структуре и внутренней иерархии его содержания, методологии его изучения. Так, в ряде статей предлагается разделять локальные тексты на «географические конструкторы» и «социальные конструкторы» (Старыгина, 2017). Актуальным представляется объединение биографического и географического контекстов (Коркунов, 2014). А.П. Люсый в качестве аналитического метода предлагает «преодоление методологического разобщения отдельных дисциплинарных и „региональных“ направлений в целостной интерпретации русской литературы как суммы и системы текстов разного уровня и поиска» (Люсый, 2017, с. 5).

В исследовании с опорой на разработанные ранее подходы и принципы легитимации локального текста, аутентичного и самодостаточного, делается попытка доказать гипотезу о том, что феномен самаркандского текста имеет свой собственный набор семиотических параметров, он является существенным дополнением к формирующемуся междисциплинарному, мультиаспектному и «трансграничному» изучению мировых текстов во всем разнообразии их конкретных проявлений.

В дополнение к сказанному стоит отметить значительный интерес к самаркандскому тексту в среде зарубежных исследователей разных направлений: к истории города (Ionesov, 1993), его историческим артефактам в контексте мировой археологии (Fagan, 2006), топонимии (Joraboyeva, Asrayeva, 2023).

Обсуждение

Концепт «город-рай»: Самарканд в травелогах и дневниках. На протяжении истории, где бы ни упоминался Самарканд, везде присутствует сравнение города с раем. Василий Вяткин, описывая архитектуру Самарканда, цитирует Клавихо, кастильского посла 1403–1406 гг. при дворе Тимура в Самарканде; испанский путешественник оставил потомкам дневник о своей

самаркандской миссии (Гонзалес де Клавихо, 1881). В нем описан ландшафт Самарканда: это город, окруженный садами и виноградниками, между которыми лежат поля с дынями и хлопком; это земля, богатая хлебом и вином, плодами и птицами, баранами с большими хвостами; имя городу – Симескент, то есть богатое селенье, отсюда происходит и Самарканд; его царь, желая возвеличить город, из всех покоренных стран привозил в Самарканд людей, искусников и мастеров (см.: Вяткин, 1929, с. 13–14).

От записи, сделанной в начале XV в., мало чем отличается впечатление французского военного и литератора Жюлья Наполеона Нея, побывавшего в городе с дипломатической миссией в 80-е гг. XIX в. Он создает живописный пейзаж места: древнюю дорогу необыкновенной красоты, стоящие по обочинам гигантские тополя, сады, глинобитные домики, благоухающие виноградники в виде безбрежных изумрудных полей, широкую аллею, ведущую в русский город, подобный парку, и опять сады и аллеи, а в садах фруктовые деревья, цветы и кипарисы, вдали – восточные башни и купола (Ней, 2023, с. 204–205). Древний город видится Нею мусульманским Римом. В городе 250 мечетей и 40 медресе, благодаря чему в мусульманском мире его называют «четвертым раем» (Ней, 2023, с. 239).

В XX в. *райская* коннотация Самарканда дополняется новыми чертами – «ирреальностью» и мистической атмосферой. Писатель Сигизмунд Кржижановский в «узбекистанских импрессирах» «Салыр-Гюль» (1933) напишет, что Самарканд лишен «реализма», в городе невозможно «осуществить реализм», потому что его быт и пейзаж, его солнце и небо, его древность – все настраивает на фантазию (Кржижановский, 2003, с. 431).

О фантастических реалиях Самарканда пишет десятилетием ранее Кузьма Петров-Водкин в своей «Самаркандии» (1921). Собирая факты и небылицы о городе, он сообщает, что Кусам ибн Аббас, один из завоевателей Самарканда и проповедников ислама, при обороне города от согдийцев, потерпев поражение, в отчаянии воткнул рукоятку нагайки в землю – «рукоятка пустила корни и разрослась в дерево над могилою своего владельца... Всеведущий самаркандиолог Вяткин сам удивлен породой этого дерева, не встречаемого в Самаркандии» (Петров-Водкин, 1923, с. 15–16).

В 40-е гг. XX в. художник Макс Бирштейн, впечатленный петрововодкинской «Самаркандией», попав в город из голодной Туркмении, пишет о самаркандском «рае». Все увиденное в Самарканде: ликующее, яркое изобилие, ломящиеся от экзотических плодов – фруктов, овощей, орехов, риса, разноцветного изюма – лавочки, дымящийся шашлык, толстые торговцы в сказочных халатах, подпоясанных под талией яркими вышитыми платками с упрятыми в них денежными пачками, яркое солнце, сине-лиловое небо, щелканье копыт маленьких осликов, на которых сидят тучные узбеки и седые старцы, – все это потрясло воображение М. Бирштейна, и он почти выкрикивает: «Рай!» (Бирштейн, 2010).

Анна Ахматова в ноябре – декабре 1942 г. в тифозном бреде в больничной палате ташкентского ТашМИ¹, вспоминая свои поездки в Самарканд, напишет всего в двух строчках поэтическое завещание-мечту: «А умирать

¹ Ташкентский медицинский институт.

поедем в Самарканд, / На родину предвечных роз...» (Ахматова, 2000, с. 406). Для нее Самарканд навсегда останется городом-раем, городом-памятью, который стал домом (на время эвакуации) и для ее друга Николая Панина. Ахматова рассталась с ним еще до войны, но Самарканд словно очертил в ее сознании память о нем. Роза в лирике Ахматовой часто семиотически соотносится с семантикой бессмертия и коррелирует с образом райского сада (см.: «Дал Ты мне молодость трудную» и «Летний сад»), коннотации которого – *небесность, таинственность, счастье, любовь, воскресительное спасение*, предопределенные символически «потерянного рая», накладываются на образ-память Самарканд. Он утрачивает временную и пространственную соотнесенность с реальным Самаркандом и трансформируется в эйдетический образ райского Эдема.

Аналогия с раем присутствует и в дневниковых записях художника Климента Редько (23 августа 1939 г.): «По древнему сказанию Самарканд занимает место между богатством Индии и благочестием Мекки. Иначе говоря, Самарканд подобен раю» (Редько, 1967, с. 211).

В биографии русского художника А.В. Николаева Самарканд сыграл судьбоносную роль: Николаев превратился в Усто Мумина, переделся в одежду местных жителей, а также совершил ряд иных превращений, чтобы стать самаркандцем. В ставшем недавно доступном документе из архива читаем: «Самарканд пленил меня не одной архитектурой. Сам воздух этого города, его расположение, его размеренная жизнь, красивые люди (особенно дети и старики) – весь жизненный комплекс города настолько очаровал меня, что я решил зажить так, как жили окружавшие меня соседи по махаллям.

Куда же девались все мои юношеские увлечения Малевичем, Щукиным, музеями, Камерным театром? Они растаяли, как дым, под розовым солнцем Самарканда. <...> Самарканд 21–22–23–24 гг. сохранил все черты старого восточного города, в котором сохранился еще быт XV–XVI столетий. Элементы античности, остатки древних культур в какой-то мере сохранились и в отношениях людей, и в образцах материальной культуры»².

Вот еще один судьбоносный случай, произошедший с полузабытым художником Порфирием Фальбовым, возрожденным стараниями искусствоведов: побывав раз в Самарканде в 1930 г., он коренным образом поменял свою палитру (в прямом и метафорическом смысле), получив возможность «работы в оптически иной атмосфере». Ощущение бегства от действительности в *райский уголок* позволило ему поверить в реальность эскапизма и отдаться своему предназначению (Успенский, 2017, с. 16). К сказанному важно добавить, что в советские годы Самарканд выполнял своеобразную функцию «Италии»: художники ехали сюда за светом, красками, экзотикой (так как путь в Италию был уже закрыт).

Концепт «город-судьба». Многомерным концентром азиатского восточного мира, его исторической и географической оси представлен Самарканд в трилогии советского писателя Сергея Бородина «Звезды над Самаркандом» (1962). Автор «конструирует» единое художественное поле из двух

² Стенографический отчет творческого вечера художника Узбекской ССР А.В. Николаева (Усто Мумина) 24 января 1948 г. // РГАЛИ. Ф. 3189. Оп. 1. Ед. хр. 2662. Л. 7–8.

хронотопических констант, составляющих город-судьбу, – онтологического пространства, вмещающего народ-толпу, организованную по принципу «свой-чужой», и экзистенциального одинокого «я-в-бытии» хромого Тимура, сотворившего этот город-сад. Так, в первой части романа «Хромой Тимур» четыре главы называются «Сад» (1-я, 4-я, 6-я, 10-я). Самаркандская ночь, с ее теплотой и чернотой, тенями и тьмой, подобной спекшейся крови, переворачивает в романе восприятие Самарканда как прекрасного светлого райского сада (Бородин, 1981, с. 5). Бородин словно разрывает небо и город-сад, в мраке которого спит Повелитель Мира, а рядом с ним его старая, седая, почерневшая, но преданная свидетельница его невероятной кровавой жестокости – любимая старшая жена. Серебряное небо с небесными светилами противопоставлено мраку сада и персонифицируется в образ-судьбу, перебирающую «перламутровые зерна нескончаемых четок» (Бородин, 1981, с. 5). Город-сад становится иеротопическим местом-раем для Повелителя Мира и его жены и превращается в эсхатологический ад для завоеванных народов, сгоняемых в Самарканд из уничтоженных завоевателем «мертвых земель» в рабство. Красота любимого сада Тимура «освящена» сотнями тысяч жизней *чужих*, чей бесстрашный взгляд навевал страх на Повелителя. И слово «убить» становится молитвой в его устах (Бородин, 1981, с. 8). Не было покоя Тимуру в его райских садах, его душа жаждала еще большей власти, но и страдал он от страхов бесконечно.

Историческое панорамное описание города в трилогии не соотносится детально с самаркандской исторической реальностью, а приобретает скорее метафизический характер, совпадая порой с психологическим состоянием того, кто сделал Самарканд столицей, сердцем Средней Азии и Повелителя Тамерлана. Такой прием в трилогии не случаен, он обусловлен кораническими канонами райского сада как модели «ал-Джанна», семантически соотносимыми со значением «укрывать» арабской лексемы «джанн». Так, Самарканд обозначен в трилогии не только как исторический и географический локус-центр правоверного исламского Востока, как иеротопическая экзистенциологема «душа» и/или «я-в-бытии» Тамерлана (кстати, концепт «душа» совпадет с фонетическим звучанием лексемы «джанн»), но и как коранический рай – джаннат, обозначенный в исламе местом реального сада с деревьями, разной растительностью и реками. А. Якубовский отмечает в своих исследованиях, что Тимур очень любил сады и окружил Самарканд большим их количеством, дав каждому свое название и создав для каждого свой «архитектурный портрет». Один из них назывался «Баг и Диль-Кушо», что означает «Сад, радующий сердце» (Якубовский, 1925, с. 155–156). Метафорически безымянный сад в романе Бородина становится собирательным образом всех реальных загородных садов, созданных Тимуром, своего рода «эстетической Юси-моделью» именно этого самаркандского сада «Баг и Диль-Кушо», в котором пытался властитель обрести радость. Возвращаясь из походов, только там он восстанавливался, а не в центральных дворцах своей столицы. Но так и не обрел властитель миров в этом лабиринте садов своего личного простого человеческого рая-джанната. В романе такого Самарканда в жизни Повелителя Мира не было, его вытеснили страх и кровавые деяния.

Образу Самарканда-сада и Синего дворца (в котором, по свидетельствам историков, хранилась казна) противопоставлен в трилогии образ Самарканда-базара, в пространстве которого смешиваются судьбы своих и чужих, вольных и пленных, счастливых самаркандцев и несчастных рабов. Именно это пространство, наполненное шумом, драками, лавками, людьми, товарами и т. д., представлено в романе как настоящий Самарканд, живой и «проснувшийся» (Бородин, 1981, с. 16) город, в котором звучит молитва во имя спасения души и идет торговля. Душа этого Самарканда – народ, который в историософии Бородина предстает не просто силой, противостоящей Правителям Мира, но и благословенным небом, воплощающим истинную «джан».

Задуманная Бородиным четвертая книга под названием «Белый конь» не была дописана. Именно в ней писатель планировал рассказать о распаде государства, основанного хромым Тимуром, и о новой постапокалиптической судьбе города. Самарканд становится прекрасным культурным центром благодаря внуку Тамерлана – Улугбеку. Он превращает Самарканд в культурную столицу.

Именно в такой коннотации разворачивается Самаркандский образ-локус в романе Адыла Якубова «Сокровища Улугбека» (1986). Его условно и определяют как продолжение трилогии «Звезды над Самаркандом». Однако принцип изображения Самарканда иной – он многоцветен и многолик, его пространство онтологично. Нет оппозиции «свой-чужой», есть разноликая и живая толпа разных людей, обычаев, традиций, нравов, ментальностей. Самарканд как синтез культур – таким становится город при правителе-ученом Улугбеке – сыне Шахруха, внуке Тимура.

Но и в этом романе Самарканд не лишен своей исторической эсхатологии. В последние дни жизни Улугбека бунт и кровавые распри охватывают город. Интересно, как по-разному центрируют самаркандский локус Бородин и Якубов. В «Звездах над Самаркандом» психологическим центром становится Синий дворец Тимура, в романе Якубова истинным украшением славного Самарканда становится медресе Мирзы Улугбека. Так возникают в советской литературе две «метафоры остановившегося времени» как семиотического знака имперского Самарканда Тимура и культурного города Улугбека. Самарканд многолик: он предстает и городом-метафорой остановившегося времени на пороге старта своего возрождения, преодоления эсхатологии.

Концепт «город культуры». Во всех текстах – разных веков и стран – Самарканд прежде всего изображен топографически: неизменным центром города предстает Регистан.

Регистаном называлась центральная городская площадь в больших городах Среднего Востока, однако городским символом Регистан стал только для Самарканда. В романе Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд» (2013) юный поэт Джафар (будущий Рудаки) идет к Регистану, рядом с которым расположена Стена поэтов. Учитывая время жизни Рудаки (858–941 гг.) и время создания самаркандского ансамбля Регистан, построенного в XV–XVII вв., неувязки все же не случается, скорее всего, Регистан, парадная площадь, была в Самарканде и до этого знаменитого ансамбля.

Вторым топографическим символом Самарканда выступает Афрасиаб – древнее городище, руины бывшего города, названного по имени героя из поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

Так выглядит Самарканд глазами Джафара Рудаки, героя романа Волоса: с возвышения он видит Регистан, стены города, минареты со сломленными от недавнего землетрясения верхушками, далее – Афрасиаб, древний город, построенный великим магом (Волос, 2013, с. 237–238). И он идет на Афрасиаб, здесь всем бывает страшно, здесь, по слухам, обитают злые духи – аджина, но Джафару не было страшно – его переполняла радость: он стал поэтом, его стихи оценили профессионалы и простой люд (Волос, 2013, с. 220).

И, наконец, третья топографическая мета Самарканда – это базары. Джафар, повествуется в романе Волоса, прошел несколькими улочками, вышел к одному из больших базаров, прошел москательные ряды, затем овощные и обжорные, откуда шел запах свежeweыпеченного хлеба и дымок из-под котлов (Волос, 2013, с. 256).

В романе материализовано то особое свойство Самарканда, которое вошло в историю под формулой: Самарканд – столица науки и искусства эпохи Мавераннахра. Именно сюда стремились поэты и ученые, только здесь они могли себя реализовать, как и герой романа Волоса – юный поэт Джафар, мечтающий вывесить свои вирши на Стену поэтов, потому что здесь, в Самарканде, «люди на поэзии собаку съели!...» (Волос, 2013, с. 236). Сразу по приезде в город Джафар побывал у Стены поэтов: важно было удостовериться, что на земле есть место, где любой может выставить свои стихи на публичное обозрение. Вся восточная стена была обклеена капустными листьями, а вокруг прогуливались молодые поэты и критики, обсуждая новые вирши, смеясь, критикуя и редко восторгаясь (Волос, 2013, с. 238–239).

Вокруг этих капустных листьев, служивших «бумагой» для поэтов, проходили «мастер-классы», «семинары», «коллоквиумы». К вечеру капустные листья исчезали, сорванные ветром со стены, утром появлялись новые – стихи и поэты. Так началась слава Джафара, ставшего поэтом с именем (лакабом) Рудаки. Самарканд сделал его поэтом, слава о нем дошла до Бухарского эмира, а дальше – случилась судьба Рудаки, яркая и трагическая.

Концепт «город мечты». Роман «Самарканд» (1988) франкоязычного автора Амина Маалуфа тоже начинается с топографического погружения в город: с его улицами и базарами, источниками и благоуханными садами – все так, как мы уже встречали выше. Перечисляются виды базаров, или базарных улиц, где торгуют каким-то одним товаром (этим отличаются среднеазиатские большие базары): герой романа (а это поэт Омар Хайям) идет вдоль Перечного рынка, потом по Ревенной улице, попадает на Суконный базар, затем в аркаду канатчиков, потом на площадь торговцев копченостями и дальше (Маалуф, 2006, с. 11–12).

Попав в Самарканд, свою грезу, он, не успев перевести дух, отправляется на прогулку по городу, помня советы бывлых путешественников: надо прежде всего идти в древнюю цитадель и оттуда смотреть на город, тогда увидишь зеленые сады и водные источники, цветочные клумбы и кипарисы. Именно так и сделал Хайям и увидел густые сады и журчащие арыки, купо-

ла мечетей и кружева бельведера, весь город – от Монастырских (так в тексте) ворот до Китайских ворот (Маалуф, 2006, с. 17).

Надо отметить, что ворота – та городская деталь, которая всегда упоминается при описании Самарканда, а также Бухары – древних городов. По мнению востоковеда В. Бартольда, ворота в Средней Азии – сакральная деталь городского ландшафта, рудимент родоплеменной жизни, анахронизм эпохи арабских завоеваний. Бартольд сообщает о городе, который открыт всем ветрам – не окруженный стенами, однако внутри разделенный на кварталы с воротами (Бартольд, 1998, с. 31–32).

По мнению мифолога О.М. Фрейденберг, ворота, с одной стороны, – это загробно-небесный горизонт; «снять ворота» или «разобрать стену» – значит, «раскрыть горизонт для триумфально шествующего бога света» (Фрейденберг, 1997, с. 190), с другой стороны, ворота – граница «между двумя мирами света и мрака» (Фрейденберг, 1997, с. 183), которая несет противоположные смыслы: раскрытые ворота не свет впускают, они его разрушают.

Например, в романе «Страсти бухарского дома» Тимура Пулатова ворота наделены чертами пожирающего животного, стоящего на рубеже двух миров. В его же повести «Завсегдатай» глазами бывшего артиста балета переданы такие наблюдения: «... в Бухаре стояли ворота сами по себе, без стен – вход в квартал, – и они ежедневно запирались, имея при себе привратника. <...> У восточного человека свое, особое отношение к таким символам, как ворота, благоговейное...» (Пулатов, 1995, с. 368).

В рассмотренном выше романе Волоса тоже упомянуты самаркандские ворота: «после того, как великий Исмаил Самани выкурил из Самарканда мятежного наместника Шарафа аль-Мулька, он приказал разрушить все ворота города, дабы никто не смел впредь запирается от его монаршего гнева и расправы. <...> В здешних стенах остались лишь бесформенные проломы – называвшиеся, впрочем, как и прежде, воротами» (Волос, 2013, с. 222).

Так, топографическое изображение Самарканда франкоязычным автором не очень отличается от коллег, пишущих по-русски. Собственно, роман Амина Маалуфа не о Самарканде, да и само действие протекает в этом локусе лишь частично, однако для читателя заглавие романа выглядит интригой.

«Самаркандом», или «Самаркандской рукописью», названа книга, в которой сюжетобразующая деталь вырастает до символа. По сути, перед читателем пустые страницы, которым еще только предстоит стать рукописью. Книгу подарил Омару Хайяму спасший его от разъяренной толпы кадий, сопроводивший подарок наставлением: не произносить вслух, а записывать свои наблюдения и умозаключения в книгу, подальше от ушей и глаз ничего не смыслящей толпы. Интрига романа связана именно с этой книгой, прошедшей сквозь века, – она была найдена, а потом утрачена безвозвратно. Была ли такая книга или нет – не суть важно. В такой постмодернистской игре смыслов можно усмотреть способ моделирования «возможных миров», где «книжный мир» превращается в метакультурный миф, реализующийся в ретро-игре с традиционной культурой. Для героя романа Самарканд «был конечной точкой в изучении Востока, местом, в котором сошлись все чудеса, овеванным бездонной ностальгией» (Маалуф, 2006, с. 315). Самарканд стал для него сакральным локусом, где совершился обряд перехода, посвящения.

Концепт «город-спаситель». В романе Гузели Яхиной «Эшелон на Самарканда» (2021) собственно Самарканда – в привычном ожидании – и нет. Однако он присутствует в романе как претекст и метатекст, чему немало способствует заглавие произведения.

Очевидно, что, создавая свой роман, Гузель Яхина находилась в одном историческом и эмоциональном регистре с писателем А.С. Неверовым, застолбившим за Ташкентом статус спасительного локуса (в повести «Ташкент – город хлебный»), который стал набирать обороты двумя десятилетиями позже, во время эвакуации 1940-х гг. Мы не знаем, почему между двумя городами – Ташкентом и Самаркандом – выбор сделан в пользу второго города (возможно, тому были причины документального характера). Если Ташкент в метатексте XX в. становится практически нарицательным именем (городом спасения), то у Самарканда такого статуса нет, хотя он тоже входил в круг городов УзССР, куда расселялись эвакуированные в 40-е гг. XX в.

Топоним из заглавия романа «Эшелон на Самарканд» имеет расширительное значение, не прописанное в тексте, но присутствующее в «семантической вселенной» (термин В.В. Налимова и Ж.А. Дрогалиной; см.: Кешфидинов, Шафранская, 2023, с. 177), или метатексте культуры.

Заключение

Исследование русскоязычных и переводных произведений о Самарканде разных исторических эпох, художественных и нон-фикшн, позволяет прийти к следующему выводу. Образ Самарканда обладает рядом устойчивых семиотических признаков, которые говорят об уникальности и аутентичности рассмотренного феномена. Они охватывают топонимические, исторические, культурные и экзистенциальные характеристики, свидетельствуют об особом характере миромоделирования, сочетающего в себе как реальные, так и условные – «метатекстовые» – особенности. Даже в отсутствии достоверного образа города в тексте, он дает о себе знать как своеобразный «минус-прием» (в случае с Г. Яхиной). Так, к последним можно отнести концепт «город-спаситель». Самаркандский текст благодаря этому, безусловно, входит в ряд других локальных текстов общекультурного статуса. Самарканд обладает особым свойством, названный в мифологии *genius loci* (гений места), метафорой мистического свойства, которая определяет собой все неопостижимое разумом, неопишное и рационально непознаваемое своеобразие города Самарканда.

Список литературы

- Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
- Афлатуни С. Глиняные буквы, плывущие яблоки: повести. М.: Эксмо, 2020. 384 с.
- Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 4. М.: Эллис Лак, 2000. 704 с.
- Бартольд В.В. Культура мусульманства. М.: Ленон, 1998. 112 с.
- Бирштейн М.А. Азия: альбом / сост. А. Бирштейн. М.: Студия Катоков, 2010. 94 с. URL: <https://arzamas.academy/mag/31-samarkand> (дата обращения: 04.11.2023).
- Бородин С. Звезды над Самаркандом: трилогия. Кн. 1. Хромой Тимур. Кн. 2. Костры похода. Ташкент: Узбекистан, 1981. 720 с.

- Волос А.* Возвращение в Панджруд: роман. М.: ОГИ, 2013. 640 с.
- Вяткин В.Л.* Архитектура древнего Самарканда. М.: Вхутеин, 1929. 35 с.
- Гаврилина Л.М.* Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 6. С. 75–83.
- Гонзалес де Клавихо Р.* Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 гг. / подлин. текст с пер. и примеч. сост. под ред. И.И. Срезневского. СПб.: Тип. Акад. наук, 1881. 457 с.
- Гриневиц О.А.* Поэтика усадебного текста: миф, реальность, литература. Гродно: ГрГУ, 2022. 143 с.
- Кешифидинов Ш.Р., Шафранская Э.Ф.* Арарат – главный паттерн армянского текста в русской поэзии // Вестник славянских культур. 2023. № 3 (69). С. 176–188. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-176-188>
- Коркунов В.В.* Локальный текст как предмет исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6–2. С. 196–198.
- Кржижановский С.* Салыр-Гюль (Узбекистанские импрессию) // Собрание сочинений: в 5 томах. Т. 3 / С. Кржижановский; сост. и коммент. В. Перельмутера. СПб.: Symposium, 2003. С. 365–470.
- Люсый А.П.* Крымский текст русской литературы: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 11 (750). С. 161–171.
- Люсый А.П.* Русская литература как система локальных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Вологда: Вологод. гос. ун-т, 2017. 27 с.
- Маалуф А.* Самарканд: роман / пер. с франц. Т.В. Чугуновой. М.: АСТ: Транзиткнига, 2006. 348 с.
- Ней Н.* На всех парах в Среднюю Азию // Франкоязычные путевые очерки о Центральной Азии. Путешествия Наполеона Нея и Анри Мозера во второй половине XIX века / А. Мозер, Н. Ней; сост., пер., автор вступ. ст. С.А. Атанова. М.: Кучково поле Музеон, 2023. С. 35–284.
- Петрова Т.Г.* Нижегородский текст и его создатели (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2021. № 1. С. 183–194. <https://doi.org/10.31249/lit/2021.01.18>
- Петров-Водкин К.С.* Самаркандия: из путевых набросков 1921 года. Петроград: Аквилон, 1923. 50 с.
- Пулатов Т.И.* Завсегдадай: повесть // Собрание сочинений: в 4 томах. Т. 1 / Т.И. Пулатов. М.: Современный писатель, 1995. С. 362–426.
- Редько К.* Из дневника художника // Звезда Востока. 1967. № 3. С. 210–215.
- Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск: Сиб. федеральный ун-т, 2010. 237 с.
- Старыгина Н.Н.* Система локальных сверхтекстов русской литературы // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2017. № 3–2 (95). С. 129–136.
- Топоров В.Н.* Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.
- Успенский А.* Живописец Порфирий Фальбов // В защиту радуги: Порфирий Фальбов. М.: ГМВ, 2017. С. 12–23.
- Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
- Якубовский А.* Образы старого Самарканда (время Тимура) // Восток: журнал литературы, науки и искусства. М.–Л.: Всемирная литература, 1925. Кн. 5. С. 140–163.
- Яхина Г.* Эшелон на Самарканд: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 507 с.
- Fagan B.* From Stonehenge to Samarkand // An Anthology of Archaeological Travel Writing. Oxford University Press, 2006. 291 p.
- Ionesov V.* History in Samarkand // History Workshop Journal. 1993. Vol. 35. Issue 1. <https://doi.org/10.1093/hwj/35.1.279>

Joraboyeva G., Asrayeva D. Sociolinguistic characteristics of toponymy of Samarkand region // Pindus Journal of Culture, Literature, and ELT. 2023. Vol. 3. No. 1. Pp. 39–43. URL: <https://literature.academicjournal.io/index.php/literature/article/view/594> (accessed: 04.11.2023).

Сведения об авторах:

Шафранская Элеонора Федоровна, доктор филологических наук, профессор института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1. ORCID: 0000-0002-4462-5710. E-mail: shafanskayaef@mail.ru

Гарипова Гульчира Талгатовна, доктор филологических наук, профессор института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1; профессор кафедры филологии и лингвокультурологии, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Российская Федерация, 119071, Москва, ул. Малая Калужская, д. 1. ORCID: 0000-0002-7675-2570. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

Матенова Юлия Умидовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы и методики ее преподавания, Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, Республика Узбекистан, 700100, Ташкент, пр-т Бунёдкор, д. 27. ORCID: 0009-0007-7193-9778. E-mail: matenova.julia@gmail.com



DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-46-55

EDN: ZTFIYH

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Интертекстуальность в романе А. Сальникова «Оккультрегер»

Д.Л. Куликова 

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Российская Федерация

✉ dasha0kulikova@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности использования интертекстуальных отсылок в романе А. Сальникова «Оккультрегер». Цель исследования – изучение интертекстуальных связей романа с произведениями различных родов искусства (литературы, музыки, кинематографа). Ставится задача классифицировать источники отсылок и интерпретировать их. Выдвигается общий тезис о принципиальном значении интертекста как инструмента создания фэнтезийного мира и приема художественного обобщения действительности. Анализ отсылок позволяет выявить множество культурных феноменов, к которым обращается писатель, чтобы обобщить современную поп-культурную повестку. Прецедентные источники романа разнообразны и часто относятся к современным культурным продуктам. Использование отсылок к массовой культуре отражает такую черту современности, как потребление контента, которое является частью повседневной жизни человека. Обилие отсылок сопровождает фантастическую часть романа, а в реалистическом эпилоге они исчезают, что заставляет говорить об интертексте как стилистическом маркере фэнтези у Сальникова. Киноцитаты визуализируют происходящее и синхронизируют читательское и художественное время. Пространство романа можно интерпретировать как онейрическое, мир сна в романе создается с помощью обилия культурных ассоциаций.

Ключевые слова: интертекст, поп-культура, массовая культура, городское фэнтези, онейротекст

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11 ноября 2023 г.; отрецензирована 12 декабря 2023 г.; принята к публикации 10 января 2024 г.

Для цитирования: Куликова Д.Л. Интертекстуальность в романе А. Сальникова «Оккультрегер» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 46–55. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-46-55>

© Куликова Д.Л., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Intertextuality in A. Salnikov's novel "Occultreger"

Daria L. Kulikova 

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

✉ dasha0kulikova@yandex.ru

Abstract. The features of the use of intertextual references in A. Salnikov's novel "Occultreger" are examined. The goal is to study the intertextual connections of the novel with works of various types of art (literature, music, cinema). The task is to classify sources of references and interpret them. A general thesis is put forward about the fundamental importance of intertext as a tool for creating a fantasy world and a method of artistic generalization of reality. Analysis of references allows us to identify many cultural phenomena that the writer refers to in order to summarize the modern pop cultural agenda. The novel's precedent sources are varied and often come from contemporary cultural products. The use of references to popular culture reflects such a feature of modernity as the consumption of content, which is part of people's everyday life. An abundance of references accompanies the fantastic part of the novel and in the realistic epilogue they disappear, which makes us talk about intertext as a stylistic marker of fantasy in Salnikov. Film quotes visualize text and synchronize reader's and artistic time. The space of the novel can be interpreted as oneiric; the dream narrative in the novel is created by an excess of cultural associations.

Keywords: intertext, pop culture, mass culture, urban fantasy, dream narrative

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 11, 2023; revised December 12, 2023; accepted January 10, 2024.

For citation: Kulikova, D.L. (2024). Intertextuality in A. Salnikov's novel "Occultreger". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 46–55. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-46-55>

Введение

А.Б. Сальников – современный поэт и прозаик, чье творчество в последние десять лет привлекает внимание читателей и исследователей. Целью настоящей работы является изучение интертекстуальных связей романа с произведениями различных родов искусства (литературы, музыки, кинематографа). Перед нами стоят следующие задачи: классификация источников отсылок и их интерпретация.

Роман А. Сальникова «Оккультрегер» (2022) можно отнести к жанру городского фэнтези. Несмотря на фантастическое допущение, лежащее в основе этого и родственных ему жанров и на первый взгляд освобождающее от необходимости достоверного изображения реальности, одной из задач автора фэнтези является создание убедительного сюжета в рамках непротиворечивого художественного фантастического мира. Неубедительность сюжета, слабость мотивировок поступков героев, неправдоподобность характеров и противоречивость деталей могут для произведения этого жанра иметь принципиальное значение. Внутритекстовые противоречия способны помешать

читательскому «удовольствию от текста» (выражение Ролана Барта, которое исследуется и анализируется, например, в статье С.П. Лавлинского (Лавлинский, 2021, с. 38.). В связи с проблемой достоверности (психологической, культурной, исторической) возникает вопрос о статусе интертекста в произведении Сальникова.

Обсуждение

Источники отсылок и их значение. Интертекст в романе «Оккультрегер» – это не просто атрибут художественного мира, а черта реальности, сущность которой осмысляется писательским сознанием. Изобилие киноцитат и аллюзий на сюжеты популярных шоу создает впечатление не столько интертекстуального кода романа, сколько интертекстуального шума, предназначение которого читателю предстоит разгадать. Потребление контента, одновременная интеллектуальная или внеинтеллектуальная рецепция сразу множества сюжетов, мотивов и образов – часть жизни современного человека. С этим контентопотреблением чтение как ритуал и как деятельность в настоящем конкурирует и всячески взаимодействует, в частности, вступает в отношения, реализованные в «Оккультрегере», – отношения взаимоотражения. Вальтер Беньямин описывал такие вехи технического воспроизведения произведений искусства, как книгопечатание, литография, фотография и звуковой кинематограф, отмечая всякий раз колоссальные изменения, происходящие в отношении человека к искусству (Беньямин, 1996, с. 15–65), в настоящее же время мы наблюдаем слом привычных форм взаимодействия с произведениями искусства и медиа, который произвел интернет. Для определения того, что люди сейчас читают, смотрят и рассматривают в интернете, точнее всего подходит термин «контент». С одной стороны, это можно считать оценкой качества потребляемого (трудно назвать творчество блогеров искусством, не являются им и многочисленные шоу, сериалы, музыкальные композиции), с другой стороны, даже произведения, по праву считающиеся высокохудожественными, становятся лишь частью контент-рациона, потребляемого человеком в процессе его повседневности. Этот самый рацион является важной частью фантастического мира романа «Оккультрегер», и так как активность использования интертекста и прецедентного текста как приема бросается в глаза при знакомстве именно с этим произведением автора, важно сделать попытку интерпретации этого кода романа.

Анализ комплекса отсылок и аллюзий в романе приводит к выделению ряда источников: кино, литература, сериалы, музыка и музыка кино. Необходимость выделения последнего источника подтверждается рядом киноотсылок, которые возникают через ассоциацию с музыкальным произведением. Интерпретация отбора источников отсылок приводит к выводу о разнообразии культурных феноменов, к которым обращается писатель. Кроме того, такой подбор материала свидетельствует о стремлении отразить современную поп-культурную повестку. Следует отметить, что мы исключаем библейские мотивы как часть фэнтезийного мира и фантастического допущения, лежащего в его основе. Все остальные источники за редкими исключениями относятся к произведениям XX и XXI в. Это мерцание сюжетов и цитат из всего ранее

виденного в сознании главной героини связано с ее фэнтезийной сущностью оккульттрегера, жизнь которого может длиться столетия, а память хранит воспоминания о событиях многих десятилетий, в том числе культурных. Говоря выше о принципе убедительности и достоверности, необходимом для фэнтезийного произведения, мы имели в виду необходимость как создания логичного сюжета, так и психологически выпуклых персонажей, которые, будучи невероятными фантастическими существами, вырастают в глубокие человеческие характеры. Отчасти эту функцию углубления выполняет богатство культурных ассоциаций, которые приходят на помощь герою и автору для создания образов чудесного. Прасковья, которая, как говорит автор, прожила почти полтора столетия, убеждает читателя в своей «подлинности», демонстрируя хорошее знание культуры XX в., который она могла наблюдать от начала и до конца. В то же время героиня становится более близкой и самому читателю, который с большой долей вероятности является хотя бы отчасти носителем схожего культурного опыта, а такого рода сближение с аудиторией играет большую роль для произведения, претендующего на популярность.

Интертекст как прием фантастического. Анализ семантического наполнения каждой аллюзии позволяет также классифицировать их иным образом. Следует сразу выделить особенность эпилога, условно реалистической части романа, в котором сюжет изолирован от всей фантастической «изнанки» мира. Бросается в глаза изменение языкового строя, нарастает метафоричность и насыщенность средствами выразительности, стихает какофония переключек с претекстами, а даже если отсылка и появляется, то является скорее субстратом метафоры и явлением языка, а не содержания: «звук был убавлен настолько, что обычное ежепятничное полночное веселье из певцов и рекламы свелось к шепоту и робкому дыханью» (Сальников, 2022, с. 395). Как видно из примера, никакого сюжетного сопоставления с легко угадываемым стихотворением Афанасия Фета нет и быть не может, метафора служит созданию выразительного сенсорного образа. Аналогичная ситуация в следующем примере: «вертикальный звук воды в умывальнике с пилатовскими аплодисментами умываемых рук» (Сальников, 2022, с. 397) – отсылка не контекстуальна, то есть не заставляет провести содержательной параллели с текстом Михаила Булгакова, она здесь – лишь красный флажок для привлечения читательского внимания, легкая загадка, которая украсит плотность метафорического ряда при описании вполне прозаического, можно даже сказать, профанного мира. Точно так святая троица превращается в отсчет чайных ложек, устойчивая молитвенная формула замещает числительное: «бросила отца, сына и святого духа чайных ложечек на центр стола и, будто фокусник, стремительно закурила из ниоткуда». Магия повседневности финальной части заключена в магии языка, а в той части произведений, где магия есть, сам язык проще. Рассмотренные выше примеры позволяют сделать вывод о роли насыщенного интертекстуального фона как маркера фантастического в романе.

Интертекст и визуализация. Другой функцией контекстуальных отсылок является проецирование прецедентных сюжетов непосредственно на события «Оккульттрегера». Так, например, появление оккульттрегера детского

возраста подсвечивается сюжетом о Бенджамине Баттоне (трудно достоверно сказать, имеется в виду рассказ Ф.С. Фитцджеральда (1922) или кинофильм Д. Финчера (2008), однако последнее кажется более вероятным на фоне преобладания киноотсылок и отсутствия упоминания имени писателя), а визуально подкрепляется отсылкой к образу Клодии – девочки-вампира из экранизации (1994, реж. Н. Джордан) романа Энн Райс «Интервью с вампиром» (1976). Эти упражнения героев в остроумии помогают созданию визуального образа героини с максимальной экономией художественных средств. Примечательно, что этот фильм упоминается также в романе Сальникова «Отдел», в сцене, где супруги сидят перед телевизором: «переключала каналы, пока не наткнулась на кино про вампиров с юной Кирстен Данст и Брэдом Питтом, но вскоре фильм прервался рекламой и жена снова запереклочала каналы» (Сальников, 2018, с. 129). Анализируя роль киноотсылок в романе, эту часть повествовательной стратегии Ю.С. Подлубнова рассматривает как «установку на предметность и визуальность» (Подлубнова, 2016, с. 182). Однако если для «Отдела», как нам кажется, визуальная составляющая этой сцены – только орнаментальный элемент реалистического пространства, то для фэнтезийного «Оккульттрегера» – это необходимый инструмент превращения фантастического в нечто визуально представимое. Аналогичным примером может служить упоминание фильма «Сияние» (1980, реж. С. Кубрик): «Оба они были тогда рыженькие девочки, отчего у Прасковьи возникло ощущение, что она попала в фильм “Сияние”» (Сальников, 2022, с. 302). Картинка из культового фильма превращается в готовую иллюстрацию эпизода романа.

Однако киноцитаты не всегда выступают как инструмент визуализации. Например, отсылка на комедию Л. Гайдая «Не может быть» (1975) по мотивам рассказов М. Зощенко переключает режим повествования в бытовой план, который легче всего подсветить через призму комедийности. «Но даже если невеста, что называется, берегла себя до свадьбы, то и тут на нее или смотрели как на лгунью с тайной дочерью в деревне у бабушки, „которая вам ничего не будет стоить“» (Сальников, 2022, с. 90). Соотнесение с героиней фильма, комичность которой заключается в ее стремлении заключить успешный брак, скрывая от новоиспеченного супруга своих детей, живущих в деревне, очерчивает будни личной жизни Прасковьи, которая в глазах обывателей является так называемой «разведенкой с прицепом». Комедийность киноцитаты вписывается в юмор романа, как и другие иронические замечания: «Чарльз Ксавье не выжил бы в девяностые однозначно» (Сальников, 2022, с. 183). Подмечая уязвимость мистических существ перед прозаической и подчас жестокой реальностью, Сальников снова выходит к бытовому плану повествования.

Отсылка к тому или иному претексту может представлять из себя маленькую загадку для читателя, отгадка которой будет соотносима с выстраиваемым сюжетом. Например, в этой музыкальной цитате прочитывается упоминание известного фильма «День сурка» (1993, реж. Гарольд Рамис), сюжет которого легко спроецировать на жизнь героини Сальникова, которая каждый раз заново проходит одни и те же жизненные этапы с каждым новым

воплощением. Это одна из многих контекстуальных отсылок, которая обретает смысл, только если читатель знаком с ее источником.

Поп-культурные отсылки как инструмент синхронизации. Примечательно, что героиня «Оккультитрегера» Прасковья, несмотря на постоянную вовлеченность в события романа, предстает перед нами как в полном смысле героиня своего времени, а именно потребитель медиаконтента. Множество неконтекстуальных и контекстуальных отсылок к современным сериалам и кино реалистически рисуют портрет оккультитрегера Прасковьи как современницы читателя, являются приметой времени, то есть приемом синхронизации фантастического времени романа и времени читательского. Сериалы уже давно стали не просто популярным развлечением, это часть культурной жизни современного общества, более того, они превратились в объект исследования ученых. «Но даже если сериалы вдруг не могут претендовать на высокий статус „искусства“, важно другое: они имеют значение» (Павлов, 2019, с. 7). Это утверждение, как нам кажется, только подтверждается их включением в художественный текст Сальникова. Ангелы, демоны и оккультитрегеры превращаются в людей из плоти и крови, когда оказывается, что они точно так же ждут финала сезона «Игры престолов» (Game of Thrones, 2011–2019), как и, возможно, многие читатели романа. Ссылка на «Игру престолов» связывает образ Прасковьи и героини сериала Арьи Старк, которая служила в храме Безликого бога и в итоге научилась менять свой облик, как и героиня Сальникова. Примечательно, что «Игра престолов» заявляет о себе и на уровне музыкального мотива – Прасковья, полная тревожных размышлений «для пушщего драматизма» напевает песню из сериала (The Rains of Castamere). Следует упомянуть, что эта песня повествует об отмщении врагам рода Ланнистеров и в книжной серии и ТВ-сериале появляется в связи с гибелью важных персонажей (Красная свадьба, отравление Джоффри), поэтому появление этой музыкальной темы можно связать с грядущей кульминацией романа. Егор (чьим сном может быть история Прасковьи и оккультитрегеров) вступает в противостояние с Прасковьей, но ей помогают ее сторонники, она спасается, а Егор лишается своих мистических сил и самой памяти о них (или же просто просыпается от своего сна).

Упоминание шоу «Люцифер» (Lucifer, 2016–2021) развивает мотив «ангелов и демонов», однако непосредственно с сюжетом не связывается. Отсылка же к сериалу «Теория большого взрыва» (The Big Bang Theory, 2007–2019) не объясняется ничем, кроме как необходимостью «очеловечить» Прасковью пристрастием к популярным шоу.

Интертекст в романе – не только диалог текстов, но и повторение текстов (в том числе кинотекстов), ранее неоднократно воспроизведенных. Киноцитаты в романе – это цитаты из так называемого культового кино XX или начала XXI в. Феномен культовости А. Павлов, например, ассоциирует с тем, что «культовое» кинозритель склонен пересматривать, от просмотра к просмотру наращивая для себя его ценность и значительность. Текст Сальникова не избегает рефлексии на этот счет: «Одни и те же фильмы пересматривают люди. Вчерашнюю новость забывают напрочь, когда читают громкую сегодняшнюю. Одни и те же истории рассказывают друг другу много лет подряд

и слушают одни и те же истории, хотя наизусть знают, семейные байки травят давно, будто не помнят, что уже рассказывали» (Сальников, 2022, с. 363). Это размышление становится горьким итогом существования человечества, на которое фантастическое существо может взглянуть со стороны. В контексте этого насыщенность текста отсылками становится отображением философии романа, который констатирует, что человечество так погрязло в пересказывании и повторении знакомых сюжетов, что потеряло возможность анализировать случившееся, извлекать из него какой-то опыт.

Интертекст и онейротекст. Любой анализ интертекстуальных переключек нацелен на новые пути интерпретации произведения. Множество маленьких более или менее трудных загадок текста Сальникова наряду со своими задачами могут выполнять следующую функцию – быть в романе инструментом создания онейрического пространства. Онейротекст в литературоведении, как известно, широко понимается как описание сна (вещего или нет), его сюжета, восприятия, как принципы построения сюрреалистического текста, подчиняющегося абсурдным законам сна. М. Дынник приводит разнообразные примеры использования сна как приема в истории литературы и отмечает: «Особое значение приобретает описание сновидения как прием для изображения иррационального, потустороннего мира» (Дынник, 1925, стлб. 647). Определение сна как термина в филологии является отдельной и в настоящий момент не решенной окончательно проблемой. О.В. Федунина, вслед за Н.Д. Тамарченко, предлагает называть сон «композиционно-речевой формой», предполагая, что «форма сна имеет определенную повторяющуюся структуру» (Федунина, 2013, с. 23). Это утверждение может быть подкреплено множеством примеров, но свобода фантастического вымысла снимает и жесткость формальной структуры. Очевидно, именно сон предоставляет широкие возможности для чудесного вымысла в фэнтези. Зачастую мы сталкиваемся со снами, которые вводятся в текст как композиционная единица и разграничиваются с «реальным» повествованием, однако есть и множество примеров размытия границ сна и реальности. Такие сны С.Г. Бочаров называет «необъявленными» сновидениями (Бочаров, 1973, с. 205). Представляется, что именно такую игру с читателем можно заподозрить в «Оккульттрегере». Граница сна не обозначена однозначно, хотя и можно предположить, что выделенный композиционно и содержательно эпилог знаменует окончание сна и переход к реальности. Егор, главный герой эпилога, появляется на страницах романа не впервые: он был участником событий «сна» о Прасковье и других, притом именно он был единственным чужаком, посвященным в тайную жизнь демонов, ангелов и оккульттрегеров. Как мы узнаем из эпилога, он пострадал от черепно-мозговой травмы, и фантастические события могут рационализироваться как его сон во время операции и бессознательного состояния. Такая трактовка объясняет и источники отсылок (произведения второй половины XX в. или начала XXI в., наиболее знакомые молодому человеку), и обилие именно сюжетов массовой культуры. Сон героя конструируется из калейдоскопа жизненных впечатлений, культурных опытов и цитат, опора на хорошо известный материал для сна больного человека вполне объяснима.

Кроме того, состояние Егора между жизнью и смертью в том числе объясняет воспроизведение в романе архетипической ситуации столкновения ангелов и демонов, которые в популярной культуре в основном занимаются борьбой за человеческие души при жизни и заявляют на них права после смерти. Наша гипотеза об онейрическом тексте романа подкрепляется также рядом скрытых внутри размышлений о сне и бодрствовании. В фантастическом мире города фантастика остается незамеченной обывателями, и это объясняется не чем иным, как их вечным сном наяву: «Таксопарк был, конечно, чистой фикцией, чтобы собрать в одном месте оккультистского регера и людей, которых реальность наделила способностью спать всю жизнь, от рождения до самой смерти. Эти спящие не лежали в коме, в летаргическом сне, они жили обычной жизнью, росли, ходили в школу, ложились вечером в постель, засыпали, но делали это уже спя, не отличая, где сон, где явь, до такой степени, что и окружающих иногда захватывал этот сон или его часть» (Сальников, 2022, с. 200). С мотивом сна связана череда фантастических допущений, объясняющих существование этого вымышленного мира, таким образом, онейрическое в романе видится едва ли не основополагающим приемом.

Как было упомянуто выше, не все отсылки в тексте являются контекстуальными. Некоторые вводятся в текст по ассоциативному принципу, который также представляется присущим именно онейротексту. Тема романтического разочарования и разбитого сердца Прасковьи подается через набор клише. «Тут с Прасковьей случилась настоящая истерика. Икая от слез, она удалила все их с Сашей совместные фотографии из альбома, влезла в ютуб, включила звук ноутбука погромче и стала слушать различные грустные песни, полежала в горячей ванне, представляя, что уже порезала себе вены, а из гостиничной доносились скрипка OST „На игле“. Лежа в ванной, стыдясь, что выделяется сама перед собой, пила вино прямо из бутылки, пока не подавилась» (Сальников, 2022, с. 213). Нарочитой кажется ошибка в названии источника музыкальной композиции: под знаменитой драматичной скрипкой подразумевается, скорее всего, музыка Клинта Манселла к другой известной картине о наркозависимости – «Реквиему по мечте» (2000, реж. Даррен Аронофски) – среди саундтреков «На игле», тем более тех, которые могут считаться визитной карточкой фильма, партий скрипки попросту нет. Этот ассоциативный перенос только подчеркивает, что даже по такому извилистому пути сознание человека, знакомого с популярной культурой, может прийти до сути. Другой ассоциативной музыкальной задачей является цитата из мюзикла «Кошки», в тексте не атрибутированная: «– Day-light... – в задумчивости напела Надя с расстановкой, неосторожно и очень фальшиво. – See the dew on the sunflower...» (Сальников, 2022, с. 344). Ранее героини говорили о сложных родственных связях, как у кошек, мысль о кошках и привела к воспроизведению этого музыкального фрагмента. Ассоциативность музыки – ее специфическое свойство как рода искусства, и путем музыкальной ассоциации Сальников осуществляет переключение жанрового регистра. «Прасковья скомандовала умной колонке, та запустила музыку, чудом рандома, но как по заказу сразу выпала песня „Говорят, а ты не верь!“ из „Чародеев“, и вдруг стало понятно и естественно приняться за предновогодние хлопоты» (Саль-

ников, 2022, с. 371). Заключительные главы, посвященные Прасковье, отвергая реализуемые прежде клише боевика или детектива, автор строит по принципам мистерии (впрочем, мистерийность прозы Сальникова, очевидно прослеживаемая также в романе «Петровы в гриппе и вокруг него» (2016), должна быть предметом отдельного рассмотрения). Так, становится ясно, что интертекстуальные элементы в том числе работают на переключение жанрового регистра повествования.

Таким образом, взгляд на текст Сальникова как на онейрический позволяет интерпретировать факт интертекстуальных сходжений и объяснить принцип ассоциативности, по которому эти отсылки вводятся в произведение. Сон героя в «Оккульттрегере» – это в полном смысле сон человека своего времени, который живет в постмодернистском или ином калейдоскопе фрагментов сюжетов, мотивов, визуальных образов и музыкальных композиций, редуцированных до нескольких всем знакомых нот. Сон в произведении – ретроспекция культурного опыта, сближающая фантастического героя и реального читателя.

Заключение

В романе Сальникова насыщенность интертекстуального фона играет значительную роль, так как помогает отразить мысль о сущности отношений современного человека с произведениями искусства как о потреблении контента. Разнообразие отсылок одновременно и способствует созданию широкой панорамы современной культурной повестки, и становится инструментом создания реалистически достоверной детали в фантастическом произведении. Отсылки к популярным произведениям кинематографа (оригинальным произведениям или экранизациям) могут быть также приемом визуализации. Погруженность в современную поп-культуру героини фэнтези сближает ее с читателем, то есть синхронизирует время художественное и реальное.

Анализ прецедентных источников приводит к выводу об их видовом и содержательном разнообразии. Источники заимствований разнообразны и за редкими исключениями отсылают к самым современным культурным продуктам (сериалы, фильмы, поп-музыка) или произведениям XX в., хорошо знакомым современному читателю. «Интертекстуальный шум» в романе позволяет подчеркнуть такую особенность отношений современного человека с медиапродуктом, как постоянная рецепция большого объема культурного контента. Наделяя фантастических персонажей чертами «человеческими», Сальников за счет психологической убедительности делает более достоверной фантастику романа. Насыщенность интертекстуального фона также служит стилистическим маркером: обилие отсылок сопровождает фантастическую часть и исчезает в условно реалистическом эпилоге. Кроме того, киноцитаты могут быть инструментом визуализации в литературе, а также служить очень важному для популярной литературы эффекту – синхронизации читательского и художественного времени. Мы предполагаем, что пространство романа «Оккульттрегер» можно интерпретировать как онейрическое, и создать мир сна автору помогает именно обилие культурных ассоциаций. Подтверждением этой гипотезы становится принцип ассоциативности, по которому вводятся интертекстуальные отсылки.

Список литературы

- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996. 240 с.
- Бочаров С.Г. О смысле «Гробовщика» // Контекст: литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1973. С. 196–230.
- Дынник М. Сон как литературный прием // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: в 2 томах. Т. 2. М. – Л., 1925. Стлб. 645–649.
- Лавлинский С.П. «Удовольствие от текста» и проблемы теоретической рефлексии категории фантастики // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 36–43. <http://doi.org/10.24411/2072-9316-2021-00002>
- Павлов А.В. Престижное удовольствие. Социально-философские интерпретации «сериального взрыва». М.: Рипол Классик, 2019. 350 с.
- Подлубнова Ю.С. Поэтика долгого и замедленного кадров в поэзии Алексея Сальникова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 179–193. <http://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.3.052>
- Сальников А. Оккультрегер. М.: Редакция Елены Шубиной, 2022. 416 с.
- Сальников А. Отдел. М.: Редакция Елены Шубиной, 2018. 432 с.
- Федунина О.В. Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции). М.: Intrada, 2013. 196 с.

References

- Benjamin, V. (1996). *The work of art in the age of mechanical reproduction*. Moscow: Medium Publ. (In Russ.)
- Bocharov, S.G. (1973). On the meaning of “The Undertaker”. *Context: Literary and Theoretical Studies* (pp. 196–230). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Dynnik, M. (1925). Dream as a literary device. *Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms* (vol. 2, columns 645–649). Moscow, Leningrad. (In Russ.)
- Fedunina, O.V. (2013). *Poetics of dreams (Russian novel of the first third of the twentieth century in the context of tradition)*. Moscow: Intrada. (In Russ.)
- Lavlinsky, S.P. (2021). “Pleasure from the text” and problems of theoretical reflection of the category of fiction. *New Philological Bulletin*, (1), 36–43. (In Russ.) <http://doi.org/10.24411/2072-9316-2021-00002>
- Pavlov, A.V. (2019). *Prestigious pleasure. Social and philosophical interpretations of the “serial explosion”*. Moscow: Ripol Klassic Publ. (In Russ.)
- Podlubnova, Yu.S. (2016). Poetics of long and slow frames in the poetry of Alexei Salnikov. *News of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*, 18(3), 179–193. (In Russ.) <http://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.3.052>
- Salnikov, A. (2018). *Otdel*. Moscow: Redaktsiya Eleny Shubinoi Publ. (In Russ.)
- Salnikov, A. (2022). *Occulttregger*. Moscow: Redaktsiya Eleny Shubinoi Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Куликова Дарья Леонидовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького, Российская академия наук, Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а. ORCID: 0000-0003-1435-7409. E-mail: dasha0kulikova@yandex.ru

Bio note:

Daria L. Kulikova, Candidate of Philology, senior researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1435-7409. E-mail: dasha0kulikova@yandex.ru



DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-56-65

EDN: ADDEDW

УДК 070:821.161.1-9

Научная статья / Research article

Литература и межнациональные отношения на рубеже XX–XXI веков в сборниках очерков Э. Горюхиной

М.Ш. Муслимова¹, С.Х. Яхияева^{2,3}✉

¹Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики имени А.А. Тахо-Годи, Махачкала, Российская Федерация

²Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация

³Республиканский многопрофильный лицей, Махачкала, Российская Федерация

✉ saidat58@mail.ru

Аннотация. Исследуется проблема отражения кавказских локальных войн рубежа XX и XXI вв. в очерках Э. Горюхиной, вошедших в книги «Путешествие учительницы на Кавказ» и «Не разделяй нас, Господи, не разделяй». Цель – проанализировать раскрытие автором особенностей межнациональных отношений в период военных конфликтов на Кавказе и выявить ценностные смыслы уроков произошедших событий. В качестве методологического основания избран литературоведческий анализ содержания и формы изучаемых текстов, сравнительный анализ документально-исторической и очерковой литературы. Обосновано жанровое своеобразие очерков Э. Горюхиной, определены авторская позиция по поднятой проблеме и позиция народов, втянутых в военный конфликт, показана чужеродность войны подлинным интересам народа, рассмотрены ментальные особенности понятия «кавказский человек», изучено влияние войны на специфику исторически сложившихся национальных отношений между народами Кавказа, Кавказом и Россией. Сделаны выводы о высокой значимости очерков Э. Горюхиной для понимания гуманистической психологии кавказских народов и установления взаимопонимания между народами, для преодоления стереотипов. Отражены сложность и глубина исторически сформировавшихся отношений между этносами, требующих учета и бережного сохранения.

Ключевые слова: очерк, национальные отношения, человек на войне, конфликт, композиция, культура, кавказский человек

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 4 ноября 2023 г.; отрецензирована 11 декабря 2023 г.; принята к публикации 30 декабря 2023 г.




Для цитирования: Муслимова М.Ш., Яхияева С.Х. Литература и межнациональные отношения на рубеже XX–XXI веков в сборниках очерков Э. Горюхиной // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 56–65. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-56-65>

© Муслимова М.Ш., Яхияева С.Х., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>


Literature and interethnic relations at the turn of the 20th–21st centuries in collections of essays by E. Goryukhina

Miyasat Sh. Muslimova¹, Saidat Kh. Yakhiyaeva^{2,3}

¹*Dagestan Scientific Research Institute of Pedagogy named after A.A. Takho-Godi,
Makhachkala, Russian Federation*

²*Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation*

³*Republican Multidisciplinary Lyceum, Makhachkala, Russian Federation*

 saidat58@mail.ru

Abstract. The authors investigate the problem of reflecting the Caucasian local wars of the turn of the XX and XXI centuries in the essays by E. Goryukhina included in the books “The teachers journey to the Caucasus” and “Don’t divide us, Lord, don’t divide us”. The purpose of the study is to analyze the author’s disclosure of the peculiarities of interethnic relations during military conflicts in the Caucasus and to identify the value meanings of the lessons of the events that took place. As a methodological basis, a literary analysis of the content and form of the texts studied, a comparative analysis of documentary-historical and essay literature is chosen. The genre originality of E. Goryukhina’s essays is substantiated, the author’s position on the raised problem and the position of the peoples involved in the military conflict are identified, the alienness of war to the genuine interests of the people is shown, the mental features of the concept of “Caucasian man” are revealed, the influence of war on the specifics of historically formed national relations between the peoples of the Caucasus, the Caucasus and Russia is discovered. Conclusions are drawn about the high importance of E. Goryukhina’s essays for understanding the humanistic psychology of the Caucasian peoples and establishing mutual understanding between peoples, for overcoming stereotypes. The complexity and depth of historically formed relations between ethnic groups requiring consideration and careful preservation are disclosed.

Keywords: essay, national relations, man at war, conflict, composition, culture, Caucasian man

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 4, 2023; revised December 11, 2023; accepted December 30, 2023.

For citation: Muslimova, M.Sh., & Yakhiyaeva, S.H. (2024). Literature and interethnic relations at the turn of the 20th–21st centuries in collections of essays by E. Goryukhina. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 56–65. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-56-65>

Введение

Тема локальных кавказских войн на рубеже XX и XXI вв. еще практически не освоена художественной литературой. Преобладают издания, посвященные хронике конфликтов и их военно-политическому анализу¹ (Грод-

¹ *Mumford A.* The new era of the proliferated proxy war // Realclear Defense. 2010, 16 July. URL: https://www.realcleardefense.com/articles/2017/11/16/the_new_era_of_the_proliferated_proxy_war_112648.html (accessed: 27.01.2020); MCDC countering hybrid warfare project. Countering hybrid warfare: conceptual foundations and implications for defence forces. Information note. 2019, March. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/840513/20190401MCDC_CHW_Information_note_-_Conceptual_Foundations.pdf (accessed: 19.12.2019).

ненский, 2009, с. 275; Мяло, 2002, с. 365; Копичев, Николаев, 2021, с. 24; Макаренко, 2017, с. 341; Кокошин, 2021, с. 53.)

Слабая изученность темы и односторонний характер изучения, связанный с политическим и экономическим аспектами рассмотрения, препятствуют постижению уроков прошлого и не позволяют ученым и политикам выйти за рамки одних и тех общих положений о значении межнационального согласия. Диалог культур в условиях национального взаимодействия – явление, характерное не только для мирного времени, но и военного, и он требует своего рассмотрения. Отсутствие исследований, фиксирующих тончайшие изменения в психологии восприятия другого, препятствует эффективной реализации программы развития межнациональных отношений. Работы Э. Горюхиной, вышедшие на исходе прошлого столетия и изданные небольшим тиражом, несправедливо остались незамеченными, а отраженный в них опыт истолкования и анализа актуальных проблем современной истории оказался невостребованным исследователями. Работы журналистки появились на заветном поле русской культуры, «поэтому она останется в русской литературе где-то по соседству с „Севастопольскими рассказами“ Толстого (Щербакова, 2022. с. 167), „Записками из Мертвого дома“ Достоевского (Сафронова, 2014, с. 83), „Островом Сахалин“ Чехова» (Проваторова, 2017, с. 109).

Обсуждение

Своеобразие произведений и особенности очерка как жанра. В работах автора как в журналистском жанре конкретно-бытовые и фактические детали выступают в единстве с социальным анализом явлений и перемен. Публицистичность, обращенность к читателю, вступление с ним в диалог – его характерные черты. Промежуточное положение между журналистикой, фиксирующей современную историю, и литературой, сочетая документальность и художественность, позволяют очерку использовать богатую палитру приемов для глубокого отражения действительности² (Орлова, 2023, с. 585; Орлова, 2022. с. 21). Показывая явление, материал вовлекает читателя в познание действительности.

Исследователи относят очерки Э. Горюхиной к литературе путешествий (Гинзбург, 1979, с. 123). Т. Савченко предлагает типологию образов путешественного повествователя (Савченко, 2009, с. 441).

Путешествие на Кавказ несет внутри себя паломническую направленность, которая проявляется вне зависимости от того, хотел ли это изобразить или нет автор. Кавказ как уникальный регион – место Божественной благодати.

Отношения как предмет межнационального анализа. Книги Э. Горюхиной – серия очерков, представляющих собой онтологию локальных войн и их последствий на Кавказе на рубеже XX–XXI вв. Автор рассказывает о людях, переживающих это время изнутри, в очерках более пятисот действующих индивидуальных реальных лиц, не говоря об упоминании групп людей. Читатель находит здесь размышления о национальном вопросе и войне. Война обостряет слух на правду, считает автор, побывавшая в горячих точках Кавказа.

² Грабельников А.А. Работа журналиста в прессе: учебное пособие. М., 2002. С. 135.

По своей тематике очерки автора охватывают такие темы, как межнациональные конфликты на Кавказе, взаимоотношения России и Кавказа, судьба русских солдат в плену, страдания русских матерей, приехавших искать своих детей в Чечню, кавказских матерей, взаимоотношения между различными народами, в том числе и во внутрисемейной жизни при смешанных браках, особенности мировоззрения национальной интеллигенции. Красной нитью проходит мысль о том, что незнание и нежелание знать народы своей страны приводит к ее ослаблению.

Ценность очерков не только в отражении исторических реалий своего времени, но и в тех выводах и наблюдениях, которые были сделаны по проблеме межнациональных отношений, они фиксировали тончайшие наблюдения, имеющие значение для понимания народов и роли этничности. Автор разрушает стереотипы о Кавказе и горцах, в том числе для себя. Повествуя о войне между Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией, Ингушетией и Осетией, Чечней и русскими федеральными силами, Арменией и Азербайджаном, автор лейтмотивом проводит тему роли России в этих войнах, восприятию современной России и русской культуры в сознании кавказцев. Путешествие по военным дорогам открыло ей образ думающих горцев. Во время встречи с чеченцами она понимает, как глубоко в них сидит генетическая память, национальная травма, связанная с депортацией. Новое поколение постигает нынешнюю судьбу и свой потерянный дом как продолжение трагедии отцов и матерей. Общаясь с чеченцами, Горюхина проверяет все стереотипы, созданные в прессе о кавказских народах, и они разрушаются на ее глазах. Наблюдая за проявлениями исторической памяти, быта, религиозных верований и национальных, ментальных черт народа, тонко отмечая этнокультурные детали в поведении людей, обращая внимание на реплики в диалоге, беседуя с детьми, анализируя детские сочинения, она делает вывод о том, что вина за войну лежит на политиках. Межнациональная рознь враждебна самим людям, а военные условия провоцируют у части людей неоправданную жестокость и мстительность. И чем больше автор узнает Кавказ, тем тягостнее ощущение немалой вины самой России за происходящее. Вины власти и вины народа, никак не влиявшего на происходившее в своей же стране, безусловно в массе своей относившегося к происходящему. Это не только ощущение изнутри, оно подтверждается и свидетельством, и анализом историков.

Так, Н. Гродненский в своей книге «Кавказская война XXI» раскрывает преступную роль некоторых подходов в развязывании войн на Кавказе, отмечая парадоксальные моменты: в Южной Осетии в 1991 г. «заявил о себе тот, в дальнейшем ставший определяющим и для новой России тип поведения, аналога которому не сыскать, пожалуй, во всей мировой истории: силой, не останавливаясь даже перед жертвами и кровопролитием, гнать от себя не желающие расторгать исторический союз народы» (Гарунова, 2013, с. 39).

Таков был узел парадоксов, завязывающийся на Кавказе, где стремящиеся к отделению от России чеченцы шли на помощь, желающей войти в состав России Абхазии. Более того, именно батальону КНК, которым командовал Шамиль Басаев, принадлежит главная заслуга в успехе гагринской

операции, благодаря чему Абхазия получила возможность создать анклав с выходом к российской границе (Мяло, 2002, с. 284).

Исследования рассматривают кавказский кризис как отражение борьбы трех основных сил – США, России и мусульманского мира за регион: «Начало игр вокруг Каспия следует искать еще в 1992 г., когда международный нефтяной консорциум АМОК собрался строить трубопровод „Тбилиси – Баку – Джейхан“ через территорию Турции к средиземноморскому порту. С этого момента начинается большая игра за каспийскую нефть» (Гродненский, 2009, с. 3). Попытка исторически рассмотреть российско-кавказскую драму XIX–XX вв. предпринята в книге Я. Гордина «Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность» (Гордин, 2008, с. 2). Это ответ на вопрос многих русских: зачем нам Кавказ? Рассматривая проблему в военном, культурном и нравственном аспектах, автор показывает органичность существования Кавказа в составе России и исторический смысл русско-кавказской судьбы, несмотря на ее драматичность. В основном книга посвящена событиям XIX в., но автор анализирует и события постперестроечных лет. Он убежден, что ошибка центральных властей в отношении с Кавказом в том, что ставка делалась на силовой элемент, к тому же Россия не смогла гибко переориентироваться в XX в. и найти новую модель взаимоотношений с Кавказом, сепаратистские власти на Кавказе тоже не смогли создать новую модель, воспользовались повстанческо-криминальной моделью отношений. Отсутствие правительства, фрагментарность исторической памяти народов, рост исламского радикализма – те барьеры, которые мешают встречному движению народов России и Кавказа, убежден исследователь. Признание друг друга людьми – выход из кровавого тупика, отмечает автор (Гордин, 2008, с. 282). Человеческое измерение кавказских войн – это главная тема очерков.

Очерки рождались как протест против информационного потока в СМИ. Могут ли быть СМИ материалом для отражения и осмысления истории? В современном его виде нет, так как они служат средством манипулирования сознанием народа. И желание найти правду, сотворить свой альтернативный информационный поток – еще одна причина создания очерков непосредственно в гуще события, глазами человека – участника, свидетеля или жертвы ситуации и локальных конфликтов. Ситуация с мест событий открывается иначе, в очерках звучит лейтмотивом тема покаяния. Покаяния русской учительницы за ошибки политиков на Кавказе, цель которой проста: если не можешь помочь, будь рядом. Покаянные мотивы звучат все чаще из уст героев книги, простых чеченцев, грузин, представителей кавказских народов. И это залог мира и преобразования. Раскрывая панораму событий через судьбы людей и показывая их чувства и настроения, автор отмечает ощущение стыда, которое она испытывала как русская. Она подчеркивает, что на Кавказе не познала пренебрежения к себе как русской: «И тут я была поражена отношением чеченцев ко мне, русской. Их природная гордость не позволяет предаваться унынию. Они держатся из последних сил. Да, ты русская, но ты мой гость, и мой долг забыть о счете, который я могу тебе предъявить» (Гордин, 2008, с. 12). Постигая своеобразие народов Кавказа, автор все больше проникает в суть их национального характера. Отмечая

детали, их внутриэтническое поведение, показывая гордость несломленного народа, его радушие, его умение держать в поле зрения другого человека, чуткость к гостю, она спрашивает: как же мы с таким народом не договорились? (Гордин, 2008, с. 12).

Изучение межнациональных отношений топчется на уровне внешних деклараций или отчетов о межкультурных фестивалях и форумах и о традициях народов. Глубокое проникновение в сознание, во внутреннюю жизнь народа – задача, непосильная для многих исследователей. Надо жить с народом, разделять его судьбу, смотреть на него не глазами «чужого» и «своего», быть настоящим психологом, чтобы осмыслить увиденное. «Мы этого, к сожалению, не знаем. Дагестан – древнейшая цивилизация. Уникальный опыт векового соседства сотен народов. Я это понял сразу, когда приехал. Стоит увидеть, что такое дагестанский двор. Десятки народов. Если ты поймешь, что ты, русский, один из них, с тобой ничего не случится» (Гордин, 2008, с. 14).

Особо подчеркивает автор роль слова и роль отдельного человека, который вопреки всему не ожесточается и умеет прощать, умеет сказать доброе слово о тех, кого считают врагами. Так, обращаясь к этим событиям Э. Горюхина рассказывает о директоре школы села Дачное М. Бадалове. Школа, учитель – важнейшее звено в межнациональном скреплении народов. Беседа с людьми становится главным средством осмысления сущего в горячих точках. Это психологически мотивированные выводы важны, но не учитываются в большой политике и повседневной жизни, поэтому такой метод работы с людьми – дело случая. Необходимо продумать ненавязчивые и доступные формы работы в этом направлении среди этносов, переживающих или переживших драму противостояния.

В истории взаимоотношений народов накоплен груз недоверия, вызванный непродуманными политическими решениями³. Политики грубо работают в этом направлении, не дают затянуться национальным травмам. Судить о том, какой народ прав и кто виноват в межнациональных конфликтах, автор не решается, вся драма в том, что правы и те, и другие. И надежда не на эту правду, а на иную – на фактор Кавказского дома, как называет его Э. Горюхина. У каждого есть своя правда, определяемая образом жизни, биографией, опытом собственного бытия. Но все же есть истина! И вот когда сядились люди и понимали, что есть что-то, что их разделяет, но какие-то делали шагочки для того, чтобы уступить другу, даже не уступить – понять другого, тогда все начинало меняться в лучшую сторону. В этой позиции – и драма парадокса, и надежда на его решение в рамках понимания.

Голоса представителей различных этносов – выражение народной правды. Война – это не только смерть и борьба, но и способ переоценить ценности, высшие из которых – дружба народов и добрососедство: в книгах часто звучит прямая речь, выражающая народную точку зрения: «В любом конфликте виноваты две стороны».

³ 4GW – война нового поколения. «Варварские методы» ведения войн // Русская правда. URL: <http://ruspravda.info/4GW-voyna-novogo-pokoleniya>. – Varvarskie-metodi-vedeniya-voyn-9637.html (дата обращения: 20.04.2020).

Обращаясь к конфликтам, начавшимся на территории Грузии в 1990–1991 гг., автор показывает, что их жертвы – вовсе не территориальная целостность Грузии, а люди. Сотни тысяч людей разной национальности в Абхазии и десятки тысяч в Южной Осетии потеряли родных и близких, свои дома. Сотнями тысяч исчисляются беженцы, ничтожная доля из них стреляла, защищая свои дома и семьи. Большинство спасалось от войны или было изгнано. Мера человеческого горя и бесчеловечности межнационального разлома показана на примерах судеб простых людей. И здесь убедительнее не речь человека со стороны, а монолог свидетелей и жертв, особенно тех, кто виновен в любви: *«Когда тебе говорят „осетинка“, я виновата дважды. Первый раз я виновата, потому что я, осетинка, вышла замуж за грузина, и поэтому моего мужа, как мужа осетинки, убили. Я виновата второй раз, потому что я от грузина родила детей. Их убили уже как детей грузина»*. И жестокость, и высота духа – все проявления человеческого духа высветила война, но резервы духа необъятны. И приводя примеры того, как осетинские женщины спасали книги с грузинскими духовными песнопениями, автор делает вывод еще об одной причине связи между народами: мы недооцениваем те глубинные связи, которые были, это не так просто разорвать.

Вопросы, которые задает кавказский человек, многочисленны и концептуальны. Зло войны в том, что возникло недоверие между народами. Такова позиция многих людей, осознавших произошедшее.

Русский человек и русская культура в очерках. Рассказы о народах Кавказа часто сопровождаются ссылками на суждения Л. Толстого, цитированием строк Пушкина, Лермонтова о Кавказе. Русская литература о Кавказе и русская литература в устах кавказцев – инструмент сближения народов и притяжения к России других этносов, считает автор, знакомя читателей с яркими фактами по этой теме. Честь России во время кавказских войн спасали русская литература и учитель литературы.

Книга свидетельствует и о том, что присутствие учительницы литературы, действия одного человека сделали многое, чтобы спасти честь страны. И хотя она корит себя за то, что ей никому не удалось помочь, очевидно, что, принимая на себя риски, связанные с отношением на войне к России и русскому человеку, она в глазах кавказского человека становилась посланницей той части России, к которой она исторически тяготела. Как учитель, она и несла с собой поле культуры и видела на примере местных учителей, особенно учителей литературы, как русская культура не позволяет окончательно разувериться в русском этносе и в то же время благотворно влияет на снятие тревог, страхов. Странничество стало ее способом добывания правды о людях, о стране.

Заключение

Промежуточное положение между журналистикой и литературой позволяет Э. Горюхиной использовать богатую палитру приемов для глубокого отражения действительности и духовно-нравственного воздействия на читателя, извлечения уроков из прошлого, преодоления стереотипов в национальных отношениях, воспитания гуманистического мировоззрения личности.

В истории взаимоотношений народов накоплен груз недоверия, вызванный непродуманными политическими решениями. Голоса представителей различных этносов – а в очерках более пятисот героев – выражение народной правды. Война – это не только смерть и борьба, но и способ переоценить ценности, высшие из которых – дружба народов и добрососедство.

Автор раскрывает образ думающего рефлексизирующего горца, которого она встретила в личном опыте странствия по военным дорогам Кавказа, но не находила в СМИ.

На примере местных учителей, особенно учителей литературы, автор открыла, как русская культура не позволяет окончательно разувериться в русском этносе.

Размышления Э. Горюхиной о природе кавказского человека, разбросанные по всей книге, выявляют сущностные его качества. Она подчеркивает силу жизнеутверждающих начал в психологии кавказца: «Еще не выплаканы слезы матерей, но Кавказ странным образом поднимается, обнаруживая в людях способность восстанавливаться по законам прощения и покаяния, человечности и братства». Особая сила родной земли, притяжение пепелища, святость понятий дома и могилы предков – отличительные черты кавказской ментальности.

Грани богатства национальных характеров и национальных взаимоотношений разнообразны и достойны восхищения, но и национальная рефлексия необходима, чтобы не повторять трагические ошибки войн, считает автор очерков.

Воздействующая познавательная и воспитательная сила очерков позволяют читателю пережить катарсис и повлиять на преодоление стереотипов в национальных отношениях.

Список литературы

- Гарунова Н.Н.* Дискуссии о термине Кавказская война // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (Ростов-на-Дону, 14–15 октября 2013 г.) / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2013. С. 39.
- Гинзбург Л.Я.* О литературном герое. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1979. 222 с.
- Гордин Я.А.* Зачем России нужен был Кавказ. Иллюзии и реальность. СПб., 2008. 288 с.
- Гродненский Н.Н.* Кавказская война XXI. М., 2009. 384 с.
- Кокошин А.А.* Вопросы прикладной теории войны. М.: Высшая школа экономики, 2018. 108 с. <http://doi.org/10.24411/2410-9916-2021-10101>
- Копичев О.А., Николаев А.Е.* Современные войны: анализ тенденций развития межгосударственного противоборства, классификация форм и способов борьбы, формирование признаков и критериев военного конфликта // Системы управления, связи и безопасности. 2021. № 1. С. 1–32. <http://doi.org/10.24411/2410-9916-2021-10101>
- Макаренко С.И.* Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века: монография. СПб.: Научное издательство «Лань», 2017. 546 с.
- Мяло К.Г.* Россия и последние войны XX века. М., 2002. 480 с.
- Орлова Е.И.* Литература и журналистика в России (взаимодействие и исследовательские подходы) // Меди@льманах. 2022. № 5 (112). С. 18–25.

- Орлова Е.И. Литературный процесс и журналистика: вопросы терминологии // Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 3–4 февраля 2023 г.). М., 2023. С. 584–585.
- Проваторова О.Н. «Остров Сахалин» А.П. Чехова – «Дума художника и человека о своем времени» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1 (201). С. 108–113.
- Савченко Т.Д. Литература путешествий о Кавказе второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 202 с.
- Сафронова Е.Ю. Художественный «Кодекс» Ф.М. Достоевского: система наказаний в «Записках из Мертвого дома» // Филология и человек. 2014. № 1. С. 77–89.
- Щербаклова М.И. Севастопольские рассказы Л.Н. Толстого: духовные смыслы Крымской войны // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 2. С. 162–173. <http://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-162-173>

References

- Garunova, N.N. (2013). Discussions about the term Caucasian War. In V.V. Chernous (Ed.), *Materials of the International Forum of Historians of the Caucasus* (Rostov-on-Don, October 14–15, 2013) (p. 39). Rostov-on-Don. (In Russ.)
- Ginzburg, L.Ya. (1979). *About the literary hero*. Leningrad: Sovetskii Pisatel'. Leningradskoe Otdelenie Publ. (In Russ.)
- Gordin, Ya.A. (2008). *Why Russia needed the Caucasus. Illusions and reality*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Grodno, N.N. (2009). *The Caucasian war of the XXI century*. Moscow. (In Russ.)
- Kokoshin, A.A. (2018). *Questions of the applied theory of war*. Moscow: Vysshaya Shkola Ekonomiki Publ. (In Russ.) <http://doi.org/10.24411/2410-9916-2021-10101>
- Kopichev, O.A., & Nikolaev, A.E. (2021). Modern wars: Analysis of trends in the development of interstate confrontation, classification of forms and methods of struggle, formation of signs and criteria of military conflict. *Management, Communication and Security Systems*, (1), 1–32. (In Russ.) <http://doi.org/10.24411/2410-9916-2021-10101>
- Makarenko, S.I. (2017). *Information warfare and electronic warfare in network-centric wars of the beginning of the XXI century*. St. Petersburg: Naukoemkie Tekhnologii Publ. (In Russ.)
- Myalo, K.G. (2002). *Russia and the last wars of the twentieth century*. Moscow. (In Russ.)
- Orlova, E.I. (2022). Literature and journalism in Russia (interaction and research approaches). *Medi@l'manakh*, (5), 18–25. (In Russ.)
- Orlova, E.I. (2023). Literary process and journalism: questions of terminology. *Journalism in 2022: Creativity, Profession, Industry: Materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, February 3–4, 2023)* (pp. 584–585). Moscow. (In Russ.)
- Provatorova, O.N. (2017). “Sakhalin Island” by A.P. Chekhov – “The thought of an artist and a man about his time”. *Bulletin of the Orenburg State University*, (1), 108–113. (In Russ.)
- Safronova, E.Yu. (2014). F.M. Dostoevsky's artistic “Code”: The system of punishments in “Notes from the Dead House”. *Philology and Man*, (1), 77–89. (In Russ.)
- Savchenko, T.D. (2009). *Travel literature about the Caucasus of the second half of the XX century* (dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Krasnodar. (In Russ.)
- Shcherbakova, M.I. (2022). Sevastopol stories by L.N. Tolstoy: Spiritual meanings of the Crimean War. *Studia Litterarum*, 7(2), 162–173. (In Russ.) <http://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-162-173>

Сведения об авторах:

Муслимова Миясат Шейховна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, сектор русского языка и литературы, Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики имени А.А. Тахо-Годи, Российская Федерация, 367013, Махачкала, ул. Пушкина, д. 5. ORCID: 0009-0005-4014-2665. E-mail: miya31@rambler.ru

Яхияева Саидат Хизбулаевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Дагестанский государственный университет, Российская Федерация, 367000, Махачкала, ул. М. Гаджиева, д. 45; доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Республиканский многопрофильный лицей для одаренных детей, Российская Федерация, 367000, Махачкала, ул. Азиза Алиева, д. 16. ORCID: 0000-0002-4341-7469. E-mail: saidat58@mail.ru

Bio notes:

Miyasat Sh. Muslimova, Doctor of Pedagogical Sciences, senior researcher, Sector of Russian Language and Literature, Dagestan Scientific Research Institute of Pedagogy named after A.A. Takho-Godi, 5 Pushkina St, Makhachkala, 367013, Russian Federation. ORCID: 0009-0005-4014-2665. E-mail: miya31@rambler.ru

Saidat Kh. Yahiyeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Methods of Teaching Russian Language and Literature, Dagestan State University, 45 M. Gadzhieva St, Makhachkala, 367000, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Teaching Methods of Russian Language and Literature, Republican Multidisciplinary Lyceum for Gifted Children, 16 Aziza Aliyeva St, Makhachkala, 367000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4341-7469. E-mail: saidat58@mail.ru



ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ FOREIGN LITERATURES

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-66-73

EDN: DNSVYR


УДК 82.31

Научная статья / Research article

Неоготические мотивы в романе И. Уэлша «Резьба по живому»

Т.А. Науменко  , Л.А. Назарова 

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация*

 prillynau@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются особенности трактовки неоготических мотивов в романе И. Уэлша «Резьба по живому» (The Blade Artist). Многие зарубежные и отечественные исследователи обращали внимание на переработку привычных неоготических тропов в постмодернистской литературе, однако в отношении рассматриваемого романа И. Уэлша эта проблема ставится авторами впервые. Цель – выделение трансформации привычных для неоготических традиций мотивов (пространственный мотив замка, мотив «потустороннего» и «ужасного», реализующиеся в присутствии призраков, сверхъестественных существ, проклятий). Ставится задача доказать преемственность произведения И. Уэлша по отношению к неоготической традиции, актуализировать специфический пространственный мотив «замка» для готической и неоготической традиции, выделенный М.М. Бахтиным. Выдвигается общий тезис о том, что обращение постмодернистской литературы (к коей принадлежит роман «Резьба по живому») к неоготическим мотивам связано с метажанровостью неоготики как художественного направления, а также с переосмыслением привычных для него сюжетов, тропов. Делается вывод, что привычные неоготические мотивы используются для рефлексии о прошлом и настоящем региона Соединенного Королевства – Шотландии, а также для переосмысления ответов на давно заданные вопросы нравственности и морали.

Ключевые слова: шотландская литература, пространственные мотивы, постмодернистская литература

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11 октября 2023 г.; отрецензирована 26 ноября 2013 г.; принята к публикации 15 декабря 2023 г.

Для цитирования: Науменко Т.А., Назарова Л.А. Неоготические мотивы в романе И. Уэлша «Резьба по живому» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 66–73. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-66-73>


© Науменко Т.А., Назарова Л.А., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Neo-gothic motifs in the novel by I. Welsh “The Blade Artist”

Tatiana A. Naumenko  , Larisa A. Nazarova 

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation
 prillynau@gmail.com

Abstract. The peculiarities of the interpretation of neo-gothic motifs in the novel by I. Welsh “The Blade Artist” are examined. Many researchers have paid attention to the processing of the usual neo-gothic tropes in postmodern literature, however, in relation to the novel under consideration by I. Welsh, this problem is posed by authors for the first time. The aim is to highlight the transformation of motifs familiar to neo-gothic traditions (the spatial motif of the castle, the motif of the “otherworldly” and “terrible”, realized in the presence of ghosts, supernatural beings, curses). The task is to prove the continuity of the work of I. Welsh in relation to the neo-gothic tradition, to actualize the specific spatial motif of the “castle” for the gothic and neo-gothic tradition, highlighted by M.M. Bakhtin. The general thesis is put forward that the appeal of postmodern literature (to which the novel “The Blade Artist” belongs) the neo-gothic motives are connected with the meta-genre of neo-gothic as an artistic direction, as well as with the rethinking of the plots and tropes familiar to him. The authors conclude that the usual neo-gothic motifs are used to reflect on the past and present of the region of the United Kingdom – Scotland, as well as to rethink the answers to long-asked questions of morality.

Keywords: Scottish literature, spatial motifs, postmodern literature

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted October 11, 2023; revised November 26, 2023; accepted December 15, 2023.

For citation: Naumenko, T.A., & Nazarova, L.A. (2024). Neo-gothic motifs in the novel by I. Welsh “The Blade Artist”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 66–73. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-66-73>

Введение

Роман И. Уэлша «Резьба по живому» (The Blade Artist) был опубликован в 2012 г. и включен в цикл книг, названный критиками «сагой „На игле“» (Trainspotting saga). В нем автор обращается к судьбе одного из героев первого произведения серии («На игле», Trainspotting) Фрэнсиса «Франко» Бегби, эмигрировавшего в Австралию, сменившего имя на Джим и спустя долгое время вернувшегося – после известия о том, что его сын убит, – в Шотландию. Сам Уэлш в интервью издательству «Гардиан» объяснял замысел романа так: «Я подумал, что было бы неплохо все перевернуть, чтобы Бегби был тем, кто владеет самоконтролем лучше всех (the most self-controlled guu in the room) ... В „Резьбе по живому“ сражаются две его стороны. Он научился контролировать себя, открыв для себя искусство и образование, но в нем все еще есть гнев, насилие и садизм»¹.

¹ Kohda Hazelton, C. (2016, April 3). Welsh Irvine: ‘I thought, what if Begbie was the most self-controlled guu in the room?’ *The Guardian*. Retrieved August 14, 2023, from

Обозначенный в цитате сюжет о совмещении и разграничении внутри одного человека двух личностей хорошо известен в шотландской литературе благодаря известнейшей повести Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Конечно, фантастического элемента, связанного с телесным воплощением добра и зла, в книге Уэлша нет, но есть то, что позволяет нам говорить о близости этих двух произведений. А объединяет их ориентированность на готическую традицию, которую, собственно, и представлял Стивенсон, и которая в дальнейшем оказала значительное влияние на постмодернистскую литературу. В частности, М. Данахей предлагает считать «обновленной неоготической версией» произведения Стивенсона, где «мужчины испытывают схожую [с героями Стивенсона] ярость», роман Ч. Паланника «Бойцовский клуб» (Ayres, Mayer, 2020, p. 9). Думается, то же можно сказать и о романе Уэлша.

Прежде чем перейти к доказательству данного тезиса, обратимся к содержанию терминов «готика» и «неоготика». Сама приставка «нео» указывает нам на вторичность по отношению к готике в том смысле, что «оживляет» и модифицирует жанры, тропы, образы и мотивы готической литературы. Отличительной чертой неоготики критик О.В. Разумовская считает метажанровость явления: «У готического стиля больше нет собственной формы или отчетливой эстетической и нравственной задачи, он становится частью яркой палитры массовой культуры, фактически растворяясь в ней, поэтому применительно к текстам XX в. с ярко выраженным «готическим» антуражем уместнее использовать термин „неоготика“» (Разумовская, 2014, с. 53).

Исследовательница Б. Айрес определяет роль неоготики в современной литературе следующим образом: «Неоготика использует то, что принято считать готикой, для того чтобы иметь дело с постпостмодернистским, иногда постчеловеческим миром, чтобы разоблачить амбивалентность и банальность, ...обратиться к вопросам памяти, насилия и травматичного опыта, ...дать голос многогранным культурным, научным и художественным сложностям в наше непростое время» (Ayres, Mayer, 2020, с. 5).

Влияние постмодернизма на эстетику готики и неоготики выделяла также Ю.В. Багаув, отмечая как черту поэтики неоготического стиля ситуацию, когда «множество реальностей, уже когда-то обыгранных или описанных, соединяются в другую реальность, которая впоследствии может образовать еще несколько» (Багаув, 2013, с. 31). Мысли исследовательницы развивает М. Килгур, говоря о том, что читатели неоготики переживают «возрождение потребности в священном и трансцендентном в современном просвещенном... мире, который отрицает существование сверхъестественных сил, или восстание воображения против тирании разума» (Kilgour, 2013, p. 7). Так, зачастую произведения, относящиеся к неоготике, представляют собой интерпретацию готических тропов и сюжетов, используют их для создания «новой реальности» и объяснения «разрушения некогда общепризнанных бинарных связей между добром и злом» (Ayres, Mayer, 2020, p. 9).

Обсуждение

Особенности отражения неоготического пространственного мотива замка. Как для готики, так и для неоготики важным жанрообразующим элементом поэтики является особая пространственная организация, специфические пространственные мотивы. Уже упомянутая выше О.В. Разумовская отмечает, что топос готического романа включает в себя потайной ход или комнату, лабиринт коридоров и комнат, ведущих в подземелье, некие зловещие тайны, скрывающиеся в недрах замка, особняка, монастыря (Разумовская, 2014, с. 50–51). Герою требуется пройти этот многоуровневый лабиринт, в конце которого находится разгадка тайны, и одновременно с этим познать самого себя (свое происхождение, национальную идентичность или подлинный характер). В романе «Резьба по живому» таким готическим топосом представляется вся Шотландия.

Каждое место, которое посещает Джим-Фрэнсис Бегби (будь то дом родственника, друга или промышленное здание), обособлено от других таких же зданий и либо связано с кровопролитными расправами прошлого, либо содержит «подсказку» к разгадке тайны смерти его сына Шона. Например, место, где дед Бегби собирался с другими рабочими, описывается как запустелое, отделенное от других таких же зданий место: *«Стояла постройка в восточной части, за ней большой проволочный забор и промышленные корпуса, от остальных докеров вдали... Там горел свет, не было окон, помещение проветривалось только через вентиляционные каналы в кирпичах вверху и внизу и наглухо закрывалось большой деревянной дверью, которую оставляли малехо приоткрытой, пока мы были внутри»* (Уэлш, 2019, с. 18). Именно в этом обособленном и заброшенном здании совершается жестокое убийство Джонни Твида – одного из приятелей деда главного героя, Джока Бегби, а Фрэнсис становится свидетелем этого злодеяния. Так, заброшенная постройка становится «хранителем» останков Твида и тайны его смерти.

«Лабиринт комнат», который предстоит пройти Джиму-Фрэнсису, представлен домами бывших друзей его молодости, любовницы, приятелей его сына. Фактически каждый дом, в который заходит Бегби, хранит «ключ» к разгадке гибели его сына или «чудища» прошлого, с которым необходимо столкнуться. К примеру, дом бывшей жены Фрэнсиса Джун «вопиет о нищете» (Уэлш, 2019, с. 39), входная дверь выкрашена черной краской, а внутри дома стоит неприятный запах. Как и находящееся в упадке жилье, героиня также напоминает лишь подобие человека: «Глаза у нее мутные и ввалившиеся, а голова напоминает луковицу... теперь она раскабанела, а кожа у нее стала такого же землистого цвета... ее пухлые щеки так глубоко проваливаются, будто ей повыдергивали все зубы...» (Уэлш, 2019, с. 40).

Другой дом принадлежит бывшему поделщику Бегби, Ларри. Внешне изящный дом хранит ужасающие секреты своего больного ВИЧ-инфекцией хозяина: материалы сексуального характера, который тот сам записывает и коллекционирует, и свидетельство о связи убитого Шона с Ларри (рейтинг на игровой приставке, в которую Шон выиграл у Ларри).

Вместе с тем Шотландия выступает не только фоном для развития сюжета. Именно в Шотландии (вернее сказать, *только* в Шотландии) сохраня-

ется возможность совершать кровавые расправы во имя чести рода, увидеть призраков, столкнуться с алогичными, аморальными и безнаказанными поступками. Неслучайно в начале каждой главы приводятся подробные описания районов, жилых построек, пребывающих в состоянии распада или упадка: «Франко выходит и быстро шагает вниз – по Джанкшн-стрит и Феррироуд к Форт-хаусу. Это внушительное здание, памятник муниципальной архитектуры шестидесятых, сейчас зловеще пусто, но его пока еще не снесли... Раньше здесь жили Рентоны, Кисбо, Мэти... но тут совсем ничего не осталось» (Уэлш, 2019, с. 33)

Как и здания, построенные на его территории, регион оказывается будто «на отшибе» цивилизации: в нем не действует сила закона (полицейские не торопятся расследовать убийство Шона, поэтому Фрэнсису-Джиму придется искать и наказывать преступника самому), не существует связи с остальным цивилизованным миром (Бегби испытывает заметные трудности, когда пытается позвонить или написать жене, проживающей в Америке). Вместо цивилизованных норм существуют некие «неписанные законы», определяющие вину и наказание, которым следуют шотландцы и носителем которых (несмотря на проживание в цивилизованной Америке) продолжает являться главный герой. Жители Шотландии, как и Бегби, оказываются заточены в этом отстраненном от всего остального мира регионе, в тех правилах и условиях, которые заключены *только* в нем.

М.М. Бахтин, комментируя роль топоса в готическом романе, замечает: «Зáмок насыщен временем, притом историческим в узком смысле слова, то есть временем исторического прошлого. Замок – место жизни властелинов феодальной эпохи (следовательно, и исторических фигур прошлого), в нем отложились в зримой форме следы веков и поколений в различных частях его строения, в обстановке, в оружии, в галерее портретов предков, в фамильных архивах, в специфических человеческих отношениях династического преемства, передачи наследственных прав. Наконец, легенды и предания оживляют воспоминаниями прошедших событий все уголки замка и его окрестностей. Это создает специфическую сюжетность замка, развернутую в готических романах» (Бахтин, 1986, с. 278). Роль городских зданий в романе «Резьба по живому» во многом схожа: Бегби, блуждая по улицам Шотландии, вспоминает нелегкое детство, бурную юность, уклад жизни старших поколений – явления не столь дальнего, но уже невозвратимого прошлого: «Тогда, в конце семидесятых, они были из последних, кто вкалывал на забивавшихся доках. Все они, кроме Джонни, работали там с самой войны и скоро должны были выйти на пенсию» (Уэлш, 2019, с. 18). История Шотландии середины и конца XX в., отраженная в сознании Бегби как время упадка нравственных устоев, семейных ценностей, экономической обстановки, сохраняется в зданиях города, находящихся в таком же состоянии «разрушения».

Особенности отражения неоготических мотивов «потустороннего» и «ужасного». Важными и для готики, и для неоготики остаются понятия «потустороннего» и «ужасного». Следуя классификации английской исследовательницы Э. Биркхед, «ужас» готического романа можно разделить на «естественный» (вызванный хотя и страшными, однако вполне челове-

скими и реальными событиями) и «потусторонний». Обе эти разновидности встречаются в романе Уэлша. Что касается первой, то она представлена преступлениями Купера, Сантьяго, Ларри, Майкла Бегби, Джока. Купер и Сантьяго виновны в унижении и оскорблении дочерей и жены главного героя, Ларри – в создании материалов сексуального характера и сокрытии убийства Шона, Майкл – в его убийстве, Джок – в убийстве Джонни Твида. В том смысле, что злодеяния перечисленных персонажей открывают самые ужасные и омерзительные черты человеческой природы, ужас, который вызывают их преступления, можно назвать «естественным».

Ужас «сверхъестественный» больше связан с действиями главного героя, который наказывает или отказывается наказывать перечисленных героев за их преступления. Джим-Фрэнсис разрешает ситуации с помощью грубой силы: он «сдает» уже недееспособного деда полиции, позволяет своему подельнику убить Ларри, заживо сжигает Антона Миллера (молодого главу преступной организации), убивает Купера и Сантьяго на берегу океана, изошренно издевается над подельником Тайроном, но при этом оставляет своего младшего сына без какого-либо наказания. Хаотичность и алогичность наказаний, которые вершит главный герой, заставляет усомниться в том, что это вообще «наказания». Будучи проявлением грубой силы, они исходят не от закона (полиции) или любой другой инстанции, которая призвана восстановить справедливость, но являются собой нечто стихийное, субъективное и случайное.

В романе Уэлша понятие «наказание» тесно связано с «родовым проклятием» рода Бегби, о котором в тексте произведения говорится несколько раз (еще один мотив, столь любимый готическими авторами). Так, убийцей Шона оказывается его брат, младший сын Франко – Майкл, который был «из породы» Бегби. Причиной преступления оказывается непохожесть Шона на других молодых людей, ревность к девушке, которая испытывала симпатию к убитому, а не к живому сыну Фрэнка. Майкл обвиняет отца, что последний сам научил его такому типу поведения, буквально «привил» ему воспитание, которое в текущий момент Бегби считает «чепухой». В этот момент Джим видит в сыне собственную иррациональную злобу, ярость, передаваемую из поколения в поколение, в некоем смысле она становится наследственной, генетической.

Кроме этого, Джим будто бы видит призрака умершего родственника, которого он собственноручно «сдал» полиции и который, вероятно, проклял его: *«Франко снова видит деда в лице сына, в этих же самых документах наблюдает за посмертным реваншем старика-привидения. В неярком свете фонаря Майкл и правда, как бесплотный дух, и Фрэнк Бегби ошарашенно молчит»* (Уэлш, 2019, с. 124). Бегби не наказывает сына (не вызывает полицию и не решает совершить «самосуд»), поступок Майкла для него – закономерная «расплата» за ошибки молодости, выведение принципов поведения «Франко» на «новый уровень», а поэтому, с точки зрения Джима, наказывать его не за что. Майкл оказывается не виноват в глазах Бегби, ведь он лишь «потерянная душа», ему «просто не повезло» родиться в роде Бегби. «Расплата» Майкла уже предопределена: *«Сын будет множить страдания, а потом*

или сдохнет, или проведет большую часть жизни на нарах. Весь в его породе – Франко признает, что виноват в этом прежде всего отец» (Уэлш, 2019, с. 124).

Вся череда несчастий, случившаяся с семьей Джима-Фрэнсиса, оказывается связана с оскорблением, некогда совершенным Бегби. Можно было бы назвать семейную расправу «божественным предопределением», однако на присутствие Бога в романе ничего не указывает. Иначе говоря, «старик-приведение» не связан с присутствием чего-либо «высшего», призванного восстановить справедливость. Реальность, которая порождает призраков и поддерживает родовое проклятие, остается неизвестной и неразгаданной, выходит за пределы разумного познания, находится на спектре потустороннего. Неизвестно, последнее ли это явление «старика-приведения» или герой осужден на вечные несчастья за проступок из прошлого.

Заключение

Итак, мы увидели, что в романе И. Уэлша «Резьба по живому» присутствуют самые разные мотивы, присущие неоготике. Это и пространственные мотивы (писатель расширяет топос отчужденного «зámка» до пространства целого региона), и мотивы «ужасного» и «потустороннего», включающие «родовое проклятье», наличие образа «старика-призрака». По нашему мнению, обращение к неоготическим мотивам в исследуемом романе объясняется потребностью автора в рефлексии о прошлом и настоящем Шотландии, соотнесении когда-то понятных ответов на важнейшие вопросы о моральных и нравственных ценностях с теми, которые дает современный мир

Список литературы

- Багаув Ю. Д. Неоготические сюжеты в современной художественной культуре // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2013. №4 (36). С. 30–32.
- Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
- Разумовская О. В. Понятие о готическом и неоготическом стиле в контексте истории литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2014. № 4. С. 48–53.
- Уэлш И. Резьба по живому. М.: Азбука-Аттикус, 2019. 140 с.
- Ayres B., Maier S. Introduction: neo-gothicism: persistent haunting of the past and horrors anew // *Neo-Gothic Narratives: Illusory Allusions from the Past*. Cambridge: Anthem Press, 2020. Pp. 1–12.
- Kilgour M. *The rise of the gothic novel*. Routledge, 2013. 292 p.

References

- Ayres, B., & Mayer, S. (2020). Introduction: Neo-gothic: The constant persecution of the past and new horrors. *Neo-Gothic Narratives: Illusory Hints from the Past* (pp. 1–12). Cambridge: Anthem Press.
- Bagauv, Yu. (2013). Neo-gothic plots in modern artistic culture. *Humanitarian Vector. Series: Philology, Oriental Studies*, (4), 30–32. (In Russ.)
- Bakhtin, M.M. (1986). *Literary and critical articles*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russ.)

Kilgour, M. (2013). *The rise of the gothic novel*. Routledge.

Razumovskaya, O.V. (2014). The concept of gothic and neo-gothic style in the context of literary history. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (4), 48–53. (In Russ.)

Welsh, I. (2019). *The Blade Artist*. Moscow: Azbuka-Attikus Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Науменко Татьяна Александровна, студент, филологический факультет, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620075, Екатеринбург, ул. Ленина, д. 51. ORCID: 0009-0002-0241-1746. E-mail: prillynau@gmail.com

Назарова Лариса Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620075, Екатеринбург, ул. Ленина, д. 51. ORCID: 0000-0003-0036-0842. E-mail: l.a.nazarova@urfu.ru

Bio notes:

Tatiana A. Naumenko, student, Faculty of Philology, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, 51 Lenina St, Yekaterinburg, 620075, Russian Federation. ORCID: 0009-0002-0241-1746. E-mail: prillynau@gmail.com

Larisa A. Nazarova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. ORCID: 0000-0003-0036-0842. E-mail: l.a.nazarova@urfu.ru



DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-74-81

EDN: EJNNQM


УДК 821.111

Научная статья / Research article

Особенности хронотопа в рассказах Кадзуо Исигуро Crooner и Come Rain or Come Shine

А.А. Михейкина 

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Российская Федерация

 alinamiheikina@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности хронотопа в рассказах Кадзуо Исигуро Crooner и Come Rain or Come Shine. Основное внимание уделяется анализу особенностей художественного пространства и времени в произведениях. В частности, изучаются черты открытых и закрытых, ментальных и физических разновидностей пространства. Выявляются и интерпретируются метафорические значения, присущие некоторым локусам в рассказах. Акцент сделан на том, как отдельные пространственные образы позволяют автору раскрыть темы памяти и любви, наиболее часто встречающиеся в произведениях Исигуро. Отмечается, что тема любви в рассказе Crooner характеризуется наличием позитивных черт, что отличает это произведение от других образцов прозы писателя. В исследовании подчеркивается роль музыки как элемента художественного пространства в некоторых эпизодах. Высказывается предположение о том, что такая особенность способствует усилению сенсорного характера текстов. Помимо этого, она позволяет автору вводить интермедийные аллюзии. Делается вывод о том, что особенности хронотопа в анализируемых рассказах служат для углубления психологизма, отражения ментального состояния героев, а также наиболее репрезентативному представлению эпизодов.

Ключевые слова: художественное время, художественное пространство, спациопэтика, интермедийность, психологизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 16 октября 2023 г.; отрецензирована 25 ноября 2013 г.; принята к публикации 17 декабря 2023 г.

Для цитирования: Михейкина А.А. Особенности хронотопа в рассказах Кадзуо Исигуро Crooner и Come Rain or Come Shine // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 74–81. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-74-81>

© Михейкина А.А., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The peculiarities of chronotope in Kazuo Ishiguro's stories "Crooner" and "Come Rain or Come Shine"

Alina A. Mikheikina 

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

✉ alinamiheikina@yandex.ru

Abstract. The features of the chronotope in Kazuo Ishiguro's stories "Crooner" and "Come Rain or Come Shine" are examined. The main attention is paid to the analysis of the features of artistic space and time in the texts. In particular, the features of open and closed, mental and physical spaces are dissected. The metaphorical meanings of some loci in the stories are identified and interpreted. The focus is on how individual images of spaces allow the author to reveal the themes of memory and love that are to be found in Ishiguro's works quite often. It is stated that the theme of love in the story "Crooner" is characterized by the presence of positive features, which distinguishes this work from other examples of the writer's prose. This study highlights how music becomes an element of the artistic space of some episodes. It is suggested that this feature enhances the sensory nature of the texts. In addition, it allows the author to introduce intermedial allusions. As a result of the study, it is concluded that the features of the chronotope in the analyzed stories serve to deepen psychologism, reflect the mental state of the characters. It also enriches the presentation of some episodes.

Keywords: artistic time, artistic space, spaciopoetics, short story, intermediality, psychologism

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted October 16, 2023; revised November 25, 2023; accepted December 17, 2023.

For citation: Mikheikina, A.A. (2024). The peculiarities of chronotope in Kazuo Ishiguro's stories "Crooner" and "Come Rain or Come Shine". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 74–81. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-74-81>

Введение

Сборник рассказов «Ноктюрны: пять рассказов о музыке и сумерках» (Nocturnes: Five Stories of Music and Nightfall) представляет один из ярких образцов прозы Кадзуо Исигуро. Истории персонажей разных национальностей, возрастов, профессий объединены темой музыки. Хотя она не представлена в текстах английского автора так широко, как тема памяти, ее значение в художественном творчестве писателя довольно велико.

Хронотоп в произведениях Кадзуо Исигуро часто играет важную роль в достижении авторской интенции и углубляет смысловое содержание текстов. Эта особенность объясняет внимание некоторых исследователей к хронотопической организации произведений писателя.

Время и пространство в произведениях писателя часто характеризуются как «травматические» и «фрагментарные» (см.: Calinescu, 2022; Селитрина, 2009, с. 41). Вышеперечисленные исследователи уделяют внимание глубинной связи репрезентации хронотопа с психологической составляющей текстов. Так, А. Калинеску отмечает, что восприятие времени и простран-

ства персонажами Исигуро отличается «искаженным характером», что позволяет писателю сделать акцент на «особенностях психологического опыта героев» (Calinescu, 2022). Т.Л. Селитрина подчеркивает, что герои Исигуро помещены в «децентрированную реальность, фрагментарную, создающуюся в процессе воспоминания-воображения» (Селитрина, 2009, с. 41).

Тенденция к психологизации хронотопа в работах Кадзуо Исигуро проявляется благодаря детализированному описанию восприятия времени и пространства персонажами.

Обсуждение

Особенности хронотопа в рассказе Crooner. В рассказе Crooner («Крунер»), открывающем сборник «Ноктюрны», организация хронотопа имеет две основные проекции. Первая включает в себя время и пространство Венеции, где происходят основные события рассказа. Вторая связана с хронотопом разрозненных воспоминаний, в которых описывается жизнь героев в разных странах и временных промежутках, а также раскрываются детали прошлого, имеющие значение в настоящем.

Первый конкретный пространственный параметр задается в начале повествования, когда автор описывает весеннее утро Венеции. Ян, главный герой рассказа, играет на площади Сан-Марко, а затем встречает музыканта Тони Гарднера и его жену.

За этим эпизодом немедленно следует флешбэк, открывающий иную пространственно-временную перспективу в рассказе: «Тони Гарднер был самым любимым музыкантом моей матери. Во времена коммунизма в нашей стране было очень трудно достать такие пластинки, но у моей матери была практически вся коллекция его альбомов. Однажды, когда я был мальчиком, я поцарапал одну из этих драгоценных записей. В квартирке было ужасно тесно, а мальчишке моего возраста иногда хотелось подвигаться, особенно в те холодные месяцы, когда нельзя было выйти на улицу. Я играл, прыгая с нашего маленького дивана на кресло, <...> и случайно попал по проигрывателю» (Ishiguro, 2009, р. 7; *здесь и далее перевод наш. – А.М.*).

Резкая смена пространственно-временных координат позволяет автору затронуть тему памяти и воспоминаний. Примечательно, что в начале рассказа она актуализируется не в связи с травматическим опытом, а в связи с мотивом любви. В эпизоде, к которому обращается Ян, на первый план выводится то, что дорого его сердцу. Это также определяет и мотивацию его последующих действий.

Необходимо отметить, что мотив любви в ее разных проявлениях в произведениях Кадзуо Исигуро представлен не менее широко, чем мотив памяти: «В работах Кадзуо Исигуро можно почувствовать любовь, то, когда она присутствует, и то, когда она отсутствует. Она всегда поблизости, где-то за занавесом, неуловимая и трагичная» (Werntz, 2021).

При этом автор предпочитает уделять внимание сложным и неоднозначным аспектам любви, которая порой имеет негативную окраску. Например, можно вспомнить трудности в отношениях между героями романа «Безутешные» (The Unconsoled). В произведении «Остаток дня» (The Remains of

the Day) присутствует другой пример репрезентации рассматриваемого мотива: описание приверженности Стивенса своей работе, что заставило героя пожертвовать любовью.

В рассказе *Стоопег* мотив любви имеет позитивную коннотацию, в отличие от его репрезентации в других произведениях писателя. Актуализация мотива происходит в связи с воспоминаниями Янека о его маме – большой поклоннице Тони Гарднера. Отсутствие негативных эмоций в воспоминаниях главного героя о матери можно подчеркнуть следующей цитатой: «Что бы сказала любимая матушка, если бы знала! Ради нее, ради памяти о ней, я был должен пойти и сказать ему что-нибудь, пусть даже другие музыканты будут смеяться надо мной...» (Ishiguro, 2009, p. 8).

Воспоминания музыканта, словно позволяют герою вернуться домой. Ж. Васо, размышляя об особенностях репрезентации утраченного дома в современной литературе, отмечает, что возвращение (физическое или мысленное) мотивируется стремлением найти «потерянное время» и «прежнюю идентичность, привязанную к специфическому хронотопу дома» (Vaso, 2019, p. 131). В рассказе воспоминания Янека позволяют подчеркнуть особенности его личности, а также сделать акцент на значении музыки Гарднера в жизни героя.

Благодаря элементам художественного пространства в рассказе также актуализируется дихотомия «свой/чужой». Прежде всего, это связано с противопоставлением социалистических и капиталистических стран, нашедшем выражение в отношении со стороны окружающих к главному герою, переехавшему из Польши в Италию.

Принадлежность героев к странам с разными идеологиями маркирует различия в их менталитете. Например, когда Янек задает вопрос мистеру Гарднеру о причинах его намерения расстаться со своей женой, учитывая, что они любят друг друга до сих пор, музыкант отвечает: «Как же мне объяснить вам это, мой друг, учитывая то, откуда вы родом? <...> Дело в том, что мое имя уже не настолько популярно, насколько было раньше. <...> Я могу вернуться в игру. <...> Но вернуться не так уж просто. Тебе нужно быть готовым претерпеть множество изменений. <...> Ты меняешься сам. Ты даже меняешь тех, кого любишь» (Ishiguro, 2009, p. 22).

Эта цитата задает весьма неоднозначную тональность концовке рассказа. Создается антитеза, связанная с различиями в мировоззрении героев. Так, Янек был уверен, что песни, которые под его аккомпанемент Тони Гарднер исполнял для своей жены весенней ночью в Венеции, должны были помочь супругам восстановить отношения, но это действие оказалось прощальным подарком музыканта.

Описанный эпизод также поднимает тему любви в произведении. В частности, он позволяет автору передать особенности понимания этого чувства представителями разных культур, имеющих разные взгляды на жизнь.

Музыка, которую автор выводит на первый план каждого рассказа сборника, неразрывно связана с воплощением указанной выше темы. Так, она служит утешением для матери Янека, воспоминанием о доме музыканта, средством выражения чувств и извинения для мистера Гарднера.

Хронотопическая организация рассказа отличается наличием нескольких пластов пространства и времени, которые не связаны между собой: Венеция, где происходит действие рассказа, Польша, где прошло детство Яна, и США во времена, когда Тони Гарднер имел большую популярность. Такая особенность позволяет придать единство разным аспектам поднятой темы, а также сделать акценты на связанной с ними проблематике.

Тема памяти в произведении также не уходит на дальний план. Однако воспоминания не служат для того, чтобы обнажить некую травму прошлого, как в других произведениях писателя.

С помощью флешбэков в рассказе *Сгоонер* изображаются события, повлиявшие на восприятие отдельных аспектов реальности главными героями. В эпизодах прошлого показаны обыденные, непримечательные картины, однако они позволяют Кадзуо Исигуро представить художественное осмысление любви, прощения, светлой грусти о прошедшем.

Несомненно, многие точки пространственно-временной системы координат рассказа имеют и метафорическое значение. Например, описание локуса квартиры матери Янека во времена ушедшего в прошлое политического строя позволяет сделать акцент на принадлежности музыканта к несуществующему пространству, наделяет его онейрическим характером. Замкнутость квартиры как локуса, а также определенная «закрытость», с которой ассоциируется описываемый временной промежуток, становится антитезой для не имеющей границ музыки.

В рассматриваемом контексте музыка позволяет матери Янека переживать нелегкие моменты, а также сопровождает ее мечты. Пространственно-временной пласт, связанный с прошлым Тони и Синди, отличается открытостью. Например, герои перемещаются по разным городам США, посещают и другие страны. Даже замкнутые локусы (закусочная в Лос-Анджелесе, номер в отеле) условно связаны со свободой.

В то же время музыка не дает Тони и Синди свободы любить или мечтать. Напротив, являясь одной из забытых знаменитостей, мистер Гарднер должен оставить жену, чтобы вновь обрести популярность и вернуться к музыкальной карьере.

Особенности хронотопа в рассказе *Come rain or come shine*. В следующем рассказе сборника «Идет ли дождь, или светит солнце» (*Come Rain or Come Shine*) хронотоп также служит для репрезентации ряда тем.

Героями произведения являются несколько университетских друзей. Реймонд, учитель английского языка, проживающий за пределами Англии, приезжает в Лондон, чтобы провести время с Чарли и Эмили. При этом он вспоминает университетские годы, скрытые романтические чувства к жене своего друга, совместные музыкальные вечера.

Центральным локусом в художественном пространстве рассказа является дом Чарли и Эмили. Отметим, что Исигуро представляет этот образ не только во временной плоскости, в которой происходит действие произведения, но и описывает его в прошлом.

А. Ионеску подчеркивает, что «изображение дома занимает центральное место во всех произведениях Исигуро» (Ionescu, 2020). Исследовательница

утверждает, что в семантике такого образа в произведениях писателя присутствует репрезентация японского «концепта „учи/сото“» (Ionescu, 2020). В частности, речь идет об «особенностях социальной организации». Она основывается на разделении на «учи», что обозначает нечто «свое/внутреннее», и «сото», ассоциирующееся с «чужим/внешним» (Ionescu, 2020). Данный концепт определяет не только социальный аспект культуры Японии, но и аксиологический элемент в мировоззрении жителей этой страны.

А. Ионеску акцентирует внимание на том, что актуализация «учи/сото» обнаруживается в ранних произведениях К. Ишигуро, затрагивающих тему войны. Однако различные художественные образы в рассматриваемом произведении также демонстрируют черты, сопряженные с этой дихотомией.

В некоторых эпизодах этот концепт актуализируется с помощью особенностей хронотопа. Например, в начале рассказа важной точкой художественного пространства становится гостевая комната, представленная в нескольких временных проекциях.

Сначала комната предстает в следующем виде: «И тут я увидел ее такой, какой раньше никогда не видел. На голой кровати лежал запятнанный матрац. На полу были раскиданы стопки журналов и книг в мягких обложках, связки старой одежды, хоккейная клюшка, на боку лежал громкоговоритель» (Ishiguro, 2009, p. 28).

Антитезой этому описанию служат воспоминания главного героя: «мои мысли были сосредоточены на возможных улучшениях, которые могли быть сделаны в „моей“ спальне со времени предыдущего визита. На протяжении многих лет там почти всегда появлялось что-то новое. <...> Спальня всегда была подготовлена для меня так, как номер в шикарном отеле» (Ishiguro, 2009, p. 28).

Это противопоставление отчасти способствует актуализации художественного концепта «учи/сото» в рассказе. Так, в начале произведения Реймонд говорит о Чарли и Эмили как о своих самых близких университетских друзьях, в их доме присутствует комната, которую герой называет «своей». Это подводит нас к мысли о том, что восприятие рассматриваемой части вообразяемого мира главным героем в целом соотносится с концептом «учи».

В то же время взаимоотношения, описываемые в рассказе, а также изображение гостевой комнаты на первый взгляд метафорически разделяют героев, так как Рей ощущает себя чужим: «Это неудачное время для визита. Я уеду сразу после ланча» (Ishiguro, 2009, p. 31).

Отметим, что с позиции сознания, не включенного в концептосферу Японии, вышеуказанная антитеза подчеркивает разобщенность героев. Но если обратиться к «учи», то холодная встреча не исключает принадлежность Рея к «близким» или «своим» в восприятии семейной пары.

К. Ишигуро, рассуждая об особенностях этического кода, связанного с «учи», пишет о том, что «ко всем тем, кто является „чужим“, нужно относиться особенно уважительно и <...> осторожно...» (Ishiguro, 1985). В рассказе *Come Rain or Come Shine* Чарли не пытается скрыть проблем, возникших в его отношениях с женой. Он рассказывает Рею много фактов из личной жизни, а также делится своими сокровенными переживаниями.

Так, психологизм, который актуализируется в рассказе благодаря особенностям хронотопа, имеет амбивалентный характер. С одной стороны, акценты на беспорядке в комнате, а также на том, как супруги себя ведут по отношению к Рею, создают ощущение того, что персонажи отделились друг от друга. Аналогичный психологический тон задают диалоги героев в начале рассказа. С другой стороны, особенности, которые были отмечены выше, не противоречат концепту «учи».

«Включенность» Рея в жизнь Чарли и Эмили подчеркивается разными способами. Например, когда Чарли говорит о том, что надеется на то, что приезд Рея поможет спасти их отношения с женой, а также в эпизоде, когда Эмили неожиданно предлагает герою потанцевать под одну из песен, которую они любили слушать в университете.

Своеобразием отличается и эпизод, в котором Рей устраивает беспорядок в доме, послушавшись Чарли, чтобы создать иллюзию того, что не он, а пес по кличке Хендрикс помял записную книжку Эмили. В этом случае изображаемое художественное пространство становится средством введения интермедийной аллюзии.

Действия главного героя весьма абсурдны. Так, сначала он убирает предметы со своих мест, а затем, думая, что это выглядит «неубедительно», становится на четвереньки и «воображает себя собакой». При этом происходящее лишено логики. Э. Ричардсон отмечает, что этот эпизод вбирает в себя черты сна. Это утверждение не вызывает сомнений, но также можно предположить, что такая реорганизация окружающего мира персонажем становится метафорической аллюзией на психоделическую музыку.

С одной стороны, этому способствует выбор клички собаки, отсылающей нас к фамилии одного из знаменитых гитаристов. С другой стороны, сам характер содеянного Реем может быть обозначен как «психоделический». Н.Г. Канклини отметил, что основная функция психоделического искусства заключалась в «искажении восприятия общества и языка, который [общество] представляет» (Canclini, 1995). Исигуро совершает метафорический перенос, изображая деконструкцию пространства дома.

Физическое «пересоздание» локуса также ведет к смене характера коммуникации Эмили и Рея. Героиня смягчается, разговаривает со старым другом и предлагает потанцевать под песню *April in Paris* в исполнении Сары Воан на террасе. Рассказ завершается следующими словами: «...еще несколько минут мы были в безопасности и продолжали танцевать под звездным небом» (Ishiguro, 2009, p. 58).

В приведенном фрагменте рассказа музыкальная композиция включается в описываемое пространство, усиливает ощущение умиротворения, мечтательности и легкой меланхолии. Так, художественное пространство снова отражает психологическую составляющую эпизода.

Заключение

Хронотопическая организация рассказов Исигуро *Crooner* и *Come Rain or Come Shine* отличается неоднородностью. В текстах присутствует репрезентация как физических, так и ментальных пространств. Изображаемое время

также определяется наличием нескольких пластов, часто резко сменяющих друг друга. Эти особенности являются ключевыми для идиостиля писателя.

В спациопэтике рассматриваемых произведений присутствуют закрытые и открытые пространства. Часто они служат для углубления психологизма, отражая настроение, душевное состояние или особенности личности персонажей.

Воспоминания, в которых актуализируются ментальные время и пространство, в обоих рассказах не служат для обнажения травматического опыта, как в других произведениях писателя, а способствуют актуализации некоторых мотивов и тем. Музыкальные элементы, включенные в изображаемое пространство рассказов, часто усиливают эмоциональное воздействие эпизодов и способствуют их сенсорному восприятию.

Список литературы

- Селуприна Т.Л.* Преемственность литературного развития и взаимодействие литератур. М.: Высшая школа, 2009. 288 с.
- Calinescu A.A.* Behavioural approach to Kazuo Ishiguro's novels // *An e-Journal of Literary and Cultural Studies*. 2022. Vol. 2. No. 1. Pp. 1–19. <http://doi.org/10.53034/Transcript.2022.v02.n01.001>
- Canclini N.G.* Hybrid cultures: strategies for entering and leaving modernity. University of Minnesota Press, 1995. 328 p.
- Ionescu A.* Architectural projections in Kazuo Ishiguro's early novels and the concept of Uchi. 2020. URL: https://www.academia.edu/13179265/Architectural_Projections_in_Kazuo_Ishiguro's_Early_Novels_and_the_Concept_of_Uchi (accessed: 08.09.2023).
- Ishiguro K.* Nocturnes: Five stories of music and nightfall. Faber & Faber, 2009. 142 p.
- Ishiguro K.* Uchi // *London Review of Books*. 1985. Vol. 7. No. 14. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v07/n14/kazuo-ishiguro/uchi> (accessed: 14.09.2023).
- Vaso J.* The chronotope of return: an attempt to regain time through space // *Świat Tekstów*. 2019. URL: https://www.academia.edu/49009588/The_Chronotope_of_Return_An_Attempt_to_Regain_Time_through_Space (accessed: 04.07.2023).
- Wertz M.* Only love remains: a review of Klara and the Sun // *In All Things*. 2021. URL: <https://inallthings.org/only-love-remains-a-review-of-klara-and-the-sun/> (accessed: 08.07.2023).

Сведения об авторе:

Михейкина Алина Андреевна, кандидат филологических наук, преподаватель ОНК «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Российская Федерация, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14. ORCID: 0000-0002-4857-0649. E-mail: alinamiheikina@yandex.ru



DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-82-88

EDN: EKYSIR

UDC 82-9

Research article / Научная статья

From silence to speech: women's breathing space in "The Laugh of the Medusa"

Sushila Ojha¹, Jaya Kritika Ojha²  

¹Government Maharani Sudarshana Girls College, Bikaner, Republic of India

²Central University of Rajasthan, Ajmer, Republic of India

 jaya.kritika@curaj.ac.in

Abstract. The study focuses on the empowering aspects of women's writing referring Helen Cixous influential work "The Laugh of the Medusa". Cixous passionately advocates for women to embrace writing, as a tool for self-expression and liberation believing that it has the potential to not transform individual lives but also shape culture, history, and society. The authors suggest that by expressing themselves, contemporary women can establish their place in the world just as the Medusas gaze turned enemies into stone. The paper also explores the connection between language, subjectivity and diversity which are related in feminist discourse. It emphasises the importance of reclaiming language that has historically marginalised women and highlights the need to develop a vocabulary that truly reflects their experiences and aspirations. Important is to create an environment where women are given the space and support to communicate their thoughts and feelings. It is crucial for women to cultivate their own voices, honour their bodies and utilise language to challenge patriarchal norms. The continuous fight for gender equality and empowerment is fueled by Cixous's appeal for women to reclaim their voices and experiences. The research stresses about providing women the room and encouragement they need to express themselves. Women's writing may act as a catalyst for the destruction of repressive power systems, to pave the way for a just, equal, humane, and free world for women.

Keywords: women's writing, language, feminism, gender equality, H el ene Cixous

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 25, 2023; revised December 20, 2023; accepted January 6, 2024.

For citation: Ojha, S., & Ojha, J.K. (2024). From silence to speech: Women's breathing space in "The Laugh of the Medusa". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 82–88. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-82-88>

  Ojha S., Ojha J.K., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

От молчания к речи: женское дыхание в «Смехе Медузы»

С. Оджа¹, Д.К. Оджа²  

¹Государственный женский колледж Махарани Сударшана, Биканер, Республика Индия

²Центральный университет Раджастхана, Адджер, Республика Индия

 jaya.kritika@curaj.ac.in

Аннотация. Основное внимание уделяется аспектам женского писательства, расширяющим возможности женщин, во влиятельной работе Элен Сиксу «Смех Медузы». Сиксу страстно выступает за то, чтобы женщины восприняли письмо как инструмент самовыражения и освобождения, полагая, что оно может не только изменить частную жизнь, но и сформировать культуру, историю и общество. В исследовании доказывалось, что через самовыражение современные женщины могут утвердить свое место в мире подобно тому, как взгляд Медузы превращал врагов в камень. Изучается связь между языком, субъективностью и разнообразием, которые взаимосвязаны в феминистском дискурсе. Указывается на важность восстановления языка, который исторически маргинализировал женщин; подчеркивается необходимость развития их словарного запаса, который действительно отражает их опыт и стремления. Требуется создать среду, в которой женщинам будет предоставлено пространство и поддержка для выражения своих мыслей и чувств. Женщинам крайне важно развивать свой собственный голос, уважать свое тело и использовать язык, чтобы бросить вызов патриархальным нормам. Непрерывная борьба за гендерное равенство и расширение прав и возможностей подогревается призывом Элен Сиксу к женщинам вернуть себе свои голоса и опыт. Подчеркивается важность предоставления женщинам возможности поощрения, необходимой для самовыражения. Делается вывод, что женские произведения могут послужить катализатором разрушения репрессивных систем власти с целью создания справедливого, равного, гуманного и свободного мира для женщин.

Ключевые слова: женское письмо, язык, феминизм, гендерное равенство, Элен Сиксу

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 ноября 2023 г.; отрецензирована 20 декабря 2023 г.; принята к публикации 6 января 2024 г.

Для цитирования: *Ojha S., Ojha J.K.* From silence to speech: Women's breathing space in "The Laugh of the Medusa" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 82–88. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-82-88>

Introduction

Woman must write her self: must write about women and bring women to writing, from which they have been driven away as violently as from their bodies.

Hélène Cixous, 1976

When women write they enjoy their breathing space. Helen Cixous, the famous French philosopher and literary critic calls it the *The Laugh of the Medusa*. Medusa's laughter stands for the laughter of women who would be triumphant

when they will express freely and loudly. Cixous views on women's writing and expresses her belief in its power to bring change in the lives of all women, the culture and history and the society at large. In the paper we explore the dimensions of women's writing and emancipation of women by exploring themselves and appreciating the space of empowerment.

Medusa, is a Greek mythological figure. It is believed that Medusa was the only mortal out of the most famous of monsters-Gorgons. Any one who looked directly at Medusa turned to stone. Medusa in greek world petrified everyone opposing her; similarly, today's Medusa can also laugh triumphantly as women must engage in writing for themselves and for other women. Women have been barred, diverted from expressing freely because of their bodies. But the same body, under the same laws, history, and culture can determine the future.

Professor Helen Cixous, a French poet, dramatist, philosopher, literary critic, rhetorician, and feminist author, wrote an essay titled "The Laugh of the Medusa". It was originally written in 1975, in French and was translated and released in English in 1975. Helena Cixous is considered as one of the three mother of the post structuralist feminist theory. The other two are Julia Kristeva and Lucy Irigaray. Since 1990 these three together have considerably influenced french feminism and feminist psychoanalysis. Cixous' writing was influenced by Freud, Lacan, Derrida and Arthur Rimbaud.

Discussion

The study focuses on women's writing and about impact of it on women and on the overall society. Cixous expresses her belief in its power to bring change in the lives of all women, the culture and history and the society at large. "The Laugh of the Medusa" stands for the laughter of women who would be triumphant when they will express freely and loudly – the desires of their body and mind.

Cixous writes as a woman toward women. She reminds them to be honest with themselves. She says, listen to what your bodies have to communicate, know your body, respect it, hear carefully its vibrations, its notes, its rhythm-synchronise all in a symphony. Women have to find their own voices, speak and write honestly what they want to. Women cannot ignore the vibrating chord within their body, rather they have to acknowledge it. Cixous (1976) promotes a radical feminist literary style that celebrates the body and the unconscious while rejecting patriarchal norms. She exhorts women to oppose and disrupt patriarchal power systems using words.

Cixous talks of "the infinite richness of women's constitutions", "their imaginary is inexhaustible", "their stream of phantasms is incredible". Every woman has her own universe that she has been covertly living since early childhood. Within their bodies are worlds of searching, that elaborate their knowledge. Their bodies are experimental fields where they are able to accurately interrogate their desires and passions. J. Kristeva (1980) makes the case that literature and the arts may provide a forum for delving into the complexity of human subjectivity and identity to investigate the connection between language and desire. She emphasizes how crucial it is to challenge conventional language and social standards.

Women must feel the urge to celebrate the functioning of their bodies. Women also have their natural flows, they must claim their desires, and freely express the unheard songs to the world. They are not demonic figures, there is no need to feel guilty about what they are. They must examine why they are so. There is need to create true text of women without being scared of the entire capitalist machinery that is patriarchal and anti women.

Men have divided women, have made them stand against each other and have constructed the infamous logic of anti love. Women see each other through men's perspective and interpret through their minds. Women are used by men to satisfy their imperialistic desires. This has lowered women's self image. It is imperative to understand that the new woman should be liberated from the old one. According to S.M. Gilbert and S. Gubar (1979), cultural conventions and expectations that consigned women authors to the home sphere often held them captive throughout the 19th century. They suggest the metaphor of the "madwoman in the attic" to represent the suppressed creativity and yearning of women. While attempting to understand the relationships between race, gender, and sexual orientation, A. Lorde (1984) makes the case for the value of valuing diversity.

I write to you from the depths of a solitude in which I have just recognized myself. I should not be the prey of this lie which is my fate. And yet I was shipwrecked in this abyss, I cannot touch the bottom, and I am drowning slowly (Cixous, 1976).

Cixous talk of breathing space for women. The body censored is like the breath censored. When women will speak freely, their substance will reach to every woman; thus strengthening the entire community of women. Men usually see women in terms of sex. Cixous sees women writing as a way to realise their individuality that will transform women, the history and culture. Now is the time to break away from the past, to forget it, to reshape it. Two things are to be done, one to destroy and the other to project. According to V. Woolf (1929), to produce work that represents their experiences and viewpoints, female authors need to be financially independent and have their own place. She emphasizes how crucial a nurturing atmosphere is for women's artistic expression.

Cixous strongly writes as a woman toward women. She reminds them to be honest with themselves. She says, find your own voices, speak and write honestly what you want to. This journey from 'silence to speech' has to be taken by every woman. According to E. Showalter (1985), a feminist method to literary criticism that may find and promote women's voices and opinions, women's work has often been neglected and excluded from the literature.

Cixous talks about the relationship of one woman to another, of all women to each other. The first music of the first voice of love passes on from mother to daughter and from one woman to another. This nectar within her; when expressed would be in white ink. Cixous implores women to write out of love of self, of culture and of life. So that today's persues may not behead Medusa and another Athena not fix the head on the shield.

Speech is the most natural phenomenon of any living entity. Birds, animals, insects, trees, plants, flowers or elements of Nature like Water, Air, Sky, Earth all have their speech-their expression. Speech is Life. To be speechless is like being

lifeless. Speech thus is as essential as breath. When the speech of a living entity is obstructed, controlled or suppressed it is like depriving that entity of life itself. So when women's voices are not heard it is a striking sign of suppression of their breath, their life. When women do not speak it is also a striking sign of lifelessness.

Women have innate qualities of creation. They are sensitive and compassionate to everything and everyone around them. Women tend to explain and express their concern, their feelings. They have been granted varied capabilities of expression. Women use these to speak, to express the true emotions of the heart, and experiences of the body and mind. They dance, they sing, they draw, they embroider, they make floor-paintings and wall-paintings, they decorate objects, they make clothes and accessories. They also write, they speak, they shout, they quarrel; but whatever women do to express themselves is one form or the other of their speech. This speech is honest and trustworthy.

What matters most in the social setup are their desires and wishes. They want to dismantle the structures of power and privilege – access to which is denied to them. Cixous inspires women to speak, and to breathe, and to live as strong figures. She also inspires them to be compassionate, the natural flow of which must reach from one woman to another and from one generation to another. Only then can women exist as living entities.

Cixous addresses the value of language and the need for a new vocabulary that incorporates the experiences of women. She argues that women need to take back the terminology that has been used against them and develop their own vocabulary that represents their goals and experiences. Cixous is a supporter of a language that frees women from patriarchal society's restrictions so they may speak honestly and freely.

L. Irigaray (1977) contends that women's bodies and experiences are often left out of philosophical discourse while criticising standard Western ideas of subjectivity. She stresses the need for a new vocabulary that can communicate women's subjectivity and the need of embracing diversity. She emphasizes the need of acknowledging and rejecting the patriarchal ideals that underlie these depictions in addition to recognising the possibilities of horror as a medium for feminist critique. G. Anzaldúa (1987), while advocating for a new *mestiza* consciousness that may welcome and enjoy hybridity, speaks to the challenges of balancing many identities and cultural practices and emphasising the need of dismantling current power systems and developing fresh means of expression.

L. Irigaray (1985) looks at how language and women's bodies are related, arguing that traditional philosophical and linguistic discourse has overlooked the reality of women. She highlights the need of recognising diversity and offers a fresh language that could better capture the subjectivity and experiences of women. In exploring the connections between feminism and psychoanalysis, S. Kofman (1985) makes the case that both might provide a forum for delving into the experiences and subjectivity of women. She criticises conventional psychoanalytic theories that fail to account for the experiences of women, and she suggests a feminism-based strategy that might upend patriarchal expectations and hierarchies.

As far as western and non-western women voices are concerned, on one hand, the propensity of western feminist studies to generalise women's experiences and disregard the particulars of non-western settings is criticised by C.T. Mohanty (1988). She advocates for a more intersectional strategy that acknowledges the variety of experiences that women have as well as the influence of colonialism and imperialism on feminism. While on the other hand, the western feminist rhetoric to talk for and about “subaltern” women without allowing them a voice is criticised by G.C. Spivak (1988) by asking for a more inclusive and intersectional feminist politics and says that the power systems that marginalise these women also make it difficult for them to be heard and respected.

These sources provide a variety of theoretical and artistic viewpoints on women's writing, emphasising the need of questioning society conventions and establishing safe places for women to express themselves. The writers promote a women centric approach to literature and criticism that may unearth and celebrate women's viewpoints and experiences. It is imperative that the society listens to and values women's voices.

From Cixous's renowned work, the idea of “The Laugh of the Medusa” as a representation of women's rebellious strength and creative potential develops. The additional references build on and contextualise this notion, highlighting how crucial it is to give women's writing a voice and to challenge patriarchal expectations and systems. These sources provide a wide variety of thoughts and viewpoints on women's writing, its difficulties, and the potential it brings. They provide an invaluable resource for anybody looking to learn more about the achievements made by women to literature and culture as well as to promote the freedom of speech for all women. According to L. Bell (1989), women's literature may question and disrupt present cultural standards while also creating a platform for women's voices to be heard. Important is to concentrate on the need of fostering an atmosphere that is supportive to women.

Conclusion

The need for women to reject the patriarchal systems that have silenced and oppressed them by writing about and reclaiming their own voices and experiences, is advocated by Cixous. The writing by women can be a source of strength and emancipation, and by writing about other women and themselves, women may carve out a place for their own originality and self-expression. Women must reclaim their voices, their roles and must advocate for a rewriting of power relations.

The inspiring essay “The Laugh of the Medusa” by Cixous urges women to embrace their identities, aspirations, and voices. She argues that women need to express themselves with writing and coin new vocabulary to explain their goals and experiences. It can be powerful for women to use their expressions and narratives to break free from the exploitative patriarchal social arrangements and imposed restrictions to create a new future for both themselves, and the society at large.

References

- Anzaldúa, G. (1987). *Borderlands/La Frontera: The new mestiza*. Aunt Lute Books.
- Bell, L. (1989). *The power of women's writing*. Women's Press.
- Cixous, H. (1976). The laugh of the Medusa (K. Cohen, P. Cohen, Trans.). *Signs*, 1(4), 875–893.
- Creed, B. (1993). *The monstrous-feminine: Film, feminism, psychoanalysis*. Routledge.
- Gilbert, S.M., & Gubar, S. (1979). *The madwoman in the Attic: The woman writer and the nineteenth-century literary imagination*. Yale University Press.
- Irigaray, L. (1977). *This sex which is not one*. Cornell University Press.
- Irigaray, L. (1985). *Speculum of the other woman*. Cornell University Press.
- Kofman, S. (1985). *Feminism and psychoanalysis: The daughter's seduction*. Columbia University Press. <https://doi.org/10.2307/3735356>
- Kristeva, J. (1980). *Desire in language: A semiotic approach to literature and art*. Columbia University Press.
- Lorde, A. (1984). *Sister outsider: Essays and speeches*. Crossing Press.
- Mohanty, C.T. (1988). Under Western eyes: Feminist scholarship and colonial discourses. *Feminist Review*, 30(1), 61–88. <https://doi.org/10.1057/fr.1988.42>
- Showalter, E. (1985). Feminist criticism in the wilderness. *Critical Inquiry*, 12(2), 243–270. Retrieved March 22, 2024, from <http://www.jstor.org/stable/1343159>
- Spivak, G.C. (1988). Can the subaltern speak? In C. Nelson & L. Grossberg (Eds.), *Marxism and the Interpretation of Culture* (pp. 271–313). University of Illinois Press.
- Woolf, V. (1929). *A room of one's own*. Harcourt Brace Jovanovich.

Bio notes:

Sushila Ojha, Retd. Head, Department of English, Government Maharani Sudarshana Girls College, Jaisalmer Rd, Amarsinghpura, Bikaner, 334001, Rajasthan, Republic of India. E-mail: sushila.ojha@gmail.com

Jaya Kritika Ojha, Assistant Professor, Department of Society Technology Interface, Central University of Rajasthan, Ajmer, 305817, Rajasthan, Republic of India. ORCID: 0000-0001-5124-3326. E-mail: jaya.kritika@curaj.ac.in

Сведения об авторах:

Оджа Сушила, экс-директор, департамент английского языка, Государственный женский колледж Махарани Сударшана, шоссе Джайсалмер, Амарсингхпура, Биканер, 334001, Раджастхан, Республика Индия. E-mail: sushila.ojha@gmail.com

Оджа Джаяя Критика, доцент, департамент взаимодействия с общественными технологиями, Центральный университет Раджастхана, Аджмер, 305817, Раджастхан, Республика Индия. ORCID: 0000-0001-5124-3326. E-mail: jaya.kritika@curaj.ac.in



DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-89-102
EDN: ERXCOT
UDC 82-9

Research article / Научная статья

Between fact and fiction: a detailed study of the ‘literary’ in investigative journalism with reference to Dan Morse’s “The Yoga Store Murder”

T.K. Kavya ✉, B. Monika Nair

SRM Institute of Science and Technology, Kattankulathur, Republic of India
✉ kavyathg@gmail.com

Abstract. Literature and journalism are two field of study that has been a never-ending discussion throughout the history. The two fields, regardless of being considered as separate entity, has its association in the course. This paper dwells into the two fields together, that is, on literary journalism and how literary journalism examines the blurring of boundaries between narrative writing and factual reporting through comparison of select works of narrative nonfiction. The text analysed is a novelistic piece, “The Yoga Store Murder” (2013) by Dan Morse. The study confronts the reluctance to acknowledge this form of reportage as authentic and reliable because its literariness is misconstrued as compromising the objectivity of the piece. The authors also examine how literary journalism fits within the rubric of both literature and journalism. The study addresses the following research questions: where do fact and fiction meet in literary journalistic narratives? how do we navigate questions of authenticity, reliability and journalistic integrity in narrative journalism? The questions will be attempted to be answered with a detailed analysis of a text of investigative journalism that is also nonfiction writing, though literary in nature.

Keywords: journalism, fiction, nonfiction, investigation, reporters

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 25, 2023; revised December 20, 2023; accepted January 6, 2024.

For citation: Kavya, T.K., & Nair, B.M. (2024). Between fact and fiction: A detailed study of the ‘literary’ in investigative journalism with reference to Dan Morse’s “The Yoga Store Murder”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 89–102. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-89-102>

Между фактом и вымыслом: подробное исследование «литературных» журналистских расследований со ссылкой на книгу Дэна Морса «Убийство в магазине йоги»

T.K. Кавья ✉, Б.М. Наир

Институт науки и технологий SRM, Каттанкулатур, Республика Индия
✉ kavyathg@gmail.com

Аннотация. Литература и журналистика – две научные области, которые на протяжении всей истории вызывали бесконечную дискуссию. Эти два поля, несмотря на то что они рассматриваются как отдельные объекты, ассоциируются друг с другом. В исследовании

© Kavya T.K., Nair B.M., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

довании рассматриваются обе области одновременно, а именно литературная журналистика и то, как она стирает границы между повествовательным письмом и фактическим сообщением, посредством сравнения избранных произведений научно-повествовательной литературы. Анализируется роман Дэна Морса «Убийство в магазине йоги» (2013). Отмечается нежелание общества признавать данную форму репортажа как аутентичную и надежную, поскольку его литературность ошибочно истолковывается как компрометирующая объективность материала. Изучается, как литературная журналистика вписывается в рамки литературы и журналистики. Ставятся следующие исследовательские вопросы: где встречаются факты и вымысел в литературно-журналистских повествованиях? как решать вопросы аутентичности, надежности и журналистской честности в повествовательной журналистике? Предпринята попытка ответить на эти вопросы с помощью подробного анализа текста журналистских расследований, которые представляют собой документальные произведения, хотя и литературные по своей природе.

Ключевые слова: литература, журналистика, художественная литература, документальная литература, репортеры

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 ноября 2023 г.; отрецензирована 20 декабря 2023 г.; принята к публикации 6 января 2024 г.

Для цитирования: Kavya T.K., Nair B.M. Between fact and fiction: a detailed study of the 'literary' in investigative journalism with reference to Dan Morse's "The Yoga Store Murder" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 89–102. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-89-102>

Introduction

We can't write the beautiful narrative stories that we all dream of unless we can get some things from the mouths of our sources. They must be comfortable enough to tell us anything. In journalism school, no one called the interactions between journalists and sources relationships, but that's what they are.

*Wilkerson, "Telling True Stories"*¹

We are familiar with journalistic narratives, but little do we about the process behind the creation of a journalistic piece. We take for granted the objectivity of journalistic narratives. However, an alternate mode of journalism, referred to as 'literary journalism'², challenges the centrality of an objective style of narration to journalistic reportage. What is it? How is it that literary journalists are able to give authentic information without resorting to an objective tone and style of narration? How literary journalism different from traditional or conventional jour-

¹ Research. (2021). In B. Wielechowski, *Introduction to Narrative Journalism*. UM-Dearborn Open Education. Retrieved November 25, 2023, from <https://oer.pressbooks.pub/narrativejournalism/chapter/chapter-2-research/>

² Athitakis, M. (2012, June 7). Critical views on literary journalism. *National Book Critics Circle*. Retrieved November 25, 2023, from <https://www.bookcritics.org/2012/06/07/critical-views-on-literary-journalism>; Keeble, R.L. (2018, July 30). Literary journalism. *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.836>; Myers, D.G. (2012, May 4). Literary journalism: What it is, what it is not. *Commentary Magazine*. Retrieved November 25, 2023, from <https://www.commentary.org/d-g-myers/literary-journalism/>

nalism? What is this style of subjective reportage that is popular among journalists and writers of fiction alike, even as early as the mid twentieth century as seen in the works of Gabriel García Márquez and Truman Capote?³

Literary journalism is acknowledged by a few more names, such as new journalism⁴, docufiction, immersion journalism, and narrative journalism. The term is also used interchangeably with creative nonfiction. The term ‘new journalism’ was coined by an English poet and cultural critic, Matthew Arnold, in 1887 which defined an entire genre of newspaper history. The term was later codified and popularized by author Thomas Wolfe, an American author in the 1960s and 1970s, in his anthology of journalism, *The New Journalism*⁵, and in several other articles published by the author. A piece of literary journalism unites elements of the genre of journalism and narrative literature. This genre intends to convey a factually accurate story, using carefully researched and gathered pieces of evidence from various reliable sources. ‘Literary journalism’ is a form of nonfiction that unites facts with narrative techniques and a stylistic approach traditionally aligned with fiction. Today, the literary journalistic style is adopted in narratives published across media, both digital and print.

Thomas B. Connery defines *literary journalism* as “nonfiction printed prose whose verifiable content is shaped and transformed into a story or sketch by use of narrative and rhetorical techniques generally associated with fiction.” Through these stories and sketches, authors make a statement or provide an interpretation about the people and culture depicted. Norman Sims adds to this definition by suggesting that the genre itself allows readers to “behold others’ lives, often set within far clearer contexts than we can bring to our own.” He suggests that “there is something intrinsically political and strongly democratic about literary journalism, something pluralistic, pro-individual, anti-cant, and anti-elite” (Sims, 2008). W.G. Nicholson says that New Journalism is an essential response to the television era, which threatened print journalism as well as fiction. Nicholson quotes Clay Felker, the editor of *New York Magazine*, saying, “We had to do something television could not do. It was not enough to give interpretation. We had to give style, too”.⁶ However, how did it all start?

Discussion

Historical background. According to Norman Sims, author of the seminal *The Literary Journalists* (1984): “I think you should look to the 1970s or 1980s in the US for the true start of literary journalism as a discipline. *The New Journa-*

³ Marquez’s “The Chronicle of a Death Foretold” (1981) and Capote’s “In Cold Blood” (1966).

⁴ *New journalism – criticism. Technology trends.* (n.d.). Retrieved November 25, 2023, from https://www.primidi.com/new_journalism/criticism

⁵ Wolfe and the new journalism. (n.d.). *Chicago Public Library.* Retrieved November 25, 2023, from <https://www.chipublib.org/wolfe-and-the-new-journalism/>

⁶ Feuerherd, P. (2018, September 28). How Truman Capote advanced the new journalism. *JSTOR Daily.* Retrieved November 25, 2023, from <https://daily.jstor.org/how-truman-capote-advanced-the-new-journalism/>

lism made such a splash that lots of journalism departments started teaching courses on the subject in the seventies (as they will in the future on ‘fake news,’ probably)” (Sims, 2008). Literary journalism owes its beginnings to the 16th century, with Michel Eyquem de Montaigne, popularly known as Lord of Montaigne, one of the most significant philosophers of the French Renaissance. He was the first one to popularize essays as a literary genre. His essays unified casual anecdotes and autobiography with intellectual insight. One of the finest art critics in the history of English Literature, William Hazlitt wrote about Montaigne in his essay, “On the periodical essayists.”

The style and spirit of Montaigne’s essays were echoed by Steele in his *The Tatler* publications in 1709, followed by Addison and Steele’s combined work *The Spectator* (1711). Both the journals focused on issues and concerns of the eighteenth century and the English public. Joseph Addison and Richard Steele’s publications functioned not only as a news reporting medium but also as an entertaining look into their period’s attitudes, tastes, and styles. *The avowed intention of The Tatler was to present accounts of gallantry, pleasure, entertainment, poetry, and of foreign and domestic news which were reported and issued from various London coffee houses and chocolate houses. Very soon, The Tatler digressed from its intentions and began investigating manners of the society, establishing its principles of ideal behaviour in terms of a perfect gentleman and gentlewoman, and its standards of good taste. Duelling, gambling, rakish behaviour, and coquettishness were criticized, and virtuous action was admired. The periodicals had an explicit Whig⁷ allegiance and were several times drawn into political controversy.*

After Steele and Addison, Benjamin Franklin incorporates this style in the *New England Courant* (1721), published by the Franklin brothers. Unlike other newspapers and journals, they published essays that were attributed to various men of eminence in the colony and were independent in their own tone and offered a more critical account of the government and contemporary public figures. William Hazlitt is another proponent of early iterations of this style of journalism. He was a part of various publications, including *The Champion*, *The Examiner*, and *The Edinburgh Review*. Hazlitt introduced the ‘familiar’ essay, a style that adopted a subjective perspective and a conversational tone to discuss human experiences. His writing style was simple, colloquial, insightful without any literary pretension, brief, abrupt, vigorous, forceful, direct, ‘fake news,’ probably with frequent uses of figures of speech to emphasize his point of view.

One of the most evident roots of literary journalism can be traced back to the late 19th century during the American post-civil war period. Journalists like Lincoln Steffens, the first police reporter from *The Muckraker* newspaper, chal-

⁷ A political faction and then a political party in the Parliaments of England, Scotland, Ireland, Great Britain, and the United Kingdom. Between the 1680s and the 1850s, the Whigs contested power with their rivals, the Tories. The Whigs merged into the Liberal Party with the Peelites and Radicals in the 1850s. Many Whigs left the Liberal Party in 1886 to form the Liberal Unionist Party, which merged into the Conservative Party in 1912.

lenged the traditional understanding of journalism – that reporters were only supposed to write the ‘objective truth.’ Steffens believed that there was a story in each case and that once a reporter finds what has happened, he can write a novel for himself and a short story for the newspaper. He did something which was never done before and was influential in modern news outlets’ incorporation of a literary journalistic style to report events innovatively and appealingly. Many writers seriously took Steffens’s advice seriously, including Joseph Pulitzer, who popularized this style further. Pulitzer exposed political corruption and crusading investigative reporting with publicity stunts, blatant self-advertising, and sensational journalism. He made newspapers a source of entertainment and information by including comics, women’s fashion coverage, and sports column. He made such a massive contribution to journalism that the Pulitzer prizes were established after his death and bear his name.

Clay S. Felker, who is known as the father of the new journalism movement, made a massive contribution to literary journalism. He was a pioneering editor who founded *New York Magazine* and helped launch the new journalism of the 1960s. During the earlier stages, the magazine was published exclusively on Sundays and soon became “the hippest Sunday reading in town,” as Newsweek put it. He was known for introducing a large number of journalists into the profession, including the well-known Tom Wolfe, Truman Capote, and Gay Talese. *The New York Times* addressed this tremendous change, observing that “few journalists have left a more enduring imprint on late 20th-century journalism – an imprint that was unabashedly mimicked even as it was being mocked – than Clay Felker” (*The New York Times*, 1955). Felker’s idea on journalism has helped create the notion of the writer as a star. He gave his writers the liberty to roam around the city to collect news and write them from a subjective point of view. The magazines had in-depth articles on politics, crime, and finance with a little information on shopping, restaurants, reviews, and listings that made *New York Magazine*, in the founder’s words, “a guide on how to live in this city”.⁸

When this new style of reporting had permeated mainstream news reportage in the 1950s, it was time again for a change once again. One of the first nonfiction investigative novels was written and published in Spain by Rodolfo Walsh, titled *Operación Masacre* (1957)⁹.

Towards an emotional bond. The investigative novel trend grabbed public interest, which resulted in a few more publications of similar genre, such as Truman Capote’s *In Cold Blood* in 1966, a book that is credited as the first significant nonfiction novel in English, and Tom Wolfe’s *The Electric Kool-Aid Acid Test* in 1968, which is an example of the new journalism literary style. Capote exercises

⁸ Schudel, M. (n.d.). *Clay Felker*. Oral Cancer Foundation. Retrieved November 25, 2023, from <https://oralcancerfoundation.org/people/arts-entertainment/clay-felker/>

⁹ Walsh assumed a false identity to collect evidence regarding the murder that the text is all about. *Operación Masacre* was regarded as a police novel for the poor. Walsh provides portraits of the victims, reconstructs the events, and shares testimonies of officials, and victims whom he has investigated as a journalist and also as a writer. *Operación Masacre* by Rodolfo Walsh. (n.d.). *Goodreads*. Retrieved November 25, 2023, from https://www.goodreads.com/es/book/show/1207644.Operaci_n_Masacre

the manner of new journalism in his account of the Kansas murders, using first-person descriptions to connect the murdered family and their killers. When in the first-person narrative¹⁰, the readers can know the true feeling of everyone within the text where they create an emotional bond with the writing. Capote declared that his technique was closer to reality than the more traditional crime reporting form. This style, takes the dispassionate journalistic witness out of the story and replaces him with a reporter immersed in the story. Capote humanised his subjects, including the leading crime investigator, the family, and, most controversially, the killers. Though Capote is credited with popularizing this new form of journalism, the origins of style is indebted to the works of Daniel Defoe, from the eighteenth century, and several American writers from the nineteenth century¹¹.

A manifesto for this new type of journalism was published by Tom Wolfe and E.W. Johnson in 1973, *The New Journalism*. This anthology had a collection of examples of new journalism, and these examples were those that were not found in the newspaper but were typical examples, that could be found only in a literary piece. They were not the traditional journalism by traditional journalists, but those were written by literary journalists, overlaying a variety of issues from the frivolous to the deadly serious. Wolfe remarks that: “New journalism was the term that caught on eventually... At the time... one was aware only that all of a sudden, there was some sort of artistic excitement in journalism, and that was a new thing in itself” (Wolfe, Johnson, 1996). Wolfe alludes to the new genre as journalism that reads “like a novel” because it makes use of the four techniques used by novelists, that is, setting the story in specific scenes instead of in dislocated “historical” trends, extensive use of realistic dialogue, point-of-view narration from the perspective of characters, and an eye for every day “status” details that reveal the characters’ social reality.

The nonfiction investigative writers stood out as literary journalists and attracted a broad audience because of their unique experimental writing style. They emphasised the literary devices and techniques in their investigative literary pieces. Literary or narrative journalism is not merely telling stories to the readers; it is a complex genre with multiple layers of contexts, truth, twists and turns. When handled well by the writers, facts become essential and compelling elements for the readers. It all depends on the journalist and their writing ability. A literary journalistic piece, just like traditional journalistic pieces, focuses on accuracy and truth, and covers authentic and well-researched events. However, it does so by literary journalism by appealing to human emotions, making sure that it conveys a personal story behind a public one. A narrative journalist ensures that piece has a detailed plot¹² that comprises a rising action, falling action, exposition, con-

¹⁰ Reilly, S. (2021, March 2). The advantages and disadvantages of first-person perspective: Essays. Retrieved November 25, 2023, from <https://sebreilly.com/essays/the-advantages-and-disadvantages-of-first-person-perspective/>

¹¹ Such as John Steinbeck, Mark Twain, and Ernest Hemingway during World War II.

¹² *Aristotelian concept of plot*. (n.d.). Retrieved November 25, 2023, from <https://www.bachelorandmaster.com/criticaltheories/aristotelian-concept-of-plot.html#.YlkTfYtBxaQ>; The traditional plot structure. (n.d.). *Super Summary*. Retrieved November 25, 2023, from <https://www.supersummary.com/plot/>; Plot: Importance, elements, and construction: Aristotle. (2020,

flict, climax and resolution. One of the most critical aspects of a literary journal is the point of view¹³; the point of view or perspective is a crucial factor in deciding whether to convey the truth subjectively or objectively.

Extant research on narrative journalism has mostly been related to its generic features and its migration from the newsroom to online forums through videos, slideshows, illustrations, and the changed process of newsgathering for these online narratives. Extant scholarship has attempted to arrive at a definition for the term ‘narrative journalism’ and its specific generic attributes. Research on narrative journalism examines the gaps between the narrative journalism from the knowledge that regular reading audiences possess. The narrative journalism in the minds of the common audience cannot be the true definition of narrative journalism, there are differences between the already known meaning and the real meaning. The reading audiences are more closely in touch with the narrative journalism and its form and style. There is also an investigation about the scientific literature, especially between 1998 and 2017, which resulted in the publication of almost more than a hundred journal articles on narrative journalism. Critical discourse on journalism today also anticipates the future of narrative journalism. The difference between fake news and narrative journalism is also a widely discussed topic by scholars, along with a redefinition of the terms, where fake news has taken liberties with the truth and has been taking liberties with the truth, and the narratives take liberties with the style and format than the truth present. “We live in a culture of blur and hybrids,” says Mark Lawson (Keeble, 2018). There is a blurring of boundaries between fact and fiction when it comes to literary or narrative journalism.

When truth is stranger than fiction. On the floor, Ryan saw scattered bloodstains, which grew more concentrated as he advanced to a back corner, near a five-foot chalkboard inscribed with coloured chalk: “May each of us equally enjoy happiness and the root of happiness.” He noticed even more blood at the base of a purple door, as if it had seeped from the other side. He gently pushed the purple door. It stopped, hitting the side of a body (Morse, 2013).

Though it reads like a work of fiction, the above excerpt is from a nonfiction investigative novel by Dan Morse, *The Yoga Store Murder: The Shocking True Account of the Lululemon Athletica Killing*¹⁴. This novel is often considered a fine piece of a literary journalism, a work of true crime. *The Yoga Store Murder*, published in 2013, details a murder that happened on 12 March 2011 inside a Lululemon

March 7). *School of Literature*. Retrieved November 25, 2023, from <https://www.msmsol.com/2020/03/plot-importance-elements-and.html>

¹³ Cadman, B. (2018, April 30). The importance of the point of view. *Writer's Life*. Retrieved November 25, 2023, from <https://writerslife.org/importance-point-view/>

¹⁴ Augenstein, N. (2013, June 19). New book: Lululemon murderer was likely a prostitute. *WTOP News*. Retrieved November 25, 2023, from <https://wtop.com/news/2013/06/new-book-lululemon-murderer-was-likely-a-prostitute/>; Stashower, D. (2013, November 29.). The Yoga Store Murder: The shocking true account of the Lululemon Athletica killing by Dan Morse. *The Washington Post*. Retrieved November 25, 2023, from https://www.washingtonpost.com/opinions/the-yoga-store-murder-the-shocking-true-account-of-the-lululemon-athletica-killing-by-dan-morse/2013/11/29/36493e46-51fc-11e3-a7f0-b790929232e1_story.html

Athletica retail store in Bethesda, Maryland, in one of the nation's wealthiest suburbs. The incident shook the whole country with the murder of a thirty-year-old woman who was stabbed over 331 times with six different weapons, the rape of a twenty-eight-year-old co-worker, and the six-day trial that followed¹⁵. The writer spoke to more than 150 people to collect the data to produce this work of investigative crime.

The Yoga Store Murder details the murder of Jayna Murray by her co-worker Brittany Norwood as Jayna saw Brittany steal a pair of leggings from the store. There were 331 wounds on Jayna's body, out of which 105 were defensive wounds, and Jayna was alive for most of them. She had six blunt wounds to her head and another blunt wound that crushed her skull. The injuries to her skull caused bruises to the inner part due to a tremendous force. A fracture broke Jayna's skull, and her spine was severed by a knife wound that went through her neck to her brain, and eventually caused her death. She had wounds in various parts of her body, such as on her shoulder, to the lower back, and two to the back of the head; she was also strangled, her head was cracked with a one-foot metal bar that was part of the cargo rack. The prosecution believes Jayna was assaulted for twenty minutes, and most of her injuries were inflicted when alive. Dan Morse records such a brutal murder in the text and recreates the incidents before the murder, after the murder, the investigation from various ends, characters, and scenes, and also the trial period.

Sectional fusion and the eye of a narrative. *The Yoga Store Murder* has the structure of a novel with four sections and several chapters under each section. The chapters act as a bridge between each incident that has took place in different places at different time. The transition between the sections and chapters would help the readers to understand and digest the information in the transition process, and it gives space and pause for the readers to absorb it as a whole.

The four sections in *The Yoga Store Murder* serve different purposes: the first section, *Bethesda* reveals the discovery of the crime; the second section, *Brittany and Jayna*, gives an overview of the lives of the two girls, the two leads of this true-crime narrative; the third section, *Zeroing In*, is about unveiling the crime and joining the dots; and the last section, *Why?* concludes the narrative satisfactorily, the incident and its aftermath. Morse has divided the sections in such a way that it coheres as a narrative and progresses with a certain momentum.

¹⁵ Lululemon Murder. (2022, March 7). *Forensic Tales*. Retrieved November 25, 2023, from <https://forensictales.com/lululemon-murder/>; *Woman says she was Brittany Norwood's cellmate*. (n.d.) *Bethesda News*. Retrieved November 25, 2023, from <http://bethesda.wusa9.com/news/news/woman-says-she-was-brittany-norwoods-cellmate/55264>; Blanco, J.I. (n.d.). Brittany Norwood. *Murderpedia, the Encyclopedia of Murderers*. Retrieved November 25, 2023, from <https://murderpedia.org/female.N/n/norwood-brittany.htm>; Heim, B. (2021, June 8). Lululemon: The horrifying murders over a pair of leggings. *Film Daily*. Retrieved November 25, 2023, from <https://filmdaily.co/obsessions/true-crime/lululemon-murder/>; Brittany Norwood: The woman behind the Jayna Murray Murder. (2021, October 14). *Your Daily Hunt*. Retrieved November 25, 2023, from <https://www.yourdailyhunt.com/brittany-norwood-the-woman-behind-the-jayna-murray-murder/>

The Yoga Store Murder has very closely followed the structure of a novel which gives a perfect impression of a literary work. The build-up over four sections highlights the absolute horror of the crime. “The term ‘novel’ is now applied to a great variety of writings that have in common only the attribute of being extended works of fiction written in prose” (Abrams, 1999). One of the characteristic features of a novelistic narratives is narrative perspective. The narration of any text depends on the voice that relays the narrative. This narrative voice mediates between the reader and the text, and is referred to alternately as the point of view or the eye of a narrative. “Point of view signifies the way a story gets told – the mode (or modes) established by an author by means of which the reader is presented with the characters, dialogue, actions, setting, and events that constitute the narrative in a work of fiction” (Abrams, Harpham, 1999). There are numerous ways to present a viewpoint in a narrative; but this perspective is particularly relevant in relaying a true event. In the text, for instance, Morse is expected to relay the events as they happened from an objective point of view, uninfluenced by personal biases and opinions. It is thus essential to ask the question ‘who is telling the story?’ Here we see that the narrative is relayed from multiple perspectives. The writer did not only focus on Jayna Murray, the one who was murdered, or Brittany Norwood, the one who was raped, or Jim Drewry or Dimitry Ruvin, the detectives; but also, on the point of views of the employee of the adjacent store and a customer who was in an Apple store next to the yoga store. Like Capote in *In Cold Blood*, Morse relays not merely the events but also describes the thoughts of the “characters” involved:

Now, though, she looked to her right and listened. The sounds were high-pitched yelps and squeals, and low-pitched grunts, thuds, a dragging noise, as if something heavy was being moved. Jana thought they might be coming from a room near the back exit or a room upstairs, where technicians were still on duty (Morse, 2013).

The above excerpt is from one of the minor characters’ perspectives, Jana Svrzo, the employee in the adjacent building of the yoga store; she does not appear as frequently as the others and is of marginal significance to the unfolding of the narrative, and yet, the writer begins the narrative from her point of view, inching closer to the scene of the crime as the narrative unfolds by progressively relaying the perspective of characters who were in close proximity to the incident:

The two walked in. Ahead of them was a long narrow space with wooden floors and high ceilings. Ryan had never been inside a Lululemon shop. He thought it looked kind of like a Gap, with lots of low racks and tables full of bright-colored clothes. He walked to the back as Rachel waited up front. “Anybody here?” Ryan called out. “Anybody here?” No response (Morse, 2013).

The passage mentioned above is from a passer-by’s point of view, twenty-six-year-old Ryan Haugh, who came to a nearby Apple store to buy an iPad 2. Haugh also appears only once in the text, unaware that he is at the scene of a crime. This technique employed by Morse – progressing from peripheral perspectives to central ones in a bid to build suspense – aids in piquing readerly interest in a nar-

rative that is already familiar to the readers via conventional news coverage of the incident. How does one sustain readerly interest in an incident that has played out in the public imagination? Morse finds the answer to the question through the deft deployment of perspectival shift to multiple subjective experiences of the fateful evening at the Lululemon Athletica:

Now, as Ruvin stood behind the cash registers, he spotted a supply of bright red reusable shopping bags displayed so customers could see them. The bags showed the silhouette of a woman in a yoga pose and were covered with all kinds of sayings (Morse, 2013).

Brittany was wheeled into room 12, a private area in the emergency when a detective named Deana Mackie walked in, she saw Brittany on her back, her face still caked in blood – the way it would stay until it could be swabbed for clues (Morse, 2013).

A patrolman found Jayna’s car, a silver Pontiac, parked about three blocks from the yoga store in a lot behind the farmers that seemed a little strange. If Jayna had driven back around 10:00 P.M., wouldn’t she have been able to get a closer spot? (Morse, 2013).

The three excerpts mentioned above are from the perspective of three detectives who were working on the case since the reporting of the crime. He intersperses these subjective observations with the objective, third-person perspective that is usually adopted in journalistic writing:

To the Norwoods, judge Robert Greenberg had forcefully declared that Brittany was in full command of her faculties, and had not been in some kind of psychotic daze after spending all night in the middle of a bloody crime scene that made her incapable of being herself. Nor had any evidence been presented supporting Brittany’s claims about masked attackers. In fact, her own attorneys had argued that the story was such nonsense that detectives should have seen through it immediately (Morse, 2013).

Alternating first-person witness reports with the presentation of verifiable third-person accounts of observations by legal and judicial figures in the narrative, Morse strikes a fine balance between eliciting interest and building confidence in his readers. The narrative progresses without revealing the true murderer. Morse has cleverly written his piece of work where he has revealed the killer only in the climax.

With these multiple points of view, the writer ensures transparency while also depicting the people involved in the actual incident as relatable characters. The narrative perspective also covers those who were not directly involved but were thought to be involved in the crime. The different perspectives give the liberty to the readers to play the detective in piecing the narrative together. Moreover, the different perspectives present a rounded account of the incident and its aftermath. The readers begin reading unsuspectingly, but the narrative gradually forces them to start questioning everything. Additionally, descriptions and details play a vital role in this text. Description in narrative writing aids in getting the readers involved. Crafting the details of the story is a technique that many writers try and work hard to excel in. As Chekhov remarks, it is better not tell him that the moon

is shining, but to show him the glint of light on broken glass (Donnelly, Chekhov, 2013). Details of a piece will help the readers experience the text rather than merely reading it. Details bring every aspect of a narrative to life: the characters, the setting, the plot, etc. A writer will be able to show things to the readers when he involves every single detail, including the smell, taste, touch, sound, sight, the warmth in the atmosphere, and the list goes on. Morse has wisely used all these elements in his writing, to re-enact the murder for the readers instead of merely informing and reporting. He also includes notes from the crime scene investigation, the autopsy report, the testimony of witnesses who heard Jayna's screams, etc.

The Yoga Store Murder also shows unity of action: a beginning, a middle, and an end. “A whole is that which has a beginning, a middle, and an end” (Butcher, 2008, p. 10). *The Yoga Store Murder* gives a sense of completeness. The text has all the five stages of a plot suggested by Gustav Freytag- exposition, rising action, climax, falling action, and conclusion, that is, the opening hook, character sketches, plot highlights, core conflicts, and the end.

Truth over news. Several news channels and newspapers reported the incident of this yoga store murder, but those form of media was different from the one that Dan Morse wrote. How is it different? The news channels and papers merely reported the incident, clearly identifying Brittany Norwood as the murderer. In his narrative, Morse did not openly accuse anyone; he merely presents evidence and first-person testimonies to the readers. Just the titles conventional news articles on the issue illustrate this: for instance, Graham Smith’s article titled “331 wounds inflicted with six different weapons: Yoga store worker found guilty of bludgeoning colleague to death,” published in 2011. The section below is taken from an article by Stewart J. Lawrence, published on 9 November 2011 (*HuffPost*), under the title “Murder At Lululemon: Yoga's ‘Heart Of Darkness’?”:

Last week's guilty verdict in the trial of 28-year-old Brittany Norwood – accused of first-degree murder in the grisly slaying of her 30-year old co-worker Jayna Murray – has brought to a close – for now, at least – the latest ugly chapter in the history of Lululemon, the posh yoga apparel company whose suburban outlet on the outskirts of Washington, DC was the setting for a killing that seasoned homicide detectives have described as one of the worst they've ever seen. It would be tempting to dismiss the savage murder – Norwood stabbed and bludgeoned Murray an estimated 330 times over the course of 20 minutes, severing her spinal cord – as a bizarre and random event. That's surely what the Canadian-based Lululemon, which seems to have nine lives when it comes to recurring scandal and controversy, is hoping for. But for the American yoga community, which extols the virtues of peace and non-violence, the killing raises deeply disturbing issues. How could two female ‘yogis’ – the Sanskrit word for devotees of the ancient Hindu practice – arrive at a place where lethal force became an ‘option’? And what kind of workplace environment would fuel, or at least fail to ameliorate, such a dispute?¹⁶

¹⁶ Lawrence, S.J. (2011, November 9). Murder at Lululemon: Yoga's ‘Heart of Darkness’? *HuffPost*. Retrieved November 25, 2023, from https://www.huffpost.com/entry/when-yogis-kill-the-grisl_b_1077457

We can juxtapose the style of this article with Morse's narrative and observe that stark difference in its direct style and objective tone. Morse, instead of reporting the incidents blankly, ensures that the readers are emotionally invested in the narrative. With his subjective writing, the readers are encouraged to imaginatively reconstruct the scene of the crime. Morse's text paves the way for them to actively engage and connect with the narrative instead of merely reporting event and giving information objectively. Journalism is at its best when facts are relayed in an engaging manner. Morse text achieves this difficult balance deftly, as affirmed by Harold Schechter in his review:

A true-crime tour de force, with all of the features that make a whodunit great: a suspenseful, intricately constructed plot; a taut prose style that wastes no words; memorable characters brought to vivid life in a few deft strokes; and of course, a dogged murder investigation that leads to a stunning revelation (Morse, 2013).

Conclusion

In the new journalism, the eye of the beholder is all – or almost all, says Robert Stein. Literary journalism is a combination of narrative literature and factual reporting. There has been a lot of criticism against this form mainly because its literariness is misconstrued as compromising the objectivity of the piece.

The major problem with literary journalism that the critics consider is the threat to objectivity posed by questions of reliability and authenticity, and the narrative liberties taken by the writer. What if the writer of literary journalism takes too much liberty with the fictionalization of facts? The boundaries tend to be crossed when the writer tries to give too much literary essence to a nonfiction text. When nonfiction takes too much liberty than it should take and unbelievably exaggerates information, the nonfiction text no more looks like a nonfiction text but makes readers assume it is fiction. If the writer does not want to make it too literary and maintain the nonfiction qualities, then the writer may end up in mere reporting, which is no different from journalism's purpose. The writers should be conscious of not making it a report and not making a fictional narrative. The boundaries between fiction and nonfiction are fragile. Only experienced writers can maintain the boundaries.

There are audiences who prefer literary journalism, especially readers. Literary journalism is preferred for its trust and information. There is an assumption among this generation that truth is almost not considered and not given importance, and most people find pleasure in unreal things; fiction would be a perfect example of unreal, magical scenes. Literary journalism presents the real happenings in a presentable way. The real happenings are not simple happenings but the ones that are difficult to believe happened. Reality is presented with a taste of fiction and wonder. Literary journalism usually delivers information that happened in an unrealistic way or in a way that no one would believe. The theme that literary journalism focuses on is an investigative crime, and true crimes are underrated. People do not know to what extent a crime could be cruel and violent; when the violence and brutality are presented in a written form through written text,

it becomes a different experience for the readers. The readers involve themselves with the text the most. More than reading and getting informed, they get themselves killed, injured, and hurt in the process of reading.

There have been predictions that newspapers are nearing their end even though the print newspapers are very much active around us. The threat to the newspaper made people come up with literary journalism. A particular group of people accept the upgraded form; in Claire Armitstead's¹⁷ words, “people who have visions or visionary people look at the brighter and upgraded version rather than sticking to the previous ones.” In the postmodern world, what is not possible. Everything is an art as long as it pleases the audience and gives pleasure.

Questions should be posed differently. Instead of asking where the boundaries are getting blurred, the focus should be on what this mutation of the form of factual reporting says about the limitations of objective reportage and the possibilities presented by an amalgamation of styles borrowed from news reporting and narrative writing. In the near future, scholars should see literary journalism as a part of journalism as well as a part of literature. There can be a taste of literature and vice versa. “Newspapers that stress their storytelling function”, Broersma argues, “tend to use an emotionally involving style, often characterised as sensationalism, that aims to appeal to the emotions of their readers” (Broersma, 2017, p. xvi).

References

- Abrams, M.H. (1999). *A glossary of literary terms*. Thomson/Wadsworth (Thomson Higher Education).
- Abrams, M.H., & Harpham, G.G. (2015). *A glossary of literary terms*. Cengage Learning.
- Broersma, M. (2007). Form, style and journalistic strategies: An introduction. *Form and Style in Journalism. European Newspapers and the Representation of News, 1880–2005* (pp. ix–xxix). Leuven, Paris, Dudley.
- Butcher, S.H. (2008). *Poetics: By Aristotle*. Gutenberg.
- Daniels, J., McLaughlin, C., Pearce, G., Steyerl, H., Zimmerman, A.L., Dinant, A.-S., Jewesbury, D., Kossoff, A., Schleser, M., Greene, L., Norouzi, M., Pennell, M., Ellis, J., & Mangolte, B. (2013). *Truth, dare or promise: Art and documentary revisited*. Cambridge Scholars Publishing.
- Donnelly, J., & Chekhov, A.P. (2013). *The seagull*. Faber & Faber.
- Fahy, T. (2014). *Understanding Truman Capote*. University of South Carolina Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv6wgmbv>; <https://www.jstor.org/stable/pdf/j.ctv6wgmbv.1.pdf>
- Keeble, R.L. (2018). Literary journalism as a discipline: Tom Wolfe and beyond. *Brazilian Journalism Research*, 14(3), 862–881. <https://doi.org/10.25200/BJR.v14n3.2018.1126>
- Morse, D. (2013). *The yoga store murder: The shocking true account of the Lululemon Athletica killing*. Berkley Books.
- Sims, N. (2008). *Literary journalism in the twentieth century*. Northwestern University Press.
- Sims, N. (2008). *True stories: A century of literary journalism*. Northwestern University Press.
- Wilkerson, I. (2010). *The warmth of other suns: The epic story of America's great migration*. Random House.
- Wolfe, T., & Johnson, E.W. (1996). *The new journalism*. Picador.

¹⁷ Associate Editor, Culture, at *The Guardian*.

Bio notes:

T.K. Kavya, research scholar, Department of English and Foreign Languages, College of Engineering & Technology, SRM Institute of Science and Technology, Kattankulathur, Chengalpattu, 603203, Republic of India. E-mail: kavyathg@gmail.com

B. Monika Nair, Doctor, Assistant Professor, Department of English and Foreign Languages, College of Engineering & Technology, SRM Institute of Science and Technology, Kattankulathur, Chengalpattu, 603203, Republic of India. E-mail: monikanb@srmist.edu.in

Сведения об авторах:

Кавья Т.К., научный сотрудник, кафедры английского и иностранных языков, инженерно-технологический колледж, Институт науки и технологий SRM, Республика Индия, 603203, Ченгалпатту, Каттанкулатур. E-mail: kavyathg@gmail.com

Наир Моника Б., доцент кафедры английского и иностранных языков, инженерно-технологический колледж, Институт науки и технологий SRM, Республика Индия, 603203, Ченгалпатту, Каттанкулатур. E-mail: monikanb@srmist.edu.in



ЖУРНАЛИСТИКА
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ
JOURNALISM
HISTORY AND THEORY OF MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-103-113

EDN: FORQJO

UDC 070.1.82-1/-9

Research article / Научная статья

The narrative in literary journalism

Nataliya Panasenکو¹  , Ida Petrovičová² 

¹*University of SS Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic*

²*Corvinus University of Budapest, Budapest, Hungary*

 lartispanasenکو@gmail.com

Abstract. Literary journalism offers a way to convey the truth of real-life events and issues in a more engaging and emotionally impactful manner than traditional news reporting. It bridges the gap between storytelling and journalism, appealing to audiences who seek both the depth of factual reporting and the immersive experience of narrative storytelling. Like any other type of journalism, it has its own features, to which belong immersion, text specific structure, accuracy in presenting content, voice or personal perspective. The purpose of the study is to consider one of storytelling's techniques, narrative, which covers the plot of the story, its characters, setting, topics and the author's point of view. The research is based on the analysis of the essays, opinions and reportages as typical examples of narratives in literary journalism. Contextual analysis of political narrative and social-psychological narrative, which are often found in analytical or rational journalism, aims at extracting information of social, political, historical, and culture-specific character. Stylistic analysis of the considered texts gave us possibility to visualize the examples of emotively charged words and stylistic devices. Qualitative content analysis shows that most vividly narrative communication is seen in such journalistic messages, as an essay, opinion, and reportage. Each narrative has a purpose, which dictates the narrative techniques.

Keywords: journalistic genres, narrative techniques, essay, opinion and comments, reportage

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 17, 2023; revised December 2, 2023; accepted December 28, 2023.

© Panasenکو N., Petrovičová I., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>


For citation: Panasenko, N., & Petrovičová, I. (2024). The narrative in literary journalism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 103–113. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-103-113>

Нарратив в литературной журналистике

Н. Панасенко¹  , И. Петровичова² 

¹Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словацкая Республика

²Будапештский университет имени Матвея Корвина, Будапешт, Венгрия

 lartispanasenko@gmail.com

Аннотация. Литературная журналистика предлагает способ донесения информации о реальных событиях и проблемах более увлекательным и эмоционально эффективным способом, чем традиционные новостные жанры. Она соединяет разрыв между литературным повествованием и журналистикой, привлекая аудиторию, которая ищет как глубину освещения фактов, так и захватывающий нарратив. Литературная журналистика имеет свои особенности, к которым относятся иммерсивное погружение, специфическая структура текста, точность в подаче контента, личная интонация. Цель исследования – выявить медийные жанры, в которых наиболее ярко проявляется повествовательная коммуникация. В контексте журналистского творчества изучен феномен нарратива: повествование, сюжет истории, персонажи, пространство событий, темы и точка зрения рассказчика. Метод контекстуального анализа текстов применялся для извлечения информации политического, социального, исторического и культурологического характера. Стилистический анализ дал возможность визуализировать примеры с эмоционально окрашенными словами и стилистическими средствами. Метод качественного (квалитативного) контент-анализа позволил сделать вывод о том, что эссе, комментарии и репортажи являются типичными примерами журналистских жанров, в которых наиболее ярко проявляется повествовательная коммуникация. При этом отмечено, что цель нарратива диктует техники повествования.

Ключевые слова: жанры журналистики, техника повествования, эссе, мнение и комментарии, репортаж

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 17 ноября 2023 г.; отрецензирована 2 декабря 2023 г.; принята к публикации 28 декабря 2023 г.

Для цитирования: *Panasenko N., Petrovičová I. The narrative in literary journalism // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 103–113. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-103-113>*

Introduction

Literary journalism, also known as narrative journalism or literary nonfiction, is a style of journalism that combines factual reporting with narrative storytelling techniques often found in literature. This form of journalism aims to present real-life events, people and issues in a compelling, narrative-driven manner, emphasizing storytelling elements to engage and inform readers. Nonfiction writers or journalists ought to choose the most suitable writing techniques to create a compelling narrative for a story that can leave an impression on the reader for further contemplation.

Journalistic messages are typically expected to be objective, impartial, and based on factual information. The primary goal of journalism is to provide the public with accurate and unbiased information, allowing individuals to form their own opinions.

Narrative in media refers to the storytelling techniques and structures used to convey a particular message, theme, or information through various forms of media, such as literature, film, television, video games, and even news reporting. It involves the arrangement of events, characters, and the overall plot to engage the audience and deliver a cohesive and meaningful story.

We claim that most popular journalistic messages containing narrative combined with expressing a journalist's point of view are the essay, opinion, and reportage, and a detailed analysis of some examples of these is presented below.

Methods of research

Our research deals with the examination of journalistic texts in which traces of literary technique can be seen. We use content analysis, which is widely used in the theory of communication and social sciences. The two main types of content analysis include quantitative and qualitative analyses. The former is determined by systematically gathering quantifiable data with an expectation to gain universally unambiguous and objective results (Panassenko, Greguš, 2022). We apply qualitative content analysis to consider the texts from a broader perspective, taking into consideration aspects like context (internal, external), structure, narrative, semiotics, discourse, rhetoric, and conversation.

Semantic analysis makes it possible to decipher and find out what meanings and references the media texts convey by taking into consideration both denotative, i.e. primary meaning and connotative meanings that depend on cultural traditions, and subjective evaluations of words.

Narrative analysis displays how different textual and grammatical units are related to one another and how shifts in the sequence of representation of a particular story may influence the ultimate meaning and interpretation of texts.

Literary journalism and its features

Scholars claim that there are various types of journalism: analytical and emotional (Panassenko, 2016), scientific (Vrabec, Pieš, 2023), online journalism, which can include many types (Višňovský, Radošinská, 2017), and literary (Sims, 1984), which is the object of our research.

Literary journalism is a form of factual journalistic writing, which implements the creative elements of literature such as character and scene description and dialogue, along with figurative language that enhances reading experience. It is still not recognised as an academic discipline, however, its impact on the journalistic entity cannot be questioned. A great amount of effort is put into the research of this new field by scholars of both literary theory and mass communication.

The first attempt to epitomize the purpose, principles and general characteristics of literary journalism was made by Wolfe in his 1973 essay, which appeared in an anthology of reports called "The New Journalism". His work served as the foundation for a hybrid genre that combines literature and standard journalism.

Sims produced a more thorough description of literary journalism and identified its characteristic features, which in his view, are attributed to an eminent message of literary journalism: immersion, structure, accuracy, and voice (1984, pp. 10–16).

Immersion refers to the time spent on researching and being in close proximity with the subjects of a particular story. *Structure* is the arrangement of the different passages and parts that compose a story. The author may choose it according to what he or she wants to achieve by covering a specific issue and what its implicit message is. *Accuracy* is the aspect, for which literary journalism receives the most criticism. Factuality is the most significant part of journalism and facts should not be made up spontaneously just to amaze readers. *Voice* (or *Personal Perspective*) indicates the standpoint of the individual author or the newspaper/magazine for which he or she reports (Pickett, 2013).

Other key features of literary journalism include:

1. *Narrative techniques*. These employ literary elements such as plot development, character development, vivid descriptions, and scene-setting to tell a true story (Algavi et al., 2019; Panasenko, 2017).

2. *Emphasis on storytelling*, focusing on crafting a narrative that immerses readers in the events, making the story more engaging and relatable.

3. *In-depth reporting*, often involving in-depth interviews, firsthand observations, and thorough investigation. Writers need to possess knowledge in diverse fields to be able to produce news stories, which leave behind an impression on the readership.

4. *Exploration of themes*. Like traditional literature, literary journalism often delves into deeper themes, offering insight into human experiences, societal issues, or broader implications behind reported events (Erofeeva, Ushnikova, 2017; Kryachkov, 2023).

5. *Long-form content*. It is frequently presented in long-form articles, essays, or even book-length works, allowing for a more detailed and comprehensive exploration of the subject matter (Genette, 1980).

6. Texts belonging to literary journalism use *plot-structuring devices* such as suspense, surprise, conflict, flashback, foreshadowing, minimalism, along with deep characterization and point-of-view narratives ranging from omission (third person), limited omission, first person and objective.

Analysis of literary journalism inevitably leads us to the contrastive analysis of literary and media texts (Panasenko, Greguš, 2022). Well worked-out techniques of narrative in fiction (Savchuk, 2018; Tykhomyrova, 2018) are widely used in media text analysis (Panasenko et al., 2020).

Narrative communication in creative nonfiction and its basic elements

Narrative communication is a substantial part of creative nonfiction i.e., it is the primary means of communication between the reader and author. When discussing narrative frameworks, Pickett (2013) in the first place states the importance of a suitable beginning that builds up interest between the reader and the forthcoming text. Openings may be written in first-degree narratives – descriptive narratives – which may come in form of solely matter-of-fact description or a more

vivid depiction of a scene or background using imagery that reflects on feelings and sensations. Mazzeo (2012, p. 11) refers to the narrative arc as a notion that revolves around a conflict and further differentiates between the following types of narrative: circular, frame, linear, protagonist, and quest narratives.

Wilson (2013) claims that in media studies, it is important to tell the difference between narrative and story, because a story is a sequence of events, known correctly as the plot, whereas a narrative is the way those events are put together to be presented to an audience¹.

Narrative in media is realized through intermediality theory, frame theory, and prototype semantics, allowing recipients to classify artefacts as more or less narrative, based on their recognition of “narremes” as features of prototypical narratives (Wolf, 2017).

Media narratives encompass several elements:

1. *Plot*: The sequence of events that make up the story. It typically involves a beginning, middle, and end, and includes the main conflict or challenges faced by the characters (Panasenko, 2017).

2. *Characters*: The individuals or entities that drive the story. Characters have distinct personalities, motivations, and roles within the narrative.

3. *Setting*: The environment or context in which the story takes place. It includes the time, location, and social/political atmosphere that can influence the narrative (Algavi et al., 2019).

4. *Themes*: The central ideas or messages conveyed by the story. Themes can be moral, political, social, or emotional and often reflect human experience or societal issues; they may be connected with transmedia storytelling (Algavi et al., 2023).

5. *Point of view*: The perspective from which the story is told. It can be first-person (from the viewpoint of a character), third-person omniscient (an all-knowing narrator), or third-person limited (narrating the story through a particular character's perspective) (after Berning, 2011; Huisman et al., 2005; Genette, 1980; Panasenko, 2016).

We see that some of the features coincide with those of literary journalism: plot development, exploration of themes, scene-setting, etc.

Narrative has many definitions. Bodhi Green (2021) claims that “a narrative is a story, an account of a string of events occurring in space and time. They do not unfold randomly, but rather as an ordered series of events connected by the logic of cause and effect”². His list of narrative examples is long and includes films and TV shows, cartoons (for more see: Zarifian et al., 2022), novels and plays, journalism and essays, myths and legends, biographies and memoirs, among others.

An interesting set of categories for analysing the narrative was offered by Genette (1980, p. 7–8). This set includes TENSE (order, duration, frequency), MOOD (focalization and distance), and VOICE (narrators and speech).

Describing the work of journalists, Fulton (2005, p. 242) explains how information they receive is processed by them and spun into narrative. She argues

¹ Wilson, K. (2013, April 24). *Narrative explained*. Retrieved July 12, 2023, from <https://wilsonkhoo.wordpress.com/tag/narration/>

² Bodhi Green, M. (2021). *What is a narrative – definition, examples in literature and film*. Retrieved July 12, 2023, from <https://www.studiobinder.com/blog/what-is-a-narrative-definition/>

that both hard and soft news are forms of narratives; we disagree with the scholar, because our analysis of hard news shows that much depends on the structure and accuracy of the storytelling (Panasenko et al., 2021).

Why do journalists use the narrative as a form of communication with the audience? Bodhi Green (2021) answers this question and explains that with the help of the narrative people express their individual thoughts and feelings (journalism of emotional type), create cautionary or morality tales, educate themselves and their children, inspire the readers to keep going during difficult times, etc.³

In Wilson's (2013) opinion⁴, analysing a narrative involves various codes: technical codes, which mainly concern the narrative in film, on TV, etc.; verbal codes, i.e., the use of language – written and spoken; symbolic codes, i.e., the signs contained in the narrative that we decode as being significant and having meaning.

Let us discuss some of genres of literary journalism.

Reportage, opinion, and essay as belletristic genres

How many belletristic genres exist in journalism and how should they be analysed? The list is not vast and includes the essay, comment, opinion, review, and reportage. We have processed printed texts and their electronic version. It gives us opportunity to add one more type – opinion, which has all the features of narrative and can be found in newspapers and journals. We concentrate our attention mainly on three types: reportage, opinion, and essay.

Reportage belongs to long-form journalism, considering its size and range. It gives the reader a fact-based and thoroughly researched report on events, however, the main aim of the reportage is to describe events in a lively and interesting way. People writing the report describe their own directly witnessed on-site experiences and observations. Even though the reporter uses personal experiences, reportages often remain objective, thus the reporter serves only as a communicator who passes the information to the readership. Usually, reportages aim to create an atmospheric reading experience. To achieve this, they are complemented and saturated with details of scenery and description of the appearances of people who are featured in the story. Reportages are usually supplemented by photographs, direct citations, documents, and so on.

Opinion. While opinion pieces, columns, and editorials exist in the realm of journalism, it is crucial to distinguish them from straight news reporting. Opinion pieces are explicitly labelled as such and are designed to express the views and perspectives of the author or the publication. In these cases, the readers are aware that they are engaging with subjective interpretations and analysis rather than straight facts.

Journalists, particularly in traditional news reporting, strive to maintain a separation between news and opinion to preserve the integrity of the information being presented. By doing so, they uphold the principles of fairness, balance, and accuracy, fostering trust with their audience.

Essay. Even though today it is one of the most common forms of journalistic writing, the roots of the essay can be found outside journalism. The first use of

³ Bodhi Green, M. (2021). *What is a narrative – definition, examples in literature and film*. Retrieved July 12, 2023, from <https://www.studiobinder.com/blog/what-is-a-narrative-definition/>

⁴ Wilson, K. (2013, April 24). *Narrative explained*. Retrieved July 12, 2023, from <https://wilsonkhoo.wordpress.com/tag/narration/>

this type of writing was seen in ancient Greece, but the man who first used the term *essay* in connection with writing was French philosopher M. de Montaigne in the 16th century. Since then, the essay has established itself as a literary form – falling in the realm of prose – its types ranging from moral to philosophical, descriptive, narrative and many more in-between. Although having various forms, there are several typical characteristics of every essay. A subjective layer is always present, i.e., the author of an essay is free to express and discuss their opinions and arguments. The structure and composition of the text of an essay is relatively free and depends on the author. It is not necessary to follow a logical line of storytelling, and various stylistic devices can be applied to suit the purpose of the essay. In journalism, the essay can be characterized as a scientific-creative and mainly reflective journalistic product, which offers and highlights a new perspective on a topic (Rusňáková, Bučková, 2017, p. 238).

From newspapers we have selected examples of the narrative in reportages, opinions, and essays. The topics discussed by the journalists are various, but what unites our examples is their considerable volume, e.g., a reportage by Ben Taub “A journalist's murder in Malta” published on December 14, 2020 in “The New Yorker” about Daphne Caruana Galizia, whom “Politico” named a “one-woman WikiLeaks”, comprises 29 pages and 9481 words; a reportage by Eren Orbey “A daughter's quest to free her father's killer” published on January 17, 2022 in “The New Yorker”, consists of 18 pages and 6407 words. To the largest in volume also belongs the reportage “A mysterious suicide cluster” by D.T. Max published on April 12, 2021 in “The New Yorker” (26 pages, 10063 words), etc. There is no need to explain what these reportages are about, because they have impressive and informative headlines and some comments in the sub-headlines.

Various methods of media text analysis are represented in the books by Panasenکو and Greguš (2022) and Mináriková et al. (2023). For this detailed analysis we have chosen several texts.

As in any other media text we may come across different ways of presenting information in the narrative: chronological, logical, and dynamic or emphatic, which the author chooses in connection with the topic of the narrative.

The first text is a *reportage* by Peter Canby from “The New Yorker” magazine titled “The murder of Mexican journalists spreads to a Magical Town”, published on January 10, 2022⁵; the volume of the text comprises five pages and 2721 words. The author tells us a story of the confrontation between honest journalists and drug dealers supported by the local authorities, which resulted in the assassinations of 12 journalists.

The person around whom the story revolves is described in a positive manner, mostly by presenting his previous good deeds (*descriptive character of the narrative*). From a compositional viewpoint, the author uses the emphatic structure to introduce the readers to the settings and people involved in the story. First, he describes the outer appearance and history of the environment in which the events took place, and only later continues with the actual murder cases. Noticeably, the author uses many personal details about the victim (dinner celebration, last

⁵ Canby, P. (2022, January 10). The murder of Mexican Journalists spreads to a magical town. *The New Yorker*. Retrieved November 2, 2023, from <https://www.newyorker.com/news/news-desk/the-murder-of-mexican-journalists-spreads-to-a-magical-town>

Facebook⁶ message, initials on the cap of the victim) to create a sympathetic response from the readers (*Internal focalization*). The author progressively explains what led to the murder (*Chronological order*).

Regarding the specific language of the text, the author uses the word *murder* and other negatively charged words (*violence, death, shot dead, victim*) plenty of times, but only a few words with positive connotations appear. By the *accumulation* and *repetition* of so many negative words, readers may feel concerned. In reportages, it is evident that a certain level of subjectivity will occur in the text. In this case, the author uses only a few subtle evaluative remarks that do not affect the overall objectivity of the text. In addition to this, the author uses police evidence, and direct speech to enhance and prove the accuracy of the story. According to these notes we can state that this reportage as a narrative is at the same time *descriptive, explanatory, and political*. It is a good example of *vivid focalization* that gives the reader a profound depiction of a scene or situation; and *factual-based focalization* which is written in lively language including many borrowings from Spanish and local expressions, so the reader becomes engaged in the story.

Another text under detailed analysis is *opinion*, under the title “Naomi Osaka and the power of ‘nope’” written by Lindsey Crouse, who is an Opinion writer and producer, which was published in “The New York Times” newspaper on June 1, 2021. This text consists of six pages and 2354 words⁷.

This text has an interesting composition. Judging by the title, it should be about Naomi Osaka, a Japanese professional tennis player, who has been ranked #1 by the Women's Tennis Association. In fact, a major part of this text is occupied by a story told by the young athlete Mary Cain. What unites their names was the fact of their belonging to *Nike*. As Lindsey Crouse writes, “*At 17, Mary Cain was already a record-breaking phenom: the fastest girl in a generation, and the youngest American track and field athlete to make a World Championships team. Then, everything changed*”. Her track coach Alberto Salazar created such conditions for her that she had to leave the sport for several years. As Mary claims, “*I joined Nike because I wanted to be the best female athlete, ever. Instead, I was emotionally and physically abused by a system designed by Alberto and endorsed by Nike*”. The coach gave her forbidden pills, weighed her in the presence of male athletes and constantly reminded her that she must “*become thinner, and thinner, and thinner*”. This hard system of training and humiliation created suicidal thoughts in her mind. There was nobody to help her, to support her, to protect her and she left the team and the sport.

This narrative is *informative*, because the author emphasizes facts; *explanatory*, because the author explains the causes of her leaving the sport and the effects and consequences of taking forbidden reagents given to her by her coach. It is a *social-psychological* narrative abounding in stylistic devices, such as epiphora, anaphora, polysyndeton and emotively charged words, mainly with negative meaning, e.g. *to feel trapped, to be scared, suicidal thoughts, to be horrified, to try*

⁶ The social networking service Facebook is recognized as extremist and banned in the Russian Federation.

⁷ Crouse, L. (2021, June 1). Naomi Osaka and the power of ‘nope’. *The New York Times*. Retrieved November 14, 2023, from <https://www.nytimes.com/2021/06/01/opinion/naomi-osaka-french-open-tennis.html>

to survive, etc. The *voice* here belongs to the narrator-participant (homodiegetic narration); the *temporal order* is chronological.

We have already considered *the essay* under the title “We must learn to look at grief, even when we want to run away” (written by a doctor of palliative medicine Sunita Puri and published in “The New York Times” newspaper in 2022⁸ (Panasenko, Petrovičová, 2022) focusing on text categories (emotivity and evaluation) and stylistic devices, which were widely employed by the author to create a vivid and painful picture of the COVID-19 pandemic and its consequences. Compared to other essays, this one is not large in volume, three pages and 1116 words, but due to its vocabulary and abundance of stylistic devices it is very impressive. Now we will briefly outline the essence of this essay as the narrative.

The composition of the text is both *informative*, placing the emphasis on real facts, i.e. the damage COVID-19 brought to people (in American hospitals and other places and countries) and *descriptive* (mentioning static elements characterizing the setting and people, namely the final farewell of a woman who could only express her grief by pressing her palms on the glass door which was a barrier between the then happy married couple and now death and suffering).

We can consider this narrative as *social-psychological*, because COVID-19 touched upon various layers of society evoking deep emotions, namely negative emotions and feelings: grief (which is mentioned in the title), despair, pity, and discomfort of seeing one's pain and death. The aim of the author as a doctor of palliative medicine is also the intention to give hope to people who suffered so much, to show sympathy and compassion to each other. Sunita Puri writes that the whole “*country can be united by this suffering*” and “*our collective grief... can bind us together*” suggesting a hopeful outcome.

Voice in this essay is very important, because we have a case of the narrator-participant of the story, so called homodiegetic narration. *Focalization*, as a more comprehensive portrayal of narrative voices in creative nonfiction, refers in this text to the sad mood of the story evoking various emotions vividly realised in emotively charged words.

Conclusion

The narrative is widely used in literary journalism. There are various narrative techniques including types of plot development, emphasis in storytelling, surprise, conflict, figures of speech, rhetoric devices, foreshadowing and flashback. Media narrative is often based on the environment or context; it presents different characters that drive the story; for the narrator it is important to choose a proper topic (morality, politics, society, human being) and express one's point of view. The narrative can be found not only in printed media; many films and plays, podcasts, TV shows, memoirs, etc. include it. Each narrative always has a definite purpose and depends on its type: moral, social, political, historical, overt or first-person point of view narration, covert narration, among others. Reporting events, facts,

⁸ Puri, S. (2022, February 23). We must learn to look at grief, even when we want to run away. *The New York Times*. Retrieved November 14, 2023, from <https://www.nytimes.com/2022/02/23/opinion/death-grief-covid.html>

and information in a specific way, the author constructs a particular narrative or angle, influencing public opinion or understanding of events.

An important element of the narrative is focalization, a more comprehensive portrayal of narrative voices in creative nonfiction, which can be internal, vivid and factual-based.

Reporting and formulating real-life events in the way fiction does, and making it effective, takes not only talent in creative writing but also good observational skills. Choosing the right methods and corresponding techniques is crucial for efficient storytelling. Literary journalism gave a new perspective on the way readers gain a deeper understanding about the events and their core meanings, which influences both culture and society.

Successful narratives in media often have compelling storytelling, well-developed characters, and a clear structure that captivates the audience and leaves a lasting impact. They can entertain, educate, inspire, or provoke thought, depending on the intended purpose of the story.

References

- Algavi, L., Volkova, I., Kadyrova, S., & Rastorgueva, N. (2019). The Narrative of the Skripals case in the “Vesti Nedeli” television program: An analysis of the story plot. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (3), 62–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2019.6283>
- Алгави Л.О., Волкова И.И., Кадьрова Ш.Н., Расторгуева Н.Е. Особенности нарратива «Дело Скрипалей» в телепрограмме «Вести недели»: анализ сюжетной схемы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 3. С. 62–83.
- Algavi, L., Volkova, I., Kovalev, G., & Budtsov, G. (2023). QAnon as a transmedia storytelling. *Media Education*, (1), 3–9. <https://doi.org/10.13187/me.2023.1.3>
- Berning, N. (2011). Narrative journalism in the age of the Internet: New ways to create authenticity in online literary reportages. *Textpraxis. Digital Journal for Philology*, (3). Retrieved September 19, 2023, from <http://www.uni-muenster.de/textpraxis/nora-berning-narrative-journalism-in-the-age-of-the-internet>
- Erofeeva, I., & Ushnikova, O. (2017). Media text energy as collective cultural memory reflection. *Lege Artis. Language Yesterday, Today, Tomorrow*, II(2), 1–46. <https://doi.org/10.1515/lart-2017-0012>
- Genette, G. (1980). *Narrative discourse: An essay in method*. New York: Cornell University Press.
- Huisman, R., Murphet, J. & Dunn, A. (2005). Print news as narrative. In H. Fulton (Ed.), *Narrative and Media* (pp. 218–244). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511811760.016>
- Kryachkov, D. (2023). Intertextuality in media texts. *Lege Artis. Language Yesterday, Today, Tomorrow*, VIII(1), 62–78. <https://doi.org/10.34135/lartis.23.8.1.05>
- Mazzeo, T.J. (2012). *Writing creative nonfiction*. Virginia: The Teaching Company.
- Mináriková, J., Radošinská, J., & Višňovský, J. (2023). *Východiská výskumu v mediálnych a komunikačných štúdiách*. Trnava: FMK UCM.
- Panasenko, N. (2016). Functional-semantic types of speech in journalistic messages. *Megatrends and Media: Critique in Media, Critique of Media: Conference Proceedings* (pp. 52–67). Trnava: University of SS. Cyril and Methodius in Trnava.
- Panasenko, N. (2017). Types of plot development in sudden fiction. In D.A. Kryachkov (Ed.), *The Magic of Innovation: New Dimensions in Linguistics and Linguo-Didactics: A Collection of Research Papers* (vol. 1, pp. 107–114). Moscow: Moscow State Institute of Foreign Relations (MGIMO University).
- Panasenko, N., & Greguš, L. (2022). *Media text in the mirror of linguistics*. Prague: Wolters Kluwer ČR.

- Panasenko, N., & Petrovičová, I. (2022). COVID-19 reflected in emotional journalistic texts. *International English Studies Journal*, 19, 65–77. <https://doi.org/10.15584/sar.2022.19.6>
- Panasenko, N., Krajčovič, P., & Stashko, H. (2021). Hard news revisited: A case study of various approaches to the incident at the primary school reflected in the media. *Communication Today*, 12(1), 112–128.
- Panasenko, N., Pravdova, H., & Kryachkov, D. (2020). Category of modality in belles-lettres and journalistic styles. *Journal of History Culture and Art Research*, 9(3), 197–208. <http://doi.org/10.7596/taksad.v9i3.2654>
- Pickett, M. (2013). An analysis of narrative and voice in creative nonfiction. *Journal of Arts and Humanities*, 2(7). Retrieved May 5, 2023, from <https://theartsjournal.org/index.php/site/article/view/168/150>
- Rusňáková, L., & Bučková, Z. (2017). *Publicistika v periodickej tlači – Žurnalistické žánre*. Trnava: FMK UCM.
- Savchuk, R. (2018). The main text-forming strategies in Robbe-Grillet's novel “Dans le labyrinthe”: Narrative and semiotic implications. *Lege Artis. Language Yesterday, Today, Tomorrow*, III(1), 314–362. <https://doi.org/10.2478/lart-2018-0009>
- Sims, N. (1984). *The literary journalists*. New York: Ballantine Books.
- Tykhomyrova, O. (2018). Metafiction in contemporary English-language prose: Narrative and stylistic aspects. *Lege Artis. Language Yesterday, Today, Tomorrow*, III(1), 363–416. <https://doi.org/10.2478/lart-2018-0010>
- Višňovský, J., & Radošínská, J. (2017). Online journalism: Current trends and challenges. In B.P. Acuña (Ed.), *The Evolution of Media Communication* (pp. 3–22). Rijeka: InTech Publ.
- Vrabec, N., & Pieš, L. (2023). Popularisation of science and science journalism on social media in Slovakia. *Media Literacy and Academic Research*, 6(1), 206–226. <https://doi.org/10.34135/mlar-23-01-12>
- Wolf, W. (2017). Transmedial narratology: Theoretical foundations and some applications (fiction, single pictures, instrumental music). *Narrative*, 25(3), 256–285. <https://doi.org/10.1353/nar.2017.0015>
- Wolfe, T. (1973). *The new journalism*. New York: Harper Collins.
- Zarifian, M., Volkova, I., & Lazutova, N. (2022). The evolution of cartoons throughout the history of mass communication. *International Journal of Media and Information Literacy*, 7(2), 629–638. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2022.2.629>

Bio notes:

Nataliya Panasenko, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Chair of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SS Cyril and Methodius in Trnava, 2 J. Herdu Sq., Trnava, 91701, Slovak Republic. ORCID: 0000-0003-4377-9088. E-mail: lartispanasenko@gmail.com

Ida Petrovičová, master student, Department of Communication and Media Science, Institute of Marketing and Communication Sciences, Corvinus University of Budapest, 8 Fővám tér, Budapest, 1093, Hungary. ORCID: 0000-0001-7963-9744. E-mail: idupetrovics@gmail.com

Сведения об авторах:

Панасенко Наталия, доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиаальной коммуникации, Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словацкая Республика, 91701, Трнава, пл. Герду, д. 2. ORCID: 0000-0003-4377-9088. E-mail: lartispanasenko@gmail.com

Петрови́чова Ида, магистрант, факультет коммуникации и медийных наук, Институт маркетинга и наук о коммуникации, Будапештский университет имени Матвея Корвина, Венгрия, 1093, Будапешт, Фовам тер, д. 8. ORCID: 0000-0001-7963-9744. E-mail: idupetrovics@gmail.com



DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-114-124

EDN: FSMFFK


УДК 327.5:070.15(4+73)

Научная статья / Research article

Концептуальные подходы The Times к освещению военных переворотов в африканских странах

Т.С. Якова  , А.В. Колесниченко , И.О. Данилина 

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация*

 t-yakova@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования подходов британской газеты The Times к освещению военных переворотов в Габоне и Нигере в 2023 году. Методология исследования включала количественный и качественный контент-анализ и анализ публикаций по критериям концепции конструктивной журналистики. Эмпирическую базу составили статьи The Times за 10 месяцев 2023 года. Результаты сравнительного анализа текстов показали, что публикации не соответствуют принципам концепции конструктивной журналистики, не учитывают базовые методы позитивной психологии. Россия упоминается в большинстве публикаций в контексте военного сотрудничества в регионе, при этом половина публикаций носит нейтральный характер, а остальные – негативный. В части публикаций негативные характеристики приводятся без аргументов, ссылок на документы, на высказывания российского руководства с обозначением позиции России. Такие публикации отличает направленность на дискредитацию сотрудничества между африканскими странами и Россией. Данное сотрудничество оценивается как путь к кризису и ухудшению безопасности в регионе. При этом журналисты выражают в публикациях только свои взгляды и не приводят оценки и мнения экспертов международных организаций, а также граждан африканских государств.

Ключевые слова: массмедиа, конфликты, медиаисследования, Габон, Нигер

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 4 ноября 2023 г.; отрецензирована 19 декабря 2023 г.; принята к публикации 30 декабря 2023 г.

Для цитирования: Якова Т.С., Колесниченко А.В., Данилина И.О. Концептуальные подходы The Times к освещению военных переворотов в африканских странах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 114–124. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-114-124>

© Якова Т.С., Колесниченко А.В., Данилина И.О., 2024




This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Times' conceptual approaches to covering military coups in Africa

Tamara S. Yakova , Alexander V. Kolesnichenko , Ilona O. Danilina 

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 t-yakova@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the study of the British newspaper The Times' approaches to covering the military coups in Gabon and Niger in 2023. The research methodology included quantitative and qualitative content analysis and analysis of publications according to the criteria of the concept of constructive journalism. The empirical base consisted of The Times articles for the first 10 months of 2023. The results of the comparative analysis of the texts showed that the publications do not comply with the principles of the concept of constructive journalism and do not take into account the basic methods of positive psychology. Russia is mentioned in most publications in the context of military cooperation in the region, with half of the publications being neutral and the rest negative. In part of the publications negative characteristics are given without arguments, references to documents, to statements of the Russian leadership with the designation of Russia's position. Such publications are characterized by their focus on discrediting cooperation between African countries and Russia. This cooperation is assessed as a way to lead to crisis and deterioration of security in the region. At the same time, journalists express in their publications only their own views and do not provide assessments and opinions of experts of international organizations and citizens of African states.

Keywords: media, conflicts, media studies, Gabon, Niger

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 4, 2023; revised December 19, 2023; accepted December 30, 2023.

For citation: Yakova, T.S., Kolesnichenko, A.V., & Danilina, I.O. (2024). The Times' conceptual approaches to covering military coups in Africa. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 114–124. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-114-124>

Введение

Согласно статистике Гейдельбергского института исследований международных конфликтов (Heidelberger Institut für Internationale Konfliktforschung), в мире растет количество кризисов с применением насилия: в 2021 г. – 164, в 2022 г. – 174, в течение 2023 г. эти данные изменились в сторону роста. Наиболее распространенными остаются насильственные *внутригосударственные* конфликты, они составляют около 30 % всех наблюдаемых конфликтов¹. По данным американского Центра превентивных действий (Center for Preventive Actions), в 2023 г. на Африканском континенте произошло 8 вооруженных конфликтов². В повестке дня мировых массмедиа в 2023 г. кризисы

¹ Conflict Barometer. Heidelberg, May 2023. URL: <https://hiik.de/conflict-barometer/current-version/?lang=en> (accessed: 10.10.2023).

² Global Conflict Tracker. URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker> (accessed: 10.10.2023).

и конфликты в Африке занимали существенное место; особое внимание уделялось военным переворотам в двух африканских государствах – Габоне (30 августа 2023 г.) и Нигере (26–28 июля 2023 г.). Пилотный мониторинг влиятельных европейских массмедиа показал, что характер подходов к освещению этих военных конфликтов зависит от национальных интересов государств, их принадлежности и политической ориентации массмедиа. Проведено пилотное исследование британской ежедневной газеты *The Times*, которое позволило сформулировать концептуальные выводы относительно редакционной политики в отношении событий в Габоне и Нигере. Тема особенно актуальна в контексте Саммита «Россия – Африка» (Санкт-Петербург, июль 2023 г.), где были сформулированы задачи по активизации взаимного партнерства в экономической и гуманитарной сферах³.

Теоретическую базу исследования составили труды российских и зарубежных авторов: по вопросам влияния кризисов и конфликтов в Африке на развитие международных отношений (Wasserman, 2019; Чупрыгин и др., 2021), по проблемам сотрудничества африканских стран в контексте интересов РФ (Гемуева, 2020; Федорченко и др., 2022; Safranchuk et al., 2023), по региональным проблемам стран Африки (Сурков, 2020), по проблемам эффективности международных санкций в условиях этнических и религиозных конфликтов в странах Африки (Biersteker, 2019). Исследовательские подходы базировались также на научных работах в области конфликтологии и теории журналистики (Глухова, Тимофеева, 2016; Merkley, 2020; Никитин, 2006; Vartanova et al., 2023). Важным источником информации по теме исследования стали публикации экспертов африканского Института исследований безопасности (ISS)⁴ по истории⁵ и современным политическим процессам⁶ на африканском континенте.

Материалы и методы

Исследование проводилось в два этапа. Основой первого этапа стал количественный и качественный контент-анализ публикаций онлайн-версии газеты *The Times*, который позволил выявить уровень интереса массмедиа к теме военных переворотов в Нигере и Габоне, структурировать тематические блоки в рамках темы исследования, определить тональность публикаций, интерпретировать контекст, связанный с упоминанием России. В выборке по ключевым словам «конфликт» (conflict), «военный конфликт» (military conflict),

³ Путин: РФ выступает за сотрудничество с Африкой в борьбе с терроризмом и экстремизмом // ТАСС. 2023, 27 июля. URL: <https://tass.ru/politika/18384377> (дата обращения: 14.10.2023).

⁴ Institute for Security Studies (ISS) – независимый исследовательский институт в Африке, занимающийся вопросами безопасности человека (офисы в Южной Африке, Кении, Эфиопии и Сенегале). Область исследований: транснациональные преступления, миграция, миротворчество, предупреждение преступности, уголовное правосудие, анализ конфликтов и др.

⁵ Atta-Asamoah A. Africa's three waves of coups // ISS Today. 2023, 20 October. URL: <https://issafrica.org/iss-today/africas-three-waves-of-coups> (accessed: 01.11.2023).

⁶ Handy P.-S., Akum F. Coups d'État: causes ou symptômes de la mauvaise gouvernance? // ISS Today. 2020, 8 September. URL: <https://issafrica.org/fr/iss-today/coups-detat-causes-ou-symptomes-de-la-mauvaise-gouvernance> (accessed: 01.11.2023).

«военный переворот» (military takeover, military coup), «кризис» (crisis) и связанным с ними смысловым конструкциям⁷ обнаружено 34 публикации аналитического характера по теме исследования объемом больше 3000 знаков (медиатексты с элементами аналитики). Результаты контент-анализа позволили сформировать эмпирическую базу для второго этапа – анализа публикаций в контексте подходов концепции конструктивной журналистики. Методология для этого этапа разрабатывалась на основе работ теоретиков конструктивной журналистики (McIntyre, 2015; Gyldensted, 2015; Bro, 2019). Критерии адаптированы для анализа медиатекстов (Якова, 2023).

Результаты и обсуждение

Военный переворот в Нигере. За 10 месяцев 2023 г. в The Times вышло 26 аналитических публикаций, посвященных событиям в этой африканской стране (упоминания о Нигере выявлены в 48 медиатекстах за тот же период). Анализ списка авторов показал, что большинство публикаций (57 %) подготовлены журналистами-экспертами по африканским странам (Джейн Фланаган – 30 %; Ричард Эштон – 27 %), которые работают в Африке (бюро в Кейптауне и Лагосе). Два журналиста пишут о политической ситуации во Франции и ее роли в Нигере (Адам Сейдж – 13 %; Дэвид Чазан – 7 %), один – о политической деятельности России (Том Парфитт – 3 %). Часть аналитических материалов выпущена от имени редакции (10 %), одна публикация подготовлена по письмам читателей (3 %), но их объединяет единая направленность в сторону критики деятельности Франции в Нигере и одобрения действий Великобритании. Пользователи на сайте отмечают, что редакция позволяет читателям комментировать не все темы: фильтрации подлежат письма, связанные со взаимоотношениями Соединенного Королевства и Индии, нет комментариев о позитивной роли РФ на Африканском континенте. Результаты анализа тональности публикаций показали, что большинство (58 %) содержат нейтральные оценки и характеристики: внимание акцентируется на хронологии военного переворота, изложении фактов, журналисты не выражают собственного мнения и не дают оценок ситуации. Имеют негативную тональность 38 % публикаций, авторы фокусируются на негативных последствиях смены власти и угрозах для населения страны. Только в одной публикации можно выявить позитивную тональность: она посвящена освобождению заложников из плена джихадистов⁸ и сотрудничеству военных Нигера, стран – членов ЕС и США в сфере безопасности и борьбы с терроризмом. В последующих публикациях данное сотрудничество упоминается как «провальное».

Отдельно были проанализированы статьи на выявление отношения издания к деятельности Российской Федерации в Нигере в сфере военного сотрудничества и обеспечения безопасности в регионе. Россия упоминалась

⁷ Выборка материалов проводилась по методу социальных исследований Л. Ньюмана. См.: Neumann L.W. Social research methods: qualitative and quantitative approaches. 2nd ed. Boston: Allyn and Bacon, 1991.

⁸ Sage A. Jihadists free American and French hostages in Niger // The Times. 2023, 20 March. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/american-and-french-hostages-held-by-terrorists-in-niger-freed-8zrbm876r> (accessed: 01.11.2023).

в 21 публикации из 26. В половине медиатекстов даются нейтральные оценки, в одной публикации позитивно описывается опыт России в сфере сохранения культурных отношений между странами в условиях кризисов в противовес действиям Франции в подобных ситуациях⁹. В значительной части публикаций (45 %) прослеживается негативное отношение к России. Такие публикации отличает направленность на дискредитацию сотрудничества между африканскими странами и Россией (оценивается как «порочное», способное привести к глубокому кризису в регионе и ухудшению безопасности¹⁰); стремление к демонизации государства и политических деятелей (Россия была названа «гангстерским государством»¹¹); отсутствие примеров продуктивного сотрудничества РФ и африканских стран (однако, в некоторых публикациях показаны фотографии жителей Нигера с флагами РФ и надписями, выражающими желание сотрудничать»¹²). Отдельно проведен анализ публикаций на выявление характера упоминаний о России. В большинстве медиатекстов (56 %) негативные оценки даны без ссылок на документы или высказывания руководства РФ; в части (43 %) – негативно прокомментированы высказывания В. Путина, С. Лаврова, Д. Пескова; в 17 % публикаций негативные характеристики приводятся без аргументов, ссылок и описания позиции России. Ни в одной публикации не приводятся мнения экспертов международных организаций или ученых из научно-исследовательских институтов, журналисты выражают только свое собственное мнение

На втором этапе проведен анализ медиатекстов по критериям концепции конструктивной журналистики (табл. 1).

Как видно из табл. 1, во всех приведенных для примера публикациях не соблюдается баланс позитивной и негативной информации: преобладает негативная. Из 26 проанализированных текстов соответствие этому критерию обнаружено только в одном¹³, в котором описывается как отрицательный, так и положительный опыт из жизни жителей страны. Включение позитивных элементов в структуру текста обнаружено в 80 % публикаций, в значительной части из них присутствует фокус на поиск решения проблемы (40 %), а примеры решения конфликтов приводятся в одной трети проанализированных текстов. Во многих публикациях авторы предпринимают попытки дать ответы на главные вопросы конфликта: с кем готова сотруд-

⁹ *Sage A.* Macron says French ambassador is being held hostage in Niger // *The Times*. 2023, 16 September. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/macron-french-ambassador-niger-held-hostage-spv8spnxd> (accessed: 01.11.2023).

¹⁰ *The Sunday Times* view. Coups and instability in the Sahel threaten the West too // *The Times*. 2023, 3 September. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/coups-and-instability-in-the-sahel-threaten-the-west-too-v38jhxjw3> (accessed: 02.11.2023).

¹¹ *Hague W.* The West will pay a heavy price if we ignore the Sahel // *The Times*. 2023, 28 August. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/west-will-pay-heavy-price-if-we-ignore-the-sahel-8bn6ksfcp> (accessed: 02.11.2023).

¹² *Flanagan J.* Niger coup: US warns junta against Wagner alliance // *The Times*. 2023, 8 August. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/www-thetimes-co-uk-article-niger-coup-what-is-happening-gclq78trx-7gbww80d7> (accessed: 02.11.2023).

¹³ *Assheton R.* Russian flags and dodgy prawns: life in Niger after the French // *The Times*. 2023, 21 October. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/russian-flags-and-dodgy-prawns-life-in-niger-after-the-french-smv73sdf6> (accessed: 03.11.2023).

ничать военная хунта; с какими проблемами сталкивается мирное население; что спровоцировало конфликт; какие интересы и цели преследуют страны-участницы; какими могут быть последствия. Но ни в одной публикации не предлагаются варианты решений, направленные на урегулирование конфликта и поиски компромиссов. Результаты проведенного исследования показывают, что публикации The Times только частично соответствуют принципам концепции конструктивной журналистики и не учитывают методы позитивной психологии, на которой базируется этот подход к освещению медиареальности.

Таблица 1

Результаты анализа публикаций The Times по критериям концепции конструктивной журналистики (тема: военный переворот в Нигере, 01.01.2023–31.10.2023)

№	Название статьи	Критерии				
		1	2	3	4	5
1	Переворот в Нигере открывает Путину дверь в Африку ¹⁴	-	-	-	+	+
2	Взгляд The Times на свержение президента Базума: Нигер в кризисе ¹⁵	-	-	-	+	+
3	Что происходит в Нигере? Объяснение переворота ¹⁶	-	-	-	+	-

Примечание: номера соответствуют следующим критериям: 1 – баланс позитивной и негативной информации; 2 – фокус на поиск решения проблемы и действия; 3 – примеры (прецеденты) решения конфликта; 4 – ответы на поставленные вопросы; 5 – позитивные элементы в структуре публикации.

Источник: составлено Т.С. Яковой, А.В. Колесниченко, И.О. Данилиной.

Table 1

The results of the analysis of The Times publication according to the principles of the concept of constructive journalism (topic: military coup in Niger, 01.01.2023–31.10.2023)

No.	Article title	Criteria				
		1	2	3	4	5
1	Niger coup opens a door for Putin in Africa ¹⁵	-	-	-	+	+
2	The Times view on the ousting of President Bazoum: Niger in Crisis ¹⁶	-	-	-	+	+
3	What is happening in Niger? The coup explained ¹⁷	-	-	-	+	-

Note: the numbers correspond to the following criteria: 1 – balance of positive and negative information; 2 – focus on finding a solution to the problem and actions; 3 – precedents of conflict resolution; 4 – answers to the questions asked; 5 – positive elements in the structure of the publication.

Source: compiled by Tamara S. Yakova, Alexander V. Kolesnichenko, Ilona O. Danilina.

¹⁴ Assheton R., Flanagan J., Parfitt T. Niger coup opens a door for Putin in Africa // The Times. 2023, 28 July. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/niger-coup-russia-support-mohamed-bazoum-v668pnk7m> (accessed: 03.11.2023).

¹⁵ The Times Leading Article. The Times view on the ousting of President Bazoum: Niger in crisis // The Times. 2023, 31 July. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/the-times-view-on-the-ousting-of-president-bazoum-niger-in-crisis-cjpm3csq> (accessed: 01.11.2023).

¹⁶ Flanagan J. What is happening in Niger? The coup explained // The Times. 2023, 7 August. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/niger-coup-what-is-happening-gclq78trx> (accessed: 03.11.2023).

Военный переворот в Габоне. За тот же период о Габоне *The Times* опубликовала только 8 аналитических материалов (упоминания об этой стране встречаются в 40 медиатекстах). Анализ списка авторов показал, что большинство публикаций (88 %) подготовлены журналистами *The Times* – экспертами по африканским странам (Джейн Фланаган – 33 %; Ричард Эштон – 33 %), и экспертами по политической стратегии Франции (Адам Сейдж – 11 %), Чарльз Бремнер – 11 %). Результаты анализа тональности публикаций показали, что половина (50 %) содержат нейтральные оценки и характеристики, посвященные хронологии событий. Имеют негативную тональность 38 % публикаций, авторы отрицательно и эмоционально описывают борьбу за влияние на Африканском континенте. Только в одной публикации можно выявить позитивную тональность: она посвящена положительному описанию предводителя военной хунты как человека, который «всегда ищет компромисс»¹⁷.

Россия редко упоминается в публикациях о Габоне (11 %). Это связано с двумя факторами: контекстом военного переворота и политической стратегией редакции *The Times*. В Нигере военный переворот сопровождался сменой политической ориентации, что стимулировало Великобританию бороться за влияние в этой стране. *The Times* отстаивала интересы своего государства в противоборстве с Россией: редакционная политика была направлена на дискредитацию конкурента. В Габоне сложилась иная ситуация, эта страна с июня 2022 г. вошла в состав Содружества Наций (*Commonwealth of Nations*¹⁸), признающего британского монарха своей главой, и активно сотрудничает с Великобританией. По мнению британцев, их позиции в Габоне достаточно прочные, поэтому России как конкуренту уделяется значительно меньше внимания.

На втором этапе исследования проведен анализ медиатекстов по критериям концепции конструктивной журналистики (табл. 2).

Баланс позитивной и негативной информации соблюдается в половине публикаций, фокус на поиск решений и действия выявлен в одной, примеры решений и прецеденты не приводятся. В 60 % публикаций авторы предпринимают попытки дать ответы на главные вопросы конфликта: причины недовольства граждан Габона, методы поддержки антидемократического режима, характеристики и мотивы участников конфликта. Позитивные элементы встречаются практически во всех публикациях (87,5 %): речь идет о сохранении природы Габона, положительных аспектах в действиях военной хунты, но на главные вопросы о перспективах развития страны авторы прогнозов не дают. Результаты проведенного исследования показывают, что публикации *The Times* лишь частично соответствуют принципам конструктивной журналистики.

¹⁷ *Flanagan J., Assheton R.* Meet Gabon's new leader: Ali Bongo's cousin takes control after coup // *The Times*. 2023, 31 August. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/gabon-new-leader-ali-bongo-cousin-2023-0tvw5d537> (accessed: 03.11.2023).

¹⁸ *The Commonwealth*. URL: <https://thecommonwealth.org/>

Таблица 2

**Результаты анализа публикаций The Times по критериям
концепции конструктивной журналистики
(тема: военный переворот в Габоне, 01.01.2023–31.10.2023)**

№	Название статьи	Критерии				
		1	2	3	4	5
1	Как президента Габона сверг его ближайший помощник? ¹⁹	–	–	–	+	+
2	Хунта Габона освободила свергнутого президента Бонго из-под стражи ²⁰	–	–	–	–	+
3	Лидер переворота в Габоне Брайс Нгема обещает свободные и прозрачные выборы ²¹	+	–	–	+	+

Источник: составлено Т.С. Яковой, А.В. Колесниченко, И.О. Данилиной.

Table 2

**The results of the analysis of The Times publication
according to the principles of the concept of constructive journalism
(topic: military coup in Gabon, 01.01.2023–31.10.2023)**

№	Article title	Criteria				
		1	2	3	4	5
1	How Gabon's president was ousted by his closest aide ²¹	–	–	–	+	+
2	Gabon junta frees ousted President Bongo from detention ²²	–	–	–	–	+
3	Gabon coup leader Brice Nguema vows free, transparent elections ²³	+	–	–	+	+

Source: compiled by Tamara S. Yakova, Alexander V. Kolesnichenko, Ilona O. Danilina.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили классифицировать подходы газеты The Times к освещению переворотов в Нигере и Габоне в контексте *военной журналистики*. Эти подходы не совпадают с концепцией *конструктивной журналистики* и содержат смыслы, ориентированные на определенные векторы развития конфликтных ситуаций. Речь об использовании военных действий в качестве повода для формирования односторонней медийной картины: военные противостояния рассматриваются как средство достижения целей одной стороны, как способ распространения интересов конкретных групп, принимающих решения, где победители не учитывают потери и убытки, интересы населения (Якова, 2023). Редакционная политика The Times обусловлена национальными интересами страны, принадлежностью издания, в связи с этим она направлена на реализацию стратегии Великобритании по наращиванию влияния на Африканском континенте. Журналисты использовали приемы дегуманизации и демонизации

¹⁹ Assheton R. How Gabon's president was ousted by his closest aide // The Sunday Times. 2023, 2 October. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/how-gabons-president-was-ousted-by-his-closest-aide-t6cmwktfh> (accessed: 03.11.2023).

²⁰ Flanagan J. Gabon junta frees ousted President Bongo from detention // The Times. 2023, 7 September. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/gabon-junta-frees-ousted-president-bongo-from-detention-p72z6j0lg> (accessed: 03.11.2023).

²¹ Assheton R. Gabon coup leader Brice Nguema vows free, transparent elections // The Times. 2023, 5 September. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/gabon-coup-leader-brice-nguema-free-elections-gh2hkbtd5> (accessed: 03.11.2023).

стран-конкурентов (Франции и России), сознательно игнорировали мнение местного населения, не показывали позиции разных сторон конфликта, в результате в статьях формировалась искаженная картина реальности.

Список литературы

- Гемуева К.А. Китайское экономическое присутствие в Восточной Африке на примере Кении // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 3. С. 112–137. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-3-72-112-137>
- Глухова А.В., Тимофеева Л.Н. Российская политическая конфликтология: состояние и проблемы // Политические науки. 2016. № 2. С. 13–39.
- Никитин А.И. Международные конфликты и их урегулирование // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 2. С. 3–16.
- Сурков Н.Ю. Харизматическое лидерство в условиях Ближнего Востока и Северной Африки в XXI веке: региональная специфика и перспективы эволюции феномена // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 2. С. 123–140. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-123-140>
- Чупрыгин А.В., Чупрыгина Л.А., Матросов В.А. Ливия, Соединенные Штаты и Россия в бесконечной игре в шашки // Россия в глобальной политике. 2021. № 19 (3). С. 50–63. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-3-50-63>
- Федорченко А., Крылов А., Морозов В., Шебалина Е., Лошкарев И. Российско-Африканское взаимодействие и дипломатия саммитов. Проблемы и перспективы // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 4. С. 37–51. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.4>
- Якова Т.С. Концептуальные подходы к освещению международных конфликтов // Меди@льманах. 2023. Т. 117. № 4. С. 68–78. <https://doi.org/0.30547/mediaalmanah.4.2023.6878>
- Biersteker T. Understanding effectiveness of international sanctions // *MGIMO Review of International Relations*. 2019. Vol. 66. No. 3. Pp. 7–16. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-3-66-7-16>
- Bro P. Constructive journalism: proponents, precedents, and principles // *Journalism*. 2019. Vol. 20. No. 4. Pp. 504–519. <https://doi.org/10.1177/1464884918770523>
- Gyldensted C. From mirrors to movers: five elements of positive psychology in constructive journalism. Charleston, SC: Group Publishing, 2015.
- McIntyre K. Constructive journalism: the effects of positive emotions and solution information in news stories: PhD Thesis. Chapel Hill, NC: University of North Carolina, 2015.
- Merkley E. Are experts (news) worthy? Balance, conflict, and mass media coverage of expert consensus // *Political Communication*. 2020. Vol. 37. No. 4. Pp. 530–549. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1713269>
- Safranchuk I.A., Nesmashnyi A.D., Chernov D.N. Africa and the Ukraine crisis: exploring attitudes // *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21. No. 3. Pp. 159–180. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-3-159-180>
- Vartanova E., Gladkova A., Dunas D. On representation of conflict in modern academic discourse // *Online Media and Global Communication*. 2023. Vol. 1. No. 4. Pp. 794–814. <https://doi.org/10.1515/omgc-2022-0063>
- Wasserman H. Media, conflict and democratisation in Africa: political communication by other means // *Media Linguistics*. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 429–440. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.401>

References

- Biersteker, T. (2019). Understanding effectiveness of international sanctions. *MGIMO Review of International Relations*, 66(3), 7–16. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-3-66-7-16>

- Bro, P. (2019). Constructive journalism: Proponents, precedents, and principles. *Journalism*, 20(4), 504–519. <https://doi.org/10.1177/1464884918770523>
- Chuprygin, A.V., Chuprygina, L.A., & Matrosov, V.A. (2021). Libya, the United States and Russia in an endless game of checkers. *Russia in Global Affairs*, 19(3), 50–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-3-50-63>
- Fedorchenko, A., Krylov, A., Morozov, V., Shebalina, E., & Loshkarev, I. (2022). Russian–African cooperation and summit diplomacy. Challenges and opportunities. *International Trends*, 20(4), 37–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.4>
- Gemueva, K.A. (2020). Chinese economic presence in East Africa: The case of Kenya. *MGIMO Review of International Relations*, 13(3), 112–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-3-72-112-137>
- Glukhova, A.V., & Timofeeva L.N. (2016). Russian political conflict studies: State and problems. *Political Science*, (2), 13–39. (In Russ.)
- Gyldensted, C. (2015). *From mirrors to movers: Five elements of positive psychology in constructive journalism*. Charleston, SC: Group Publishing.
- McIntyre, K. (2015). *Constructive journalism: The effects of positive emotions and solution information in news stories*. PhD Thesis, University of North Carolina, Chapel Hill, NC.
- Merkley, E. (2020). Are experts (news) worthy? Balance, conflict, and mass media coverage of expert consensus. *Political Communication*, 37(4), 530–549. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1713269>
- Nikitin, A.I. (2006). International conflicts and their resolution. *World Economy and International Relations*, (2), 3–16. (In Russ.)
- Safranchuk, I.A., Nesmashnyi, A.D., & Chernov, D.N., (2023). Africa and the Ukraine crisis: Exploring attitudes. *Russia in Global Affairs*, 21(3), 159–180. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-3-159-180>
- Surkov, N.Y. (2020). Charismatic leadership in the Middle East and North Africa in the 21st century: regional specifics and prospects for the evolution of the phenomenon. *MGIMO Review of International Relations*, 13(2), 123–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-123-140>
- Vartanova, E., Gladkova, A., & Dunas, D. (2023). On representation of conflict in modern academic discourse. *Online Media and Global Communication*, 1(4), 794–814. <https://doi.org/10.1515/omgc-2022-0063>
- Wasserman, H. (2019). Media, conflict and democratisation in Africa: Political communication by other means. *Media Linguistics*, 6(4), 429–440. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.401>
- Yakova, T.S. (2023). Conceptual approaches to covering international conflicts. *Medi@lmanakh*, 117(4), 68–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/mediaalmanakh.4.2023.6878>

Сведения об авторах:

Якова Тамара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-5640-267X. E-mail: t-yakova@mail.ru

Колесниченко Александр Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры цифровой журналистики, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0003-3972-5247. E-mail: april-7@yandex.ru

Данилина Илона Олеговна, магистрант, кафедра зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0009-0003-3120-1569. E-mail: danilina.ilona.olegovna@mail.ru

Bio notes:

Tamara S. Yakova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5640-267X. E-mail: t-yakova@mail.ru

Alexander V. Kolesnichenko, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Digital Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3972-5247. E-mail: april-7@yandex.ru

Ilona O. Danilina, Master's Student, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0009-0003-3120-1569. E-mail: danilina.ilona.olegovna@mail.ru



DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-125-134

EDN: GEZBVX

UDC 070:654.191

Research article / Научная статья

Old radio in new guise: understanding relevance of amateur/ham radio in India


Arunima Mukherjee¹, Pratip Chattopadhyay², Anna N. Moreva^{3,4}

¹University of Calcutta, Kolkata, Republic of India

²University of Kalyani, Kalyani, Republic of India

³Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

⁴RUDN University, Moscow, Russian Federation

 arunimamukherjee2009@gmail.com

Abstract. Development of information and communication technology in India has reached a new height with the successful landing of Chandrayan-3 to moon in August 2023. In such a developed milieu of communication, otherwise seen as obsolete medium of communication, amateur radio must be revisited and seen in the context of their present form of activities in India. Ham radio organizations are present in almost all countries of the world, but it was mainly seen as a means of communication in a pre-digital world. Ham radio organizations in Indian society with their exemplary activities in the resent millennium seems to be the silent servers of society cutting across communities without much media or academic attention as compared to community radio organizations which caters to specific communities with specific goals. The study aims to highlight such untapped potential of ham radio in Indian society which can be used as an alternative communication channel in emergency situations. It is concluded by arguing that ham radio resonates the spirit of logic, logistics and language of new digital media era and can be seen as a balanced communication form between old media and new media era.

Keywords: Indian media, emergency radio, radio broadcasting, radio amateurs, radio technology

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 27, 2023; revised November 30, 2023; accepted December 19, 2023.

For citation: Mukherjee, A., Chattopadhyay, P., & Moreva, A.N. (2024). Old radio in new guise: Understanding relevance of amateur/ham radio in India. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 125–134. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-125-134>

© Mukherjee A., Chattopadhyay P., Moreva A.N., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Старое радио в новом контексте: понимание актуальности любительского радио в Индии


А. Мукерджи¹  , П. Чаттопадхьяй² , А.Н. Морева^{3,4} 

¹Университет Колкаты, Колката, Республика Индия

²Университет Кальяни, Кальяни, Республика Индия

³Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

⁴Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 arunimamukherjee2009@gmail.com

Аннотация. Развитие информационно-коммуникационных технологий в Индии достигло новой высоты с успешной посадкой аппарата «Чандраян-3» на Луну в августе 2023 г. В такой развитой среде коммуникаций любительское радио, которое нередко рассматривается как устаревшее средство связи, должно быть пересмотрено и переосмыслено в контексте его нынешней формы деятельности в Индии. Организации радиолюбителей существуют почти во всех странах мира, но в основном они рассматриваются как средство коммуникации доцифрового периода. В индийском обществе любительские организации радио с их образцовой деятельностью в новом тысячелетии кажутся своего рода молчаливыми служителями социума, они охватывают те сообщества, которые остались без внимания массмедиа и академических кругов. В этом их отличие от станций радиовещания, которое обслуживают конкретные аудитории с конкретными целями. В исследовании освещается неиспользованный потенциал любительского радио в индийском обществе, а именно применение в качестве альтернативного канала связи в чрезвычайных ситуациях. Делается вывод, что любительское радио отвечает духу логики, логистики и языка новой эпохи цифровых медиа и может рассматриваться как сбалансированная форма коммуникации между традиционными и новыми медиа.

Ключевые слова: индийские медиа, радио в чрезвычайных ситуациях, радиовещание, радиолюбители, технологии радио

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 27 сентября 2023 г.; отрецензирована 30 ноября 2023 г.; принята к публикации 19 декабря 2023 г.

Для цитирования: Mukherjee A., Chattopadhyay P., Moreva A.N. Old radio in new guise: understanding relevance of amateur/ham radio in India // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 125–134. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-125-134>

Introduction

Academic approach to radio communication is a linear approach from Ham radio to AM radio to FM radio signifying the phase wise evolution of radio communication in tune with technological advancement. Questioning this stereotype and with a first-hand field survey experience of research on contemporary scenario of Ham radio operation in India, this paper brings back ham radio as a contemporary and even strategic medium of radio communication with its continuous effort to update and upgrade in tune with technological advancement in radio antenna

preparation for catching signals even in remote locations to be effective during emergency situations of disaster. As electronic telecommunication system reached new heights several other forms of message dissemination channels emerged from television to private radio channels to the latest social media platforms. In the midst of these changes radio communication still remains most affordable and convenient channel of communication mostly in rural areas, wherein amateur radio figures.

Technology and radio communication in 21st century world. In our era new media have redefined in a considerable way the reception and consumption of radio communication through a system which is referred to as “produsage” (Bruns, 2007) to signify a drift from analogue system to transmission through digital mode. This drift, as scholars argue is “evidence of an ecological reconfiguration and a recasting roles evolving media landscape” (Gurevitch et al., 2009, p. 167). Based on digitised technology there is more scope for participation in amateur radio system as against the traditional system thereby strengthening participation of audience in the present generation of broadcast content. Radio production and deliberation was seen to be used for passive consumers but in this age of interaction can lead to collaborative radio production of communication. In fact, social network, website, mobile phone, can be seen today as the basis of going up to the mobile phone users, having no time for listening to radio broadcasts (Mare, 2013, p. 35). Digital technologies strengthen the position of radio as the most comfortable way of consuming information, which indicates a revolutionary rebirth of consumer attitudes towards radio. Audio content can be listened to at any time today, and its creation does not require financial expenses. Thus, the consumer attitude also corrects the scenario of the technological “birth” of radio content. Due to the emergence of podcasts as one of the genres of radio content based on amateur interest, radio in the modern global media landscape is becoming almost the most important phenomenon, interest in which is constantly growing. Today, live radio broadcasts from events are less interesting to consumers, urgent messages can be read by consumers on social media as the fastest instruments of mass communication. The concept of urgency and urgency today is more the responsibility of new and social media. The immersive component of radio thus fades into the background, it is not the effect of presence that is more important to consumers, but a more constructive discourse: recorded and pre-edited interviews, discussions etc. And podcasts are the most convenient format for such content. An example of such a change in the consumption of radio content, in particular in Russia, is the Russian Public Opinion Research Center survey in 2020. According to the results of the study, every second person in Russia listens to radio today, and every fifth listens to podcasts. Over the past 15 years, almost one in four has left the audience of the national radio. 24% of respondents report that they listen to the radio less than five-seven years ago, and 18% – that the same amount as before. One in five respondents listens to podcasts (19%), more often Russians aged 18–24 and 25–34 (26% each). A similar study in the same period in India also confirms this. As of 2020, about 12 percent of India's population (167,566,440 people) reported listening to podcasts. Podcasts are forming an emerging segment of the audio industry in India, despite the rapid trend that has swept the globe. Thus, the podcast format

is a bright competitor to classical radio. The main difference between the podcast is that you do not need to buy expensive technical solutions to make it. Placement of such content is possible immediately after editing, on any podcast platform, but unfortunately, as mentioned above, the podcast as a format lacks the effect of presence and immersiveness. The podcast absolutely excludes the simultaneity of the event and the information message, which indicates the uninformative nature of the format. Even after accepting the fact that radio transmitter is an old age communication model compared to digital communication system, amateur radio operators remain firm on their belief that amateur radio communications still serves an important educational and emergency role.

Amateur radio is interchangeably called ham radio but the word ham radio has a derogatory origin used by telegraph people with sound knowledge to those operators having lesser knowledge of communication techniques meaning that they are ham-fisted or constrained by poor skills. Irrespective of their origin, today amateur radio or ham radio has become the alternative communication channel during emergency. Every licensed ham operator has a call sign that they've either been assigned or have chosen for themselves (called a vanity call sign). Call signs usually have a prefix suggesting the country code and a suffix reflecting unique identification number of a ham operator. Through the International Amateur Radio Union (IARU), an ITU member, the radio amateur community makes important contributions to the preparatory studies for each World Radio communication Conference (WRC).

Methods

This study through a literature review of works on amateur radio finds a research gap about lack of materials on working of ham radio in India. This is a qualitative study based on field survey method and interview method with both ham radio operators in India (secretaries of Delhi Amateur Radio Society, West Bengal Radio Club, Indian Institute of Hams to name a few), of government officials dealing with ham radio regulations in India (chief dealing officer of Wireless Processing of Government of India and also with Eastern Regional Director of WPC wing in India), with field officers of National Disaster Relief Force (NDRF) who link up ham radio operators with disaster rescue mechanism in India and also through focus group discussion method with disaster affected persons in villages (Kultoli village in South 24 pargana district in West Bengal federal unit of India) in India where ham radio players second line of communication during natural disaster led emergencies. This study also includes a historical analytical method to underscore the position of Ham Radio in Russian federation as well.

Richard Barlett unravels (2015) that apart from being a mere hobby, radio theory, scientific knowledge, ability to build transistors and receivers with home-made materials are some of the passionate areas of ham operators. The work by Vindo Pavarala and Kanchan Malik (2007) traces the emergence and functioning of community radio in India. The book noted marginalisation as the independent variable but fails to highlight the relationship between community radio and ham radio and how community radio can truly become citizen communication involving citizens at individual level voluntarily as ham radio does.

Recent studies (Logvinov, Smolskiy, 2022, p. 21) highlight the evolution of modern radio receiver designing, alongside revealing the rationale and methodology for effective operation for various purpose in different networks. They highlight methods of generating and processing signals in the digital systems radio receivers with multiple accesses, with data transfer rates close to the maximum possible and try to ensure conditions for receiving signal in the era of information and communication technologies for amateur radio operators. In any analysis of radio communication an understanding of spectrum spread is very important. Various scholars (Xu et al., 2012; Wadhwa et al., 2012) indicate that radio spectrum is regarded as one of the most precious resources in wireless communications. Off late it is noticed by scholars that spectrum underutilisation is a major concern among the group of licensed networks those who are allotted fixed spectrum band. In order to utilise the advancement of radio communication technology to make spectrum allocation more effective and simple the spectrum allocation policy has underwent a major overhaul. Cognitive Radio (CR) is a system that can sense the boundaries of outside spectrum without making any interference to the primary radio user even when there is a transmission form moderate to high powers.

Amateur radio in Russia has developed difficult. Amateur radio was legally recognized in the mid-20s in the USSR. By 1930, there were more than 450 amateur radio stations in the USSR. Radio was seen as a unidirectional media. “Accordingly, the task of the radio circles was not to communicate, but solely to receive the signal from the capital. This strong characteristic of radio clubs in the Soviet Union was not observed in other countries” (Rikitianskaia, 2017, p. 157). In the conditions of the ideological formation of the USSR, radio amateurs aroused the special interest of the state. And amateur radio was considered not only as a harmless activity, but also as a tool for spreading dangerous ideological information. Thus, by the end of the Soviet Union as an empire, the ways of circumventing legal restrictions by radio amateurs had reached phenomenal ingenuity. The capital of such an informal broadcast was the city of Leningrad, where the unofficial radio broadcast died only in the late 1990s. Researcher Natalia Konradova writes about this in detail in her book “The Archaeology of the Russian Internet” (2022). With the collapse of the USSR, Soviet amateur radio, it should be noted, did not end. Like the Indian ham radio, it is currently outside the attention of mass media researchers.

Results

In recent years, historiography of technology tries to focus attention on exploring interaction between technical, instrumental and service aspect of technology for socio-cultural and economic components of development suited to a particular culture. In pace of binaries of science and technology on one hand and on other hand of technological development and social preparedness, contemporary scholars argues for an interactive approach based on seamless web of networking in which the technology, science, social, economic and political are overlapping categories. In our times, radio operators increasingly gets knowledgeable about advancement of information and communication technology and sometimes depend more on computer transmissions to regulate and record their data for more

high frequency and very high frequency data transmissions. Far from being obsolete, ham radio is preparing itself for new usage in digitised media era, including as a backup to the communication media during natural disasters. Even after accepting the fact that radio transmitter is an old age communication model compared to digital communication system, amateur radio operators remain firm on their belief that amateur radio communications still serves an important educational and emergency role. In brief it can be said that in contemporary India ham radio is an innovative field of enquiry of research and development in normal times but it acts as second line of communication in times of emergency. In our time when ethos of commercialisation and profit motive drives the competitive radio communication in contemporary mediascape in Indian society and government radio channels sticks to the basic of providing information, the amateur radio operators individually and organizationally tries hard to provide selfless voluntary community service cutting across identity barriers thereby becoming true institutional representative of massification of society. The culture of radio consumption was formed in Russia due to amateur radio, the phenomenon of freaking and the harmonious displacement of “underground” channels for broadcasting radio information in modern ways – official radio stations and podcasts.

Discussion

Radio communication research can be understood properly from development communication theoretical perspective to find out the beneficial role of radio communication in society to break its cultural and social barriers. While community radio research are rooted in this paradigm (Malik, Pavarala, 2020, p. 25), Ham radio communication will be more effectively studied from participatory communication model (Servaes, Malikhao, 2005, p. 66) to note the degree of voluntary involvement of people turning citizen into Hams to play an important social role.

Amateur radio has been operative in the West from late 19th century but in India it started from 1921 onwards. Before independence amateur radio in India operated in amateurish and adventurist way at individual level mostly helping local administration. With the dawning of 21st century ham radio working in India started to focus on assisting civic administration not only in disaster management but also in mishap management. It is a learning experience for mainstream corporatised radio communication channels to draw the line between daily stylised communication and grounded specific communication pattern or in other words the distinction in media analysis between entertainment provider and service provider (Bonni, 2014, p. 15). In India, Government of India has established a dedicated Department of Vigyan Prasar with a dedicated scientific officer (Mr. Sanjeev Barua) for amateur radio services, rules and regulations under the Wireless Planning and Communication Wing, Ministry of Telecommunications. The National Institute of Amateur Radio in Bengaluru is the nodal organisation Ham radio in India with many other organizations spread across various states in India.

National Institute of Ham Radio (NIAR) in Hyderabad is the nodal organization receiving Govt funds to undertake awareness program activities of ham radio. It publishes a quarterly news magazine called Ham News having information

of ham activities across the country. S. Suri and S. Rammohan are prominent officials of NIAR.

Indian Institute of Hams (IIH) in Bangalore with S. Satyapal as Director, uniquely had set up Ham Action Force to bring together young hams trained in virtual disaster communication to address emergency situation. The Institute can handle and provide communication network in service of the nation.

Based on the activities of these organisations the following new areas of amateur radio operations can be cited from Indian experience:

(a) Disaster Management and Rescue Operation – the website of Indian Academy of Communication and Disaster Management¹ highlight in detail the large number of events of disaster in which Hams kept alive communication system. Their tool kits are powered by solar energy apart from other back up technicalities and hence their communication channels remain intact.

(b) Mishap Management – Hams assists police and civic administrators to find out lost people and reunite them with family members.

(c) Assisting Detective Department – Hams are trained in ‘Fox Hunt’ – a technique to find out radio transmitting devices in a particular region which remain outside the radar of detective department. Reports are published about such incidents in last one decade. Wireless operator section in charge of Kolkata Police seconded this effort of ham operators.

(d) Assisting Election Commission – Particularly during 2019 Lok Sabha and 2021 State Assembly Election, Hams in West Bengal have been used by Election Commission of India to assist in ‘shadow zones’ area where mobile network not available to keep in touch with polling officers.

In an article a group of scholars (Kumar et al., 2020, p.1251) on “Live Streaming of Agriculture Market Statistics to the Remote Village Areas Using Amateur Radio” argues that in farming sector in rural areas ham radio operators help in dispersing knowledge among farmers across the country about the different experiences about productivity and profitability. Highlighting disaster communication role of amateur radio scholars (Kapur et al., 2017, p. 6) mention that communication pattern for disaster situation focuses on recovery and response. Sometimes power cut and power blockage and affected cellular service become hurdles before amateur radio operators. The communication system that amateur operators present at that time is seen as risk communication to prevent and resolve disaster related problems, provide information for recovery operations during and after disasters.

Conclusion

Indian political and social system at present is influenced by rapid development in the field of telecommunication and satellite communication. Space missions, jet planes with higher speeds, medical advancements, digitised communication world, tremendous development in telecommunication sector are some of the achievements of this era. Amateur Radio through their research have also triggered the telecommunication research in field of radio communication. Direction

¹ Indian Academy of Communication and Disaster Management. Retrieved from <https://www.iacdm.com/>

finding, Dexpeditions, ham-fests, JOTA, QRP operations, contestations, DX Communications, light house fox hunting operations and island expeditions are some of the major achievements of ham radio operators in these days. Amateur radio operators can now decode satellite images by using their technical knowhow to give updates on weather, rains, flood possibilities. Some years ago, India launched its own amateur radio satellite – VO52, which was extensively used by both Indian and foreign Ham operators. It must be said that ham radio services are among the most important national service for public purpose.

New media is not merely some new platforms of communications, but a value based on quick, transparent and seamless flow of communication at any level. Amateur radio or Ham radio is the only hobby in the world which requires license to operate it. As a result, every Ham (amateur radio operator) has some basic knowledge of radio circuit, radio spectrum allocation, transmitter antenna modalities and tools required for effective communication spread as they need to give an exam before securing their license. Hence every Ham remains passionately engaged in quest for developing new ways of technical advancement that at one end remain in tune with latest development in technological advancement but at the same time be cost effective and communication efficient. The goal of Hams is in tune with new media goals – to establish secured uninterrupted communication in all time even during disasters hen all communication channels break down. So mock drills with coast guards to make awareness to establish communication during cyclones, to engage with civil and police administration to find missing persons, to engage school and college students with scientific temperament towards building new ways of communication by awareness camps with boy and girl scouts, to introduce cheaper transmitter through continuous research and development works are the issues that keeps Hams engaged across the world and particularly in several federal units of India. According to Suri (2019), being a selfless and altruistic committed social service of communication that ham operators are engaged in, funding from government and NGOs remain the primary concern for the coming days. Despite such concerns it can be concluded that amateur/ham radio news appears every day in newspapers for their continuous social service based on their modern technical radio communication gadgets testify they amateur/ham radio are indeed active and lively may be in a new form of higher technical communication level in our times.

References

- Barlett, R.A. (2015). *The world of ham radio, 1901–1950: A social history*. London: McFarland & Co Inc.
- Bonni, T. (2014). The new role of media and its public in the age of social network sites. *First Monday*, 19(6). <https://doi.org/10.5210/fm.v19i6.4311>
- Bruns, A. (2007). Prodsage: Towards a broader framework for user-led content creation. In B. Shneiderman (Ed.), *Proceedings of 6th ACM SIGCHI Conference on Creativity and Cognition 2007* (pp. 99–105). Association for Computing Machinery, United States of America.
- Gurevitch, M., Coleman, S., & Blumler, J.G. (2009). Political communication – old and new media relationships. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 625(1), 164–181. <https://doi.org/10.1177/0002716209339>

- Kapur, G.B., Bezek, S., & Dyal, J. (Eds.). (2017). *Effective communication during disasters: Making use of technology, media, and human resources*. New York: Apple Academic Press. <https://doi.org/10.1201/9781315365640>
- Konradova, N.A. (2022). *The archaeology of the Russian Internet: Telepathy, teleconferencing and other Cold War techno-utopias*. Moscow: Corpus Publ. (In Russ.)
Конрадова Н.А. Археология русского интернета: телепатия, телемосты и другие техноутопии холодной войны. М.: АСТ, CORPUS, 2022. 271 с.
- Kumar, H.V., Reddy, K.V.M., Reddy, B.S., Reddy K.N., & Reddy K.Y.K. (2020). Live streaming of agriculture market statistics to the remote village areas using amateur radio. *International Journal of Innovative Science and Research Technology*, 5(4), 1250–1252.
- Logvinov, V.V., & Smolskiy, S.M. (2022). Noise immunity of radio receivers. *Radio Receivers for Systems of Fixed and Mobile Communications. Textbooks in Telecommunication Engineering*. Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-76628-3_4
- Malik, K., & Pavarala, V. (Eds.). (2020). *Community radio in South Asia: Reclaiming the airwaves*. London: Routledge India. <https://doi.org/10.4324/9781003056232>
- Mare, A. (2013). New media, pirate radio and the creative appropriation of technology in Zimbabwe: Case of radio voice of the people. *Journal of African Cultural Studies*, 25(1), 30–41. <https://doi.org/10.1080/13696815.2012.749781>
- Pavarala, V., & Malik, K. (2007). *Other voices: The struggle for community radio in India*. New Delhi: Sage.
- Rikitiaskaia, M. (2017). How children learned to listen: The formation of radio clubs in the Soviet Union. *Logos*, 27(5), 141–162. (In Russ.)
Рикитянская М. Как детей учили слушать(ся): становление радиокружков в Советском Союзе // Логос. 2017. Т. 27. № 5. С. 141–162.
- Servaes, J., & Malikhao, P. (2005). Participatory communication: The new paradigm? In O. Hermer & T. Tuftte (Eds.), *Media and Global Change: Rethinking Communication for Development* (pp. 91–100). Gothenburg, Buenos Aires: Nordicom.
- Suri, S. (2019). *All about ham radio*. New Delhi: BUUKS.
- Wadhwa, M., Xin, C., Song, M., Diawara, N., Zhao, Y., & Kaur, K. (2012). Optimal spectrum sharing for contention-based cognitive radio wireless networks. In X. Wang, R. Zheng, T. Jing & K. Xing (Eds.), *Wireless Algorithms, Systems, and Applications. WASA 2012. Lecture Notes in Computer Science* (vol. 7405). Berlin, Heidelberg: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-31869-6_16
- Xu, X., Huang, A., Zhang, J., & Zheng, B. (2012). Bit allocation scheme with primary base station cooperation in cognitive radio network. In R.D. Deshpande (Ed.), *Lecture Notes in Computer Science* (pp. 178–186). Springer.

Bio notes:

Arunima Mukherjee, lecturer, doctoral student in journalism, Department of Journalism and Mass Communication, Gurudas College, University of Calcutta, 1/1 Suren Sarkar Rd, Kolkata, West Bengal, 700054, Republic of India. ORCID: 0009-0003-7410-2528. E-mail: arunimamukherjee2009@gmail.com

Pratip Chattopadhyay, PhD (Political Science), Associate Professor and Head Department of Political Science, University of Kalyani, Kalyani, Nadia, 741235, West Bengal, Republic of India. ORCID: 0000-0002-9380-7115. E-mail: chatterjee23_pratip@yahoo.co.in

Anna N. Moreva, curator and author of the training program of the Russian-Indian project of the Moscow State Linguistic University and the Indian Institute of Social Security and Business Management (Kolkata), senior lecturer, Department of Communication Technologies, Deputy Director for Project Activities and Media Communications, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, 38 Osto-

zhenka St, Moscow, 119034, Russian Federation; lecturer, Department of Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-3404-285X. E-mail: annseasoul@gmail.com

Сведения об авторах:

Мукерджи Арунима, преподаватель, докторант кафедры журналистики, департамент журналистики и массовых коммуникаций, Колледж Гурудас, Университет Колкаты, Республика Индия, 700054, Западная Бенгалия, Колката, шоссе Сурен Саркар, д. 1/1. ORCID: 0009-0003-7410-2528. E-mail: arunimamukherjee2009@gmail.com

Чаттопадхьяй Пратип, доктор философии (политические науки), доцент и заведующий кафедрой политологии, Университет Кальяни, Республика Индия, Западная Бенгалия, 741235, Надия, Кальяни. ORCID: 0000-0002-9380-7115. E-mail: chatterjee23_pratip@yahoo.co.in

Морева Анна Николаевна, куратор и автор обучающей программы российско-индийского проекта Московского государственного лингвистического университета и Индийского института социального обеспечения и управления бизнесом (г. Колката), старший преподаватель кафедры коммуникационных технологий, заместитель директора по проектной деятельности и медиакоммуникациям, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38; преподаватель, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0006-3404-285X. E-mail: annseasoul@gmail.com



НОВЫЕ МЕДИА

NEW MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-135-151

EDN: HBALMC


УДК 070:7.097

Научная статья / Research article

Телеканалы в период турбулентности: контент-стратегии в социальных медиа

Л.А. Круглова  , Г.Г. Щепилова 

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация*

 abiljo@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты экспертизы шести российских телеканалов (Первый канал, «Россия 1», НТВ, СТС, ТНТ, «Пятница!»), выявлены особенности их работы с социальными медиа «ВКонтакте» и «Одноклассники». Сделана попытка определить изменившиеся цифровые контент-стратегии телеканалов в условиях турбулентности. Изучена эффективность ТВ-аккаунтов в социальных сетях в течение четырех недель 2022 и 2023 гг. Проанализированы следующие параметры: количество постов, комментариев пользователей, просмотров и лайков. На основании аудиторных и канальных активностей определен коэффициент вовлеченности пользователей в публикуемый контент (Engagement Rate). Обозначены наиболее востребованные у аудитории публикации, рассмотрены их форматы и тематическая направленность. Отмечен вернувшийся интерес к ресурсу «Одноклассники». Также зафиксирована тенденция прошлых лет, когда телевизионные каналы дублировали контент в своих аккаунтах различных социальных сетей. В период изменения медиаландшафта и социальной турбулентности отмечен аудиторный запрос, с одной стороны, на новостную повестку, с другой – на развлекательный, а точнее «отвлекающий» контент.

Ключевые слова: телевидение, развлекательный контент, коэффициент вовлеченности, активность пользователей, медиapotребление, медиаландшафт

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 2 декабря 2023 г.; отрецензирована 16 декабря 2023 г.; принята к публикации 3 января 2024 г.

Для цитирования: Круглова Л.А., Щепилова Г.Г. Телеканалы в период турбулентности: контент-стратегии в социальных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 135–151. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-135-151>

© Круглова Л.А., Щепилова Г.Г., 2024




This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

TV channels in a period of turbulence: content strategies in social media

Lyudmila A. Kruglova  , Galina G. Shchepilova 

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 abiljo@mail.ru

Abstract. The results of the examination of six Russian TV channels (Channel One, Rossiya 1, NTV, STS, TNT, Friday!) are presented, the peculiarities of their work with social media VKontakte and Odnoklassniki are revealed. An attempt was made to identify the changed digital content strategies of TV channels in turbulent conditions. The effectiveness of TV accounts in social media during four weeks of 2022 and 2023 has been studied. The following parameters were analysed: number of posts, user comments, views and likes. Based on audience and channel activity, the Engagement Rate of users in the published content was determined. The most popular publications among the audience were identified, their formats and thematic focus were reviewed. The return of interest to the Odnoklassniki resource was noted. The tendency of the past years when TV channels duplicated content in their accounts of various social networks was also recorded. During the period of changes in the media landscape and social turbulence, the audience demand for news agenda, on the one hand, and entertainment, or rather “distracting” content, on the other hand, was noted.

Keywords: TV, entertainment content, engagement rate, user activity, media consumption, media landscape

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 2, 2023; revised December 16, 2023; accepted January 3, 2024.

For citation: Kruglova, L.A., & Shchepilova, G.G. (2024). TV channels in a period of turbulence: Content strategies in social media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 135–151. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-135-151>

Введение

В 2022 г. произошла вынужденная миграция интернет-пользователей: блокировка части социальных сетей в России привела к перемещению аудитории с западных площадок на российские. Несмотря на рост медиапотребления в социальных медиа, традиционное телевидение в России остается главным СМИ по охвату. К октябрю 2022 г. россияне не только не отказались от телесмотрения в пользу цифровых изданий, как ожидалось, но по сравнению с сентябрем 2021 г. (когда был наименьший показатель просмотра телевизионных новостей за новую историю) произошел небольшой рост.

Количество научных публикаций о взаимодействии СМИ с социальными медиа, технологиях SMM (social media marketing) невелико. При этом статьи последних лет посвящены различным аспектам этого тематического блока, в том числе цифровым медиа во взаимодействии с социумом (Градюшко, 2023; Дугин, 2023; Поляков, 2023; Соколов, 2023; Долгова, Шептуха, 2023; Уразова, 2022, Экосистема медиа., 2021; Волкова и др., 2021 и др.). Следует отметить исследования, связанные с размещением телевизионного контента в

социальных сетях (Файкова, 2022; Проскурнова и др., 2023; Волкова, Глазкова, 2021; Chobanyan, 2020; Волкова, 2019). Можно выделить зарубежных авторов, которые подчеркивали значимость социальных медиа для развития медиасферы в контексте маркетинга (Hoeck, Spann, 2019; Shawky et al., 2019; Lewis, Molyneux, 2018; Srivastava et al., 2018; Subhayan et al., 2018; Syrdal, Briggs, 2018; Nelson, Lei, 2017; Stefanone et al., 2010; Rogers, 2003).

В 2017 г. было проведено комплексное исследование и выявлены алгоритмы редакционной политики российских телевизионных каналов на цифровых ресурсах: официальных порталах, в социальных сетях, видеохостингах и мессенджерах. Авторы пришли к выводу, что российские «телевизионные каналы в большинстве своем недостаточно хорошо понимают специфику социальных сетей. Телевизионные каналы продолжают выстраивать коммуникацию с аудиторией по аналоговому принципу – от вещателя к массам. Довольно редко каналы пытаются привлечь интернет-аудиторию к сотворчеству, используя интерактивную функцию социальных сетей» (Щепилова, Круглова, 2018, с. 13).

Теперь в новой турбулентной¹ реальности предлагается актуальный обзор аккаунтов российских телеканалов в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники», дается оценка аудиторного отклика на работу телевизионных каналов в соцмедиа.

Выборка и методы

Выборка составлена с учетом среднегодового рейтинга, а также с учетом тематической сегментации телеканалов. В нее вошли шесть телеканалов – Первый канал, «Россия 1», НТВ, СТС, ТНТ, «Пятница!». Так называемая большая тройка (Первый канал, «Россия 1» и НТВ) сформировали свою аудиторию еще до цифровизации. СТС, ТНТ, «Пятница!» – самые рейтинговые в сегменте развлекательного телевидения, история их становления и накопления аудитории происходила также до цифровизации. Формально сейчас все шесть телеканалов «уравнены в правах», входят в число общедоступных каналов первого и второго мультиплексов.

Для детального анализа выбраны площадки «ВКонтакте», «Одноклассники» и Rutube как наиболее интересные с точки зрения развития в условиях трансформации медиаполя. В период перераспределения социальных медиа в России «ВКонтакте» предпринимает попытки занять место главной медийной российской площадки. Согласно отчету Mediascope, «ВКонтакте» – самая популярная социальная сеть России². К 2023 г. российская аудитория «ВКонтакте» составила 79,5 млн – столько пользователей ежемесячно заходили в соцсеть. К концу 2022 г. пользователи стали почти в полтора раза чаще листать ленту «ВКонтакте» – на 47 %. «Одноклассники» (после «ВКонтакте»),

¹ «Эпоха турбулентности – это исторический период, когда учащаются и обостряются социальные и международные конфликты, отягощенные ростом насилия, что находит выражение в интенсивности мятежей, революций, войн, ощущения краха прежних установлений, бурных противоречивых эмоций...» (Розов, 2019, с. 81).

² Итоги четвертого квартала 2022 г. «ВКонтакте»: рост выручки на 31% и месячной аудитории в России на 9,6 % – до рекордных 79,5 млн. URL: <https://vk.com/press/q4-2022-results> (дата обращения: 10.10.2023).

TikTok и Telegram) – четвертая по популярности соцсеть в России (по времени потребления среди населения), об этом говорит апрельский отчет 2023 г. Mediascope. По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), в конце марта 2022 г. в «Одноклассниках» были зарегистрированы семь из десяти россиян – 69,7 %³. В 2022 г. «Одноклассники» стала второй (после «ВКонтакте») среди российских соцсетей по числу уникальных пользователей.

Выявлялись периодичность и характер контента, который телеканалы предлагают в своих аккаунтах, изучалась активность аудитории. Количество подписчиков официального аккаунта соотнесено с их аудиторной активностью. Анализировался контент четырех случайных недель 2022 и 2023 гг.: 1) с 14 по 20 марта 2022 г., 2) с 15 по 21 августа 2022 г., 3) с 24 по 30 октября 2022 г.; 4) с 9 по 15 января 2023 г.

В каждой из недель анализировались следующие параметры: количество постов, комментариев, просмотров и лайков. На основании всех аудиторных и канальных активностей выделялся Engagement Rate – коэффициент вовлеченности пользователей в публикуемый контент (посты). При этом ERpost – среднее арифметическое коэффициента вовлеченности пользователей всех публикаций за анализируемый период. $ERpost = (\text{сумма лайков за весь период} + \text{сумма репостов за весь период} + \text{сумма комментариев за весь период}) / \text{количество подписчиков} / \text{количество публикаций за весь период}$. Кроме того, на основании всего массива материала выделены наиболее востребованные у аудитории публикации, формы подачи.

Конкретными задачами исследования стало выявление контент-стратегий, мониторинг и фиксация количественных и качественных характеристик деятельности выбранных телевизионных каналов, определение аудиторного отклика в социальных медиа «ВКонтакте» и «Одноклассники».

Результаты и обсуждение

Обнаружено, что все выбранные телеканалы работают с социальными медиа активно (табл. 1).

Если говорить об отдельных платформах, то у каждой из них есть свой лидер. СТС является самым востребованным в «Одноклассниках». На ТНТ продолжают считать наиболее подходящей сетью для общения со своей аудиторией «ВКонтакте», поэтому именно на этой площадке разворачивается основная работа. «Россия 1» демонстрирует более чем скромные охватные характеристики в социальных медиа, несмотря на заметные реформы и централизованную работу ВГТРК с социальными медиа в 2020–2022 гг. Невысокие показатели и у Первого канала. Стоит сказать, что во «ВКонтакте» у Первого канала есть еще 9 отдельных каналов («Новости Первого канала», «Kino1TV и др.). В «Одноклассниках» Первый канал (единственный из анализируемых) осуществляет прямую трансляцию эфира. Помимо основного аккаунта у канала в «Одноклассниках» есть еще три официальные

³ Исследование РАЭК: пользователи мигрируют в российские соцсети, но не торопятся удалять аккаунты в зарубежных. URL: <https://raec.ru/live/branch/13027/> (дата обращения: 10.10.2023).

страницы, в том числе «Ледниковый период». У «России 1» во «ВКонтакте» есть отдельные каналы «Конкурс „Синяя птица“», «Смотрим». В «Одноклассниках» у «России 1» – «Смотрим», «Синяя птица», «Вести». НТВ разделяет свой контент во «ВКонтакте» (как и в «Одноклассниках», и в Telegram) на два канала: НТВ и «НТВ/Развлекательное». У канала НТВ во «ВКонтакте» в дополнение есть аккаунты «НТВ-Плюс», «Ирада Зейналова» и др. В «Одноклассниках», кроме схожих с «ВКонтакте», создано 5 отдельных групп («Музыкальный беспредел» и др.). У СТС – 6 («СТС Love», «„Воронины“ на СТС» и др.), а также отдельные группы СТС по городам. В «Одноклассниках» у СТС 9 групп, в том числе «Уральские пельмени».

Таблица 1

Телевизионные каналы и количество подписчиков в социальных медиа в ноябре 2022 г. и в ноябре 2023 г.

Телеканалы	«ВКонтакте»		«Одноклассники»	
	2022	2023	2022	2023
«Первый канал»	2 121 095	2 139 322	930 000	960 459
«Россия 1»	1 147 734	1 196 956	694 000	773 756
НТВ	537 901	587 747	893 000	942 250
ТНТ	5 989 680	6 191 598	703 000	751 073
СТС	3 412 412	3 525 292	1 200 000	1 206 022
«Пятница!»	1 427 025	1 483 201	152 000	168 097

Источник: составлено авторами на основе мониторинга аккаунтов телеканалов в социальных медиа, ноябрь 2022 г. и ноябрь 2023 г.

Table 1

TV channels and number of subscribers on social media in November 2022 and November 2023

TV channels	VKontakte		Odnoklassniki	
	2022	2023	2022	2023
Channel One	2 121 095	2 139 322	930 000	960 459
Rossiya 1	1 147 734	1 196 956	694 000	773 756
NTV	537 901	587 747	893 000	942 250
TNT	5 989 680	6 191 598	703 000	751 073
STS	3 412 412	3 525 292	1 200 000	1 206 022
Friday!	1 427 025	1 483 201	152 000	168 097

Source: compiled by the authors based on the monitoring of TV channels' accounts in social media, November 2022 and November 2023.

У ТНТ есть 12 официальных групп во «ВКонтакте» В «Одноклассниках» – 4. У телеканала «Пятница!» во «ВКонтакте» 7 официальных дополнительных групп («Пацанки», «Ревизорро» и др.). Интересно, что во «ВКонтакте» у канала есть отдельная группа для кастинга («Кастинг и съемки телеканал

ПЯТНИЦА 18+»). Из официальных дополнительных групп в «Одноклассниках» у «Пятницы!» есть группа «Магазино». Больше всего неофициальных групп-клонов во «ВКонтакте» у ТНТ и СТС. В «Одноклассниках» поисковая система выдает гораздо меньше групп-клонов официальных аккаунтов каналов.

Таблица 2

**Количество обновлений и реакций «ВКонтакте»
в выбранные для исследования недели**

Телеканалы	Неделя	Количество постов	Просмотры по неделям	Лайки	Комментарии	Репост	ERpost, %
Первый канал	1	130	3 776 184	20 890	5746	2090	0,0135
	2	119	2 716 380	18 474	2754	1661	0,0092
	3	115	3 080 462	17 139	2685	1617	0,0102
	4	130	3 744 538	21 241	3131	1938	0,0097
«Россия 1»	1	87	2 151 789	38 533	–	3334	0,0458
	2	82	1 630 811	16 093	2045	2670	0,0217
	3	98	3 069 033	43 349	6880	5896	0,0495
	4	15	426 141	10 540	854	1285	0,0721
НТВ	1	180	4 182 790	75 814	15 733	7292	0,0934
	2	147	3 399 370	34152	7351	6602	0,0597
	3	232	5 691 148	44 675	10 246	6070	0,049
	4	28	775 307	12 302	1493	1012	0,0964
ТНТ	1	25	9 749 086	37 622	1445	3478	0,0207
	2	27	5 927 703	73 126	3188	6475	0,0507
	3	26	4 782 692	76 957	1470	5744	0,1277
	4	4	651 860	2946	144	324	0,0141
СТС	1	48	1 845 307	13 651	8869	645	0,0193
	2	43	2 813 203	21 289	1439	1713	0,0166
	3	59	2 737 816	19 445	1845	1983	0,0118
	4	6	478 344	5402	113	223	0,0279
«Пятница!»	1	17	1 012 504	9150	361	1090	0,1485
	2	15	908 295	10 308	339	959	0,0542
	3	20	1 475 980	22 397	387	1813	0,0931
	4	2	164 009	1686	40	206	0,0676

Источник: составлено авторами на основе мониторинга аккаунтов телеканалов во «ВКонтакте» в периоды: 1) с 14 по 20 марта 2022 г.; 2) с 15 по 21 августа 2022 г.; 3) с 24 по 30 октября 2022 г.; 4) с 9 по 15 января 2023 г.

Table 2

**Number of updates and reactions on VKontakte
in the weeks selected for the study**

TV channels	Week	Number of posts	Views by week	Likes	Comments	Repost	ERpost, %
Channel One	1	130	3 776 184	20 890	5746	2090	0.0135
	2	119	2 716 380	18 474	2754	1661	0.0092
	3	115	3 080 462	17 139	2685	1617	0.0102
	4	130	3 744 538	21 241	3131	1938	0.0097
Rossiya 1	1	87	2 151 789	38 533	–	3334	0.0458
	2	82	1 630 811	16 093	2045	2670	0.0217
	3	98	3 069 033	43 349	6880	5896	0.0495
	4	15	426 141	10 540	854	1285	0.0721
NTV	1	180	4 182 790	75 814	15 733	7292	0.0934
	2	147	3 399 370	34 152	7351	6602	0.0597
	3	232	5 691 148	44 675	10 246	6070	0.049
	4	28	775 307	12 302	1493	1012	0.0964
TNT	1	25	9 749 086	37 622	1445	3478	0.0207
	2	27	5 927 703	73 126	3188	6475	0.0507
	3	26	4 782 692	76 957	1470	5744	0.1277
	4	4	651 860	2946	144	324	0.0141
STS	1	48	1 845 307	13 651	8869	645	0.0193
	2	43	2 813 203	21 289	1439	1713	0.0166
	3	59	2 737 816	19 445	1845	1983	0.0118
	4	6	478 344	5402	113	223	0.0279
Friday!	1	17	1 012 504	9150	361	1090	0.1485
	2	15	908 295	10 308	339	959	0.0542
	3	20	1 475 980	22 397	387	1813	0.0931
	4	2	164 009	1686	40	206	0.0676

Source: compiled by the authors based on the monitoring of VKontakte accounts of TV channels: 1) from March 14 to 20, 2022; 2) from August 15 to 21, 2022; 3) from October 24 to 30, 2022; 4) from January 9 to January 15, 2023.

Результаты исследования показали, что наиболее активный из анализируемых каналов в размещении постов – НТВ, например, во «ВКонтакте» – 21 пост в сутки. Для сравнения: «Россия 1» – 10, Первый канал – 18.

Развлекательные каналы менее активны во «ВКонтакте»: ТНТ размещает 3 поста в сутки, канал СТС – 4–5, канал «Пятница!» – не больше 2 постов в сутки (табл. 2).

Первый канал в большинстве случаев делает перепост анонсов или программ своего сайта (видео и небольшой сопроводительный текст). «Россия 1» наряду с анонсами и программами канала размещает новостные сюжеты. У ВГТРК во «ВКонтакте» есть отдельная страница платформы «Смотрим» (183 тысячи подписчиков в 2023 г.), но там в основном анонсируются программы «России 1». НТВ размещает новостные сюжеты, иногда анонсы и программы канала. Интересно, что группа НТВ делает перепост своего отдельного канала «Ирада Зейналова».

Что касается взаимодействия с аудиторией, то из всего анализируемого периода только «Россия 1» отключала возможность комментирования в первую исследуемую неделю (с 14 по 20 марта 2022 г.). Это объясняется предыдущим негативным опытом (например, во «ВКонтакте» подписчики «России 1» позволяли себе неподобающие комментарии). Сейчас ненадлежащие комментарии на каналах, вероятно, модерятся. Малую публикационную активность каналов в четвертую анализируемую неделю (с 9 по 15 января 2023 г.) можно объяснить последствиями январских праздников.

Самый активный пост на Первом канале в первую неделю – «С добрым утром!» и фотография леса (ERpost 0,0861 %; 97 693 просмотра; 1501 реакция; 224 комментария; 69 репостов). Во вторую неделю на канале больше всего аудиторию поразил пост «С добрым утром!» и фотография восхода солнца (ERpost 0,1133 %; 208 005 просмотров; 2029 реакций; 249 комментариев; 83 репоста). Самый просматриваемый пост третьей недели: «С добрым утром!» и фотография собаки (ERpost 0,1255 %; 124 171 просмотр; 2272 реакции; 254 комментария; 89 репостов). Самый эффективный пост четвертой недели – «С добрым утром!» и фотография кошки в новогоднем интерьере (ERpost 0,1534 %; 299 000 просмотров; 2873 реакции; 187 комментариев; 137 репостов). Следует отметить, что традиция поздравлять зрителей с добрым утром сохраняется у канала уже несколько лет и на других социальных платформах. Пользователи из разных временных поясов России могут желать друг другу доброго утра в комментариях до самого вечера.

Самый популярный пост первой анализируемой недели в аккаунте «Россия 1» во «ВКонтакте» – «Они хотели жить со своей исторической Родиной, и они добились этого». Владимир Путин поздравил крымчан с праздником» (ERpost 0,2543 %; 53 031 просмотр; 2774 реакции, 206 репостов, комментарии отключены). На второй неделе аудитория больше всего отреагировала на следующий пост: «20 августа – юбилей Андрея Кончаловского» (ERpost 0,1148 %; 71 618 просмотров; 1232 реакции; 46 репостов; 67 комментариев). Самый популярный пост третьей исследуемой недели – «Рамзан Кадыров заявил о слабом ответе на обстрелы новых регионов РФ со стороны ВСУ. Глава Чечни выступил за более жесткие меры» (ERpost 0,5294 %; 116 961 просмотр; 5394 реакции, 206 репостов, 604 комментария). Отозвавшийся пост четвертой недели – «В театр Константин Хабенский пришел работать монтировщиком, но стал всенародно любимым артистом» (ERpost 0,4327 %; 176 329 просмотров; 4557 реакций; 114 репостов; 370 комментариев).

В аккаунте НТВ самый активный пост за первую неделю – «На Украине во время боев за Мариуполь погиб заместитель командующего Черноморским флотом, капитан 1 ранга Андрей Палий» (ERpost 0,5929 %; просмотр-

ров 69 723, реакций 2602, репостов 70, комментариев 580). Во второй период – «В итальянской Тоскане штормовой ветер раскрутил колесо обозрения в коммуне Пьомбино. Никто не пострадал, но выглядит эпично» (ERpost 0,6934 %, просмотров 117 984, реакций 2293, репостов 1401, комментариев 109). Самый активный пост третьей недели – «Актер Павел Устинов, которого судили за применение насилия в отношении сотрудника ОМОНа во время незаконного митинга, отправился в зону спецоперации» (ERpost 1,1489 %; просмотров 706 511; реакций 7426; репостов 114; комментариев 577). Самый популярный пост последней недели – «Доброволец из Башкирии Фанис Хусаинов, который угнал бронетранспортер у украинских военных и вывез раненого командира с поля...» (ERpost 6,2392 %; просмотров 518 966; реакций 31 065; репостов 994; комментариев 2156).

В развлекательном сегменте востребованы публикации, касающиеся в большей степени контента канала, но креативно осмысленные. Так, в первую исследуемую неделю на ТНТ самым активным стал пост «Как хорошо Орейро знает Россию?» (ERpost 0,242 %; просмотров 601 880; реакций 13 783; репостов 709; комментариев 152). «Их танец вводит в транс. Пересматривай легендарные номера первого сезона шоу „Новые танцы“ и смотри новый сезон с 27 августа в 21:00 на #ТНТ» – этот пост самый востребованный во время второй анализируемой недели (ERpost 0,377 %; просмотров 258 523; реакций 22 341; репостов 290; комментариев 181). «Разорвали зал под Губина» – эта публикация набрала большую популярность на третьей неделе (ERpost 2,749 %; просмотров 349 997; реакций 164 487; репостов 475; комментариев 1358). На четвертой – «Самые теплые фото. Звезды и их семьи в нашей подборке! Чья фотография тебе понравилась больше?» (ERpost 0,1134 %; просмотров 1 622 941; реакций 6370; репостов 268; комментариев 224).

На публичной странице телеканала СТС самый активный пост первой недели – это триптих-комикс с цитатами: «Тоже неплохо! Смотри „Пираты морского побережья. На краю света“ сегодня в 20:00 на СТС! #кино@ctc» (ERpost 0,038 %; просмотров 101 001; реакций 1160; репостов 74; комментариев 71). Самый активный анонс второй недели – «Новая серия „Дылды“» (ERpost 0,1177 %; просмотров 438 573; реакций 3749; репостов 95; комментариев 195). Самый востребованный пост третьей недели – «Поздравляем с днем рождения Михаила Трухина! Желаем побольше интересных ролей и проектов #др@ct» (ERpost 0,0532 %; просмотров 98 949; реакций 1710; репостов 32; комментариев 84). На четвертой неделе самым активным стал пост «Семейные выходные #звезды@ctc» (ERpost 0,1273 %; просмотров 202 610; реакций 4285; репостов 45; комментариев 39).

В аккаунте телеканала «Пятница!» наиболее любимый пост первой недели – это комикс-мем с фотографией на остро социальную тему от 15 марта из программы «Кондитер»: «Ренат задает тренды #Кондитер@friday_ru» (на изображении: «Люди: скупают весь сахар в магазинах. Ренат Агзамов: Раньше только я так делал») (ERpost 0,4628 %; просмотров 427 550; реакций 5871; репостов 598; комментариев 139). На второй неделе наиболее любимый пост – это комикс-мем с фотографией: «Подкол засчитан. Премьера #БитваШефов@friday_ru – понедельник 19:00» (ERpost 0,1777 %; просмотров 110 816; реакций 2340; репостов 167; комментариев 30). На третьей

неделе наиболее активный пост – это триптих-комикс с фотографиями и цитатами из «Пацанок»: «*Когда сама себе сделала комплимент. Новые #Пацанки@friday_ru – сегодня 19:00*» (ERpost 0,5688 %; просмотров 367 394; реакций 7687; репостов 399; комментариев 37). В аккаунте «Пятница!» наиболее популярный пост последней недели – это вновь триптих-комикс от 15 января с фотографиями и цитатами из программы «Кондитер»: «*Это ловушка! Новый выпуск #Кондитер@friday_ru – вторник 19:00*» (ERpost 0,1141 %; просмотров 63 030; реакций 1542; репостов 73; комментариев 14).

Результаты исследования аккаунтов каналов в «Одноклассниках» показали, что наиболее преданными площадке каналами оказались ТНТ и «Пятница!». Они функционировали в соцсети в течение всех исследуемых периодов. СТС вернулся на платформу летом 2022 г. (несмотря на то, что канал лидирует здесь по количеству подписчиков – 1,2 млн). Каналы «большой тройки» решили возобновить публикационную активность своих групп осенью 2022 г., но сделали это с большим рвением. Так, НТВ за третью контрольную неделю публиковал по 127 постов в день, Первый канал – по 72, а «Россия 1» – по 59 постов в день (табл. 3).

Таблица 3

**Количество обновлений и реакций в «Одноклассниках»
в выбранные для исследования недели**

Телеканалы	Неделя	Количество постов	Лайки	Комментарии	Репост	ERpost, %
Первый канал	3	504	36 806	4083	3168	0,0001
	4	96	11 030	1210	580	0,0143
«Россия 1»	3	412	188 010	40 263	17 411	0,0776
	4	84	43 922	7742	3419	0,0935
НТВ	3	891	310 978	112 769	31 500	0,0006
	4	20	3025	69	59	0,0224
ТНТ	1	29	12 275	372	313	0,0635
	2	26	15 621	432	508	0,0905
	3	139	23 979	1496	802	0,0382
	4	175	82 739	25 030	6057	0,072
СТС	2	40	999	62	37	0,0023
	3	224	21 833	1037	670	0,0079
	4	47	3675	128	52	0,0069
«Пятница!»	1	3	603	85	23	0,1511
	2	10	1165	53	13	0,0785
	3	48	3476	451	90	0,0501
	4	14	1894	185	53	0,0971

Источник: составлено авторами на основе мониторинга аккаунтов в «Одноклассники» телеканалов в периоды: 1) с 14 по 20 марта 2022 г.; 2) с 15 по 21 августа 2022 г.; 3) с 24 по 30 октября 2022 г.; 4) с 9 по 15 января 2023 г.

Table 3

**Number of updates and reactions in Odnoklassniki
in the weeks selected for the study**

TV channels	Week	Number of posts	Likes	Comments	Repost	ERpost, %
Channel One	3	504	36 806	4083	3168	0.0001
	4	96	11 030	1210	580	0.0143
Rossiya 1	3	412	188 010	40 263	17 411	0.0776
	4	84	43 922	7742	3419	0.0935
NTV	3	891	310 978	112 769	31 500	0.0006
	4	20	3025	69	59	0.0224
TNT	1	29	12 275	372	313	0.0635
	2	26	15 621	432	508	0.0905
	3	139	23 979	1496	802	0.0382
	4	175	82 739	25 030	6057	0.072
STS	2	40	999	62	37	0.0023
	3	224	21 833	1037	670	0.0079
	4	47	3675	128	52	0.0069
Friday!	1	3	603	85	23	0.1511
	2	10	1165	53	13	0.0785
	3	48	3476	451	90	0.0501
	4	14	1894	185	53	0.0971

Source: compiled by the authors based on the monitoring of Odnoklassniki accounts of TV channels: 1) from March 14 to 20, 2022; 2) from August 15 to 21, 2022; 3) from October 24 to 30, 2022; 4) from January 9 to January 15, 2023.

Самый активный из анализируемых каналов в плане размещения постов – телеканал НТВ. Осень 2022 г. показала всплеск активности и развлекательных каналов в «Одноклассниках»: TNT стал публиковать по 20 постов в день, а СТС – по 32. И даже лаконичная и взвешенная «Пятница!» выдавала примерно по 7 постов в день. В январе 2023 г. почти все анализируемые каналы снизили свою активность, в разы сократив количество публикаций, кроме TNT. Пока другие каналы «отдыхали» от Нового года, TNT публиковал примерно по 25 постов в день.

В «Одноклассниках» каналы никак не изменяли интерактивность платформы, во всяком случае видимыми способами: каналы не отключали ни возможность комментировать, ни реагировать пользователям. Однако пользователи и так достаточно слабо в большинстве случаев реагируют на контент каналов на этой площадке. Контент-стратегии каналов в «Одноклассниках» сохранились с 2017 г.: в большинстве случаев это дублирование постов из «ВКонтакте».

Самый эффективный пост первой исследуемой недели на TNT – «Сегодня в 21:00 на TNT смотри сериал „Предпоследняя инстанция“ про Управление

по распределению души» (ERpost 0,5112 %; реакций 3455, репостов 73; комментариев 71). Самый популярный пост в «Одноклассниках» за данный период принадлежит каналу «Пятница!» – мем с Константином Ивлевым: «Ждем рецепт Хэппи Мила от Ивлева! #НаНожках новый выпуск – понедельник 19:00» (на изображении: «Кто-то: Макдональдс закрылся, что нам теперь делать? Ивлев: Да ладно, я все решу, да ладно, не кипишуй») (ERpost 0,3545 %; реакций 462; репостов 13; комментариев 81).

Самый популярный пост СТС второй недели – это фотография «С днем рождения, Ян Цапник! Желаем отличного настроения и крутых проектов» (ERpost 0,0169 %; реакций 185; репостов 5; комментариев 10). В этот же период самый эффективный пост ТНТ – «Ребята загипнотизировали жюри своим вайбом. Вспоминай легендарные номера первого сезона шоу #НовыеТанцы и смотри новый сезон с 27 августа в 21:00 на #ТНТ #НовыеТанцы-Лучшее» (ERpost 0,5138 %; реакций 3386; репостов 131; комментариев 100).

Самый популярный пост в «Одноклассниках» «Пятницы!» за данный период – триптих-комикс «Подкол засчитан! 1:0 Премьера #БитваШефов – понедельник 19:00» (ERpost 0,1709 %; реакций 262; репостов 2; комментариев 4).

За третью неделю самым востребованным постом «России 1» в «Одноклассниках» стал тот же, что и во «ВКонтакте»: «Рамзан Кадыров заявил о слабом ответе на обстрелы новых регионов РФ со стороны ВСУ. Глава Чечни выступил за более жесткие меры. „Если прилетел снаряд в нашу сторону, в наш регион, надо стереть с земли города. Чтобы видно было дальний горизонт. Чтобы понимали, что нельзя даже подумать стрелять в нашу сторону“, – отметил Кадыров. #РамзанКадыров #СВО #Россия1» (ERpost 0,9249 %; реакций 5233; репостов 314; комментариев 938).

Самый популярный пост СТС за третью неделю – фотография «Поздравляем с днем рождения, Михаила Трухина! Желаем побольше интересных ролей и проектов» (ERpost 0,0979 %; реакций 1083; репостов 19; комментариев 53). На ТНТ осенью 2022 г. больше всего пользователи отреагировали на пост «Хит 2000-х и энергетика танцоров покорили» (ERpost 0,4067 %; реакций 2714; репостов 106, комментариев 43). А в аккаунте «Пятницы!» в «Одноклассниках» пользователей в данный период покорила триптих-комикс «Муд по жизни: Клава Кока. Новый выпуск #АдскийШеф – сегодня 19:00» (ERpost 0,0848 %; реакций 99; репостов 1; комментариев 33).

Самый активный пост Первого канала четвертого анализируемого периода – это репост из аккаунта «Новости Первого канала» от 14 января об уходе Инны Чуриковой с комментарием: «Соболезнования родным и близким» (ERpost 0,1912 %; реакций 1477; репостов 49; комментариев 260).

На «России 1» в «Одноклассниках» (так же, как и «ВКонтакте») пользователи сильнее отреагировали на сообщение «Военный врач Александр Сеикаев погиб, спасая пациентов под обстрелом. ВСУ ударили по больнице в Запорожской области. Ракеты попали в корпус, где находились дети, женщины, старики. Александр бросился эвакуировать людей, вывел всех, кого мог, и стал помогать тяжелым пациентам. В этот момент украинские нацисты нанесли повторный удар. Вместе с Сеикаевым погибли 5 пациентов. У 33-летнего майора медицинской службы остались жена и двое

сыновей. Подробнее в нашем ролике. #ВоенныйВрач #Подвиг #Герой #СВО #Россия» (ERpost 0,69 %; реакций 3944; репостов 343; комментариев 551).

«Доброволец из Башкирии Фанис Хусаинов, который угнал бронетранспортер у украинских военных и вывез раненого командира с поля боя, погиб при исполнении воинского долга, сообщил глава Татышлинского района Башкортостана Фанур Шайхисламов» – это самый читаемый пост в аккаунте НТВ в «Одноклассниках» (как и во «ВКонтакте») (ERpost 1,1489 %; реакций 8095; репостов 449; комментариев 1835).

В январе 2023 г. самым популярным постом на СТС стала фотография знаменитостей с комментарием «Семейные выходные» (ERpost 0,0835 %; реакций 970; репостов 2; комментариев 14). На ТНТ в тот же период больше всего просмотров набрала публикация «Самые теплые фото звезд и их семей в нашей подборке! Чья фотография тебе понравилась больше?» (ERpost 0,1322 %; реакций 892; репостов 5; комментариев 34). Самый популярный пост в аккаунте «Пятницы!» в «Одноклассниках» за данный период – мем с Настей Ивлеевой: «Осторожно! Новый вид мошенничества – звонят с разных номеров, представляют начальником и просят срочно выйти на работу» (ERpost 0,7409 %; реакций 983; репостов 42; комментариев 137).

Заключение

Резюмируя результаты проведенного исследования, можно обозначить пять специфических черт, свойственных контент-стратегиям телеканалов в социальных медиа «ВКонтакте» и «Одноклассники»:

1) каналы продолжают контент-стратегии прошлых лет, когда в большинстве случаев дублируют контент на двух платформах – «Одноклассники» и «ВКонтакте»;

2) телевизионным каналам не пришлось осваивать новую площадку, как это было с возникновением мессенджера Telegram, аккаунты у каналов во «ВКонтакте» и «Одноклассниках» существуют давно. Однако после долгого затишья большинству из них (кроме ТНТ и «Пятницы!») пришлось вернуться в «Одноклассники» осенью 2022 г.;

3) каналы «большой тройки» перемежают новостные посты со ссылками на сайт с анонсами и фрагментами своих сериалов и шоу. Развлекательные каналы, помимо анонсов и фрагментов, стараются креативно представить контент канала;

4) у большинства каналов превалирующий аудиторный отклик вызывают публикации во «ВКонтакте», не в «Одноклассниках». Каналы практически не вмешивались в интерактивную составляющую платформ, за исключением «России 1», которая весной 2022 г. отключила возможность комментирования постов во «ВКонтакте». Но и в другие периоды неподобающих комментариев в постах аккаунтов «России 1» и Первого канала (в отличие от 2017 г.) обнаружено не было;

5) каналы понимают, что им нужно присутствовать в социальных медиа, но находятся в поиске оптимальной платформы и эффективного формата контента. В социальных медиа развлекательные каналы (ТНТ, СТС, «Пятница!») чувствуют себя более уверенно. Их контент служит, возможно, в большей степени «отвлечением», чем «развлечением»;

б) телеканалы «большой тройки» работают с привлечением аудитории социальных медиа сдержаннее, чем телеканалы развлекательного сегмента. Но очевидно, что телеканалы пытаются найти отечественные варианты западных аналогов.

Список литературы

- Волкова И.И. Телеканалы на YouTube: причины неэффективности // Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия. М.: МГУ, 2019. С. 468–469.
- Волкова И.И., Проскурнова Е.Л., Чан Т.З. О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью // Научный диалог. 2021. № 3. С. 157–170. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>
- Волкова М.М., Глазкова С.А. Особенности коммуникационных стратегий продвижения региональных российских телеканалов в социальных медиа // Петербургский экономический журнал. 2021. № 3. С. 14–21. <https://doi.org/10.24412/2307-5368-2021-3-14-21>
- Градюшко А.А. Платформенная журналистика: специфика и тенденции развития // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. 2023. № 1. С. 4–9. <https://orcid.org/0000-0002-2953-9670>
- Долгова Ю.И., Шентуха К.В. Инфотейнмент в вечерних новостях ведущих российских телеканалов // Наука телевидения. 2023. Т. 19. № 4. С. 119–147. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.4-119-147>
- Дугин Е.Я. Журналистика в условиях коммуникативного поворота // Журналист. Социальные коммуникации. 2023. Т. 50. № 2. С. 10–20.
- Поляков М.Л. Взаимодействие цифровых платформ и государств: события и явления 2019–2022 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. С. 116–120.
- Проскурнова Е.Л., Чжу В., Волкова И.И. Опыт размещения новостных материалов в формате коротких видео китайскими телеканалами на платформе Douyin // Наука телевидения. 2023. Т. 19. № 4. С. 233–269. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.4-233-269>
- Розов Н.С. Эпохи турбулентности и их преодоление // Политика. 2019. Т. 92. № 1. С. 81–96. <https://doi.org/81-96.10.30570/2078-5089-2019-92-1-81-96>
- Соколов А.В. Влияние цифровых платформ на коммуникативные стратегии традиционных медиа // Журналист. Социальные коммуникации. 2023. № 1. С. 108–118.
- Уразова С.Л. Метаморфозы медиасистемы в ракурсе цифрового ускорения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2022. Т. 22. № 1. С. 100–107.
- Файкова С.Д. Социальные сети как инструмент формирования лояльности молодежи к российским телеканалам // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. Т. 45. № 3. С. 81–94. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10309>
- Щепилова Г.Г., Круглова Л.А. Телеканалы и социальные сети: специфика взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 3. С. 3–16. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2018.316>
- Экосистема медиа: цифровые модификации: монография / под ред. С.Л. Уразовой. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. 252 с.
- Chobanyan K. Up for a challenge? Digital practices of 24-hour news channels. *World of media* // *Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2020. No. 3. Pp. 35–56. <https://doi.org/10.30547/worldofmedia.3.2020.2>
- Hoeck L., Spann M. The effects of first and second screen marketing on TV viewing activity // *Journal of Media Economics*. 2019. Vol. 32. No. 3–4. Pp. 82–98. <https://doi.org/10.1080/08997764.2021.1890751>

- Lewis S., Molyneux L. A decade of research on social media and journalism: assumptions, blind spots, and a way forward // *Media and Communication*. 2018. Vol. 6. No. 4. Pp. 11–23. <https://doi.org/10.17645/mac.v6i4.1562>
- Nelson J.L., Lei R.F. The effect of digital platforms on news audience behavior // *Digital Journalism*. 2017. Vol. 6. No. 3. Pp. 619–633. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1394202>
- Rogers E. Diffusion of innovations. New York: Free Press, 2003.
- Shawky S., Kubacki K., Dietrich T., Weaven S. Using social media to create engagement: a social marketing review // *Journal of Social Marketing*. 2019. Vol. 9. No. 2. Pp. 204–224. <https://doi.org/10.1108/JSOCM-05-2018-0046>
- Srivastava J., Saks J., Weed A.J., Atkins A. Engaging audiences on social media: identifying relationships between message factors and user engagement on the American cancer society's Facebook⁴ page // *Telematics and Informatics*. 2018. Vol. 35. No. 7. Pp. 1832–1844. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.05.011>
- Stefanone M.A., Lackaff D., Rosen D. The relationship between traditional mass media and “social media”: reality television as a model for social network site behavior // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2010. Vol. 54. No. 3. Pp. 508–525. <https://doi.org/10.1080/08838151.2010.498851>
- Subhayan M., Silvia M.-V., Sandra G.-B. Networks of audience overlap in the consumption of digital news // *Journal of Communication*. 2018. Vol. 68. No. 1. Pp. 26–50. <https://doi.org/10.1093/joc/jqx007>
- Syrdal H.A., Briggs E. Engagement with social media content: a qualitative exploration // *Journal of Marketing Theory and Practice*. 2018. Vol. 26. No. 1–2. Pp. 4–22. <https://doi.org/10.1080/10696679.2017.1389>

References

- Chobanyan, K. (2020). Up for a challenge? Digital practices of 24-hour news channels. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, (3), 35–56. <https://doi.org/10.30547/worldofmedia.3.2020.2>
- Dolgova, Y.I., & Sheptuha, K.V. (2023) Infotainment in the evening news of Russian TV channels. *The Art and Science of Television*, 19(4), 119–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.4-119-147>
- Dugin, E.Ya. (2023). Journalism in the conditions of a communicative turn. *Journalist. Social Communications*, 50(2), 10–20. (In Russ.)
- Faikova, S.D. (2022). Social networks as a tool for forming youth loyalty to Russian TV channels. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya*, 45(3), 81–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10309>
- Hoeck, L., & Spann, M. (2019). The effects of first and second screen marketing on TV viewing activity. *Journal of Media Economics*, 32(3–4), 82–98. <https://doi.org/10.1080/08997764.2021.1890751>
- Hradziushka, A.A. (2023). Platform journalism: Specifics and trends. *Journal of the Belarusian State University. Journalism*, (1), 4–9. (In Russ.)
- Lewis, S., & Molyneux, L. (2018). A decade of research on social media and journalism: Assumptions, blind spots, and a way forward. *Media and Communication*, 6(4), 11–23. <https://doi.org/10.17645/mac.v6i4.1562>
- Nelson, J.L., & Lei, R.F. (2017). The effect of digital platforms on news audience behavior. *Digital Journalism*, 6(3), 619–633. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1394202>
- Polyakov, M.L. (2023). Interaction of digital platforms and states: Events and phenomena 2019–2022. *Vestnik of Voronezh State University. Series: Philology. Journalis*, (1), 116–120. (In Russ.)

⁴ Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена в России.

- Proskurnova, E.L., Zhu, W., & Volkova, I.I. (2023). Experience of posting news in the format of short videos by Chinese TV channels on Douyin. *The Art and Science of Television*, 19(4), 233–269. (In Russ.) <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.4-233-269>
- Rogers, E. (2003). *Diffusion of innovations*. New York: Free Press.
- Rozov, N.S. (2019). Epochs of turbulence and ways to overcome them. *Politeia*, 92(1), 81–96. (In Russ.) <https://doi.org/81-96.10.30570/2078-5089-2019-92-1-81-96>
- Shawky, S., Kubacki, K., Dietrich, T., & Weaven, S. (2019). Using social media to create engagement: A social marketing review. *Journal of Social Marketing*, 9(2), 204–224. <https://doi.org/10.1108/JSOCM-05-2018-0046>
- Shchepilova, G.G., & Kruglova, L.A. (2018). TV channels and social networks: The specifics of interaction. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (3), 3–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2018.316>
- Sokolov, A.V. (2023). The influence of digital platforms on the communication strategies of traditional media. *Journalist. Social Communications*, (1), 108–118. (In Russ.)
- Srivastava, J., Saks, J., Weed, A.J., & Atkins, A. (2018). Engaging audiences on social media: Identifying relationships between message factors and user engagement on the American Cancer Society's Facebook⁵ page. *Telematics and Informatics*, 35(7), 1832–1844. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.05.011>
- Stefanone, M.A., Lackaff, D., & Rosen, D. (2010). The relationship between traditional mass media and “social media”: Reality television as a model for social network site behavior. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 54(3), 508–525. <https://doi.org/10.1080/08838151.2010.498851>
- Subhayan, M., Silvia, M.-V., & Sandra, G.-B. (2018). Networks of audience overlap in the consumption of digital news. *Journal of Communication*, 68(1), 26–50. <https://doi.org/10.1093/joc/jqx007>
- Syrdal, H.A., & Briggs, E. (2018). Engagement with social media content: A qualitative exploration. *Journal of Marketing Theory and Practice*, 26(1–2), 4–22. <https://doi.org/10.1080/10696679.2017.1389>
- Urazova, S.L. (2022). Metamorphosis of the media system in the perspective of digital acceleration. *Social Sciences and the Humanities*, 22(1), 100–107. (In Russ.)
- Urazova, S.L. (Ed.). (2021). *Media ecosystem: Digital modifications*. Chelyabinsk: SUSU Publ. (In Russ.)
- Volkova, I.I. (2019). TV Channels on YouTube: Reasons for ineffectiveness. *Journalism in 2018: Creativity, Profession, Industry: Materials of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 468–469). Moscow: MSU Publ. (In Russ.)
- Volkova, I.I., Proskurnova, E.L., & Chan, T.Z. (2021) On the prospects of news television: Materials from in-depth interviews. *Nauchnyi Dialog*, (3), 157–170. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>
- Volkova, M.M., & Glazkova, S.A. (2021). Characteristics of communication strategies for promoting regional Russian TV channels in social media. *Petersburg Economic Journal*, (3), 14–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2307-5368-2021-3-14-21>

Сведения об авторах:

Круглова Людмила Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0001-5022-4772. E-mail: abiljo@mail.ru

⁵ The social network Facebook is recognized as extremist and banned in Russia.

Щепилова Галина Германовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой телевидения и радиовещания, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-0339-1188. E-mail: shgg@yandex.ru

Bio notes:

Lyudmila A. Kruglova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Television and Radio Broadcasting, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5022-4772. E-mail: abiljo@mail.ru

Galina G. Shchepilova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Television and Radio Broadcasting, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0339-1188. E-mail: shgg@yandex.ru



МЕДИАПОЛИТИКА MEDIA POLICY

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-152-163

EDN: IWUOXY

УДК 070.13


Научная статья / Research article

Особенности правового регулирования СМИ в Монголии

Н. Бямбажав¹, Б. Болдбаатар¹, Н. Скворцова²

¹Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 naranbaatar.b@num.edu.mn

Аннотация. Информация и средства ее распространения обретают все большее значение в современном мире. Поскольку конечный информационный продукт способен влиять на общественно-политические процессы, политические силы, склонные к авторитаризму, стремятся к монополизации медиапространства, используя для этого нормативно-правовую базу и экономические ресурсы. На международном уровне, по большей части в западноевропейской части, законодательный подход к СМИ отвечает демократическим стандартам общества и его политико-экономическим интересам. Нормативно-правовая база синхронизирована с цифровизацией, технологическим развитием медиа и публичными коммуникациями, в отличие от стран с нестабильной экономикой и перенимающих извне как технологии, так и нормативные новации. Изучение законодательной базы, лежащей в основе формирования медиапространства и коммуникационной системы Монголии, демонстрирует ряд ошибок и отступлений в развитии свободы прессы и национальной журналистики. В исследовании актуализируются вопросы независимой профессиональной журналистской деятельности и необходимости информирования общественности, открытости государственных институтов и прозрачности их работы. Приводятся примеры нарушения прав журналистов и давления на коммерческие средства массовой информации, что сказывается на качестве медиапространства, экономических интересах владельцев СМИ и правах граждан.

Ключевые слова: свобода прессы, журналистика Монголии, свобода слова, права журналистов, судебная практика

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24 сентября 2023 г.; отрецензирована 3 ноября 2023 г.; принята к публикации 22 декабря 2023 г.

Для цитирования: Бямбажав Н., Болдбаатар Б., Скворцова Н. Особенности правового регулирования СМИ в Монголии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 152–163. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-152-163>

© Бямбажав Н., Болдбаатар Б., Скворцова Н., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Features of media legal regulation in Mongolia

Naranbaatar Byambajav¹, Bayarmaa Boldbaatar¹, Nino Skvortsova²

¹*National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar*

²*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

✉ naranbaatar.b@num.edu.mn

Abstract. Information and the means of its dissemination are becoming increasingly important in the modern world. Since the final information product is capable of influencing socio-political processes, political forces prone to authoritarianism strive to monopolize the media space, using the regulatory framework and economic resources for this. At the international level, mostly in Western Europe, the legislative approach to the media meets the democratic standards of society and its political and economic interests. The regulatory framework is synchronized with digitalization, technological development of media and public communications, in contrast to countries with unstable economies that adopt both technology and regulatory innovations from the outside. A study of the legislative framework underlying the formation of the media space and communication system of Mongolia demonstrates a number of errors and deviations in the development of press freedom and national journalism. The authors update the issues of independent professional journalistic activity and the need to inform the public, the openness of government institutions and the transparency of their work. Examples are given of violations of the rights of journalists and pressure on commercial media, which affects the quality of the media space, the economic interests of media owners and the rights of citizens.

Keywords: media freedom, journalism in Mongolia, freedom of expression, rights of journalists, legality

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 24, 2023; revised November 3, 2023; accepted December 22, 2023.

For citation: Byambajav, N., Boldbaatar, B., & Skvortsova, N. (2024). Features of media legal regulation in Mongolia. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 152–163. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-152-163>

Введение

К 2024 г. Монголия занимает 88 место по индексу свободы прессы и названа страной со значительными проблемами. В 2022 г. она была на 66 месте по индексу демократии, опустившись на 4 позиции по сравнению с предыдущим годом¹. Согласно индексу коррупции, она опустилась на 2 позиции и заняла 116-е место². Снижение показателей демократии и развития страны влияет на ситуацию со свободой прессы. Хотя в Монголии с 1992 г. действует демократическая политическая система, сейчас в стране нет сильной оппозиции. Президент, члены правительства и большинство депутатов парламента

¹ Economist Intelligence Unit (EIU) – исследовательское аналитическое подразделение The Economist Group, дочерней компании газеты The Economist. URL: <https://www.eiu.com/>

² Transparency International – неправительственная международная организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру. URL: <https://www.transparency.org/>

принадлежат к одной партии, поэтому для журналистских организаций защита свободы прессы, свободы слова и самовыражения граждан стала важным требованием.

В Монголии действуют около 500, в основном частных, средств массовой информации, правовая сфера страны находится в стадии зрелости. В 1998 г. Монгольским парламентом принят закон «О свободе печати и информации». Впервые в истории страны была упразднена цензура в деятельности государственных СМИ и запрещено создание любой организации, ограничивающей деятельность независимых СМИ (Маулетийн, 2008, с. 98).

Основным направлением воздействия на общественные отношения считается право, исполняющее функцию регулирования и защиты. В разных странах действуют три базовых социально-политических установки в отношении медиасистемы: СМИ должны функционировать независимо и свободно в рамках закона, СМИ должны работать на благо общих интересов, СМИ должны выражать взгляды государства. Если в стране есть закон, уважающий свободу прессы и поддерживающий независимую журналистику, его эффективность напрямую зависит от того, как он используется и воспринимается. Монголия уже четверть века идет по пути независимых СМИ, однако в настоящее время правительство пересматривает ситуацию в информационно-коммуникационной сфере, переосмысливает законы, касающиеся СМИ. Журналистскому сообществу необходимо объединить свои усилия и принять участие в реформах. Сейчас в Монголии 880 законов, из которых 110 (и их количество растет в последние годы) так или иначе касаются деятельности СМИ. Следует отметить, что большинство из них скорее ограничивают свободу прессы и говорят о зависимости медийных ресурсов от государства, чем о поддержке деятельности журналистов. Из-за негибких, порой неясных и слишком общих правил, журналисты и редакторы не всегда осознают, в каких ситуациях они могут быть привлечены к ответственности. Это препятствует развитию журналистских расследований, не позволяет журналистам быть голосом общества, контролировать деятельность правительства. Очевидно, в демократической Монголии возрождаются доконституционные установки, способные повлиять на содержание поправок к законам о СМИ.

Методы

Методом включенного наблюдения фиксировались конкретные юридические кейсы, связанные с журналистами и медийными организациями в Монголии, хронологические рамки 2010–2023 г. Для анализа отобраны 7 кейсов, где юридически проявилось регулирование СМИ. Принималось во внимание следующее положение: медиаправо является самостоятельной отраслью права, развивается как нормативная область, которая взаимодействует с другими законами. Изучены тексты более 14 национальных законов и постановлений, касающихся СМИ.

Изучены материалы судебных процессов, а также их освещение в СМИ для проверки гипотезы об отклонении правительственного курса от установки на развитие свободной независимой прессы. При этом учитывалась глобальная ситуация с фальшивыми новостями, сложившаяся в цифровом мире, где

каждая отдельная личность теоретически может стать медиа и распространять информацию: как следствие, правовое регулирование СМИ стало одним из центральных дискуссионных вопросов в различных государствах.

Результаты и обсуждение

Юридические права и обязанности СМИ различаются в зависимости от национального законодательства. Точно сформулированные правила в этой сфере способствуют развитию социальных институтов, защищающих как гражданские права, так и свободу слова и коммуникации. В некоторых западных странах деятельность СМИ регулируется в рамках общего гражданского права или других законов. В этом случае важные стандарты журналистики содержатся в различных законах и кодексах, таких как закон о гражданской ответственности, закон о защите информации, закон о конкуренции, закон о вещании и др. В некоторых странах медиа регулируются специальными законами о СМИ, которые устанавливают правила функционирования и управления средствами массовой информации, но могут также включать нормы, касающиеся свободы выражения мнений и защиты гражданских прав.

Международные организации работают над оптимизацией регулирования СМИ в глобальном ракурсе. Совет Европы в резолюциях и рекомендациях фокусируется на балансе свободы выражения мнения и другими правами человека. Законодательство о СМИ и вопросы прецедентного права рассматриваются Европейским судом по правам человека, руководящим органом Совета Европы. В ОБСЕ свобода прессы признана важнейшим фактором международной безопасности. Современные концепции управления средствами массовой информации часто включаются в международные документы по правам человека (Richter, 2016, p. 35).

Дезинформации и преднамеренное манипулирование создают значительные риски для коммуникаций: такие стратегии игнорируют принципы человеческого достоинства и часто приводят к разжиганию языка ненависти и даже физическому насилию. Традиционные СМИ теряют контроль над распространяемой информацией и перестают определять общественную повестку дня, эту фрагментацию можно наблюдать и в онлайн-среде (Visnovsky et al., 2023, p. 9). Медиа среда трансформировалась: есть концептуальные изменения в производстве, распространении и потреблении новостей, усилилась технологическая зависимость СМИ от компаний, занимающихся цифровыми платформами. Эти изменяющиеся соотношения сил в экосистеме медиа и способность платформ влиять на формирование общественного мнения являются признаком концентрации СМИ и вызывают обеспокоенность по поводу плюрализма СМИ, особенно в связи с тем, что меняющаяся медиасреда угрожает местной и независимой журналистике.

Крайне часто медиа берут на себя роль института, который диктует гражданам свою волю. В таких случаях редакционная политика работает в угоду определенной группе интересов. Вместо посредника СМИ становятся активным участником политической деятельности в борьбе за государственную власть в той или иной стране (Абазов, Скворцова, 2022, с. 114.). В хорошо функционирующей демократии следует предпринимать шаги по рассеиванию

«силы мнения», представляющую собой индивидуальные и национальные процессы (Seipp, 2023, p. 396).

Закон о концентрации СМИ является сопутствующим правовым инструментом, который борется с концентрацией и предотвращает развитие доминирующего мнения. Но существующие инструменты не способны отразить тенденции растущей концентрации, вызванные передачей данных, оцифровкой и платформизацией медиа-экосистемы, а инициативы по реформированию еще не доказали свою эффективность. В контексте телевизионной индустрии взаимодействие между агентами играет важную роль в определении содержания телевизионных программ для достижения личных целей агентов, что выражается в возможности акционеров защищать свои личные интересы (Saragih, 2021, p. 2534).

Однако дискуссия как форма взаимной коммуникации, предполагающая рассмотрение и осмысление предпочтений, ценностей и интересов в отношении вопросов, представляющих общий интерес, требует определенных структурных условий, поддерживающих те или иные ценности. Если таких структур не существует в конкретной медиасистеме или если они меняются из-за политических, экономических или технологических потрясений, общество может столкнуться с рисками, угрожающими идеалам совещательной коммуникации (Harro-Loit, Eberwein, 2024, p. 8).

Например, Халлин и Манчини предлагают систематический подход к анализу отношений между СМИ и политикой в различных западных демократиях посредством типологии трех идеальных моделей медиасистем – либерализм, демократический корпоративизм и поляризованный плюрализм. Однако, если мы рассмотрим концепцию журналистской культуры, включающую в себя профессиональные ценности и идеологию, ожидания в отношении роли журналистики, а также профессиональное и медийное образование, именно сравнение медиасистем объясняет различия между странами. Другими словами, можно утверждать, что связанные с медиа неправительственные организации, ассоциирующиеся с совещательной коммуникацией в демократических обществах, в основном вращаются вокруг групп людей, действующих и взаимодействующих в соответствии со своими собственными мотивами и намерениями. Развивая реалистическую социальную теорию, они моделирует «структуру», «культуру» и «поведение» как различные слои социальной реальности. Это создает риск возникновения монополий в сфере собственности, поскольку отрасли склонны лицензировать определенные СМИ (Akalili, 2020, p. 185). Неприятие государством усилий СМИ по открытию государственных процессов и институтов для общественного контроля и подотчетности часто характеризуется действиями, направленными на подрыв этих усилий. С точки зрения теории политики, когда государства пытаются сбалансировать защиту общественных интересов перед лицом могущественного бизнеса и интересов СМИ, перед ними встают долгосрочные задачи (Ndawana et al., 2021, p. 61).

В эпоху конвергенции СМИ есть опасения, что разнообразие контента уменьшится, а СМИ станут принадлежать инвесторам. Наличие частных политических СМИ приводит к нестабильности, делает паттерны определенных групп более заметными в общественно-политической дискуссии, что выражается в радикальной поляризации общества (Skvortsova et al., 2023, p. 424.)

Теоретический анализ проблемы слабого регулирования вещания указывает на то, что трудности возникают, поскольку страна оказывается не готова к существующей медиаконвергенции. Регулирование социальных медиа в первую очередь воспринимается с точки зрения двух важных областей: неприкосновенности частной жизни и свободы выражения мнений. Мировая экономика в спешном порядке разрабатывает нормативно-правовую базу, чтобы воспользоваться огромными экономическими и социальными преимуществами появляющихся технологий нового времени. Разработчики технологической политики и организации по защите гражданских прав в незападных обществах подвергают критике существующие положения, ведущие к цензуре и слежке для контроля за распространением онлайн-экосистемы страны, и призывают к немедленным действиям, поскольку правила не соответствуют международным стандартам в области прав человека (Shankar, Ahmad, 2021, p. 297).

Тем не менее проблема пересмотра и внедрения эффективной нормативной базы в новых условиях остается. Вопросы национального суверенитета теперь переплетаются с вопросами персональных данных и суверенитета субъекта, поскольку потребительский и коммуникационный выбор граждан – их «сверхповедение», связанное с просмотром контента и привычками в социальных сетях, – постоянно отслеживается. Еще одна проблема, вызванная пересмотром законодательства и политики в области коммуникаций, заключается в том, что границы между различными правовыми системами, которые традиционно действовали в относительно разных областях (телекоммуникации, телерадиовещание, конкуренция, неприкосновенность частной жизни, защита прав потребителей и т. д.), быстро меняются (Chapdelaine, 2021, p. 2).

Появление цифровой реальности влечет за собой изменения в правовом регулировании, определяет направление общественного развития, влияет на правовые и нормативные механизмы. Поэтому цифровое пространство требует создания модели правового регулирования, соответствующей технологическим реалиям. В то же время международное сообщество переосмысливает свою роль в защите интересов и намерений тех, кто вовлечен в цифровую среду (Manko et al., 2023, p. 130).

Проблема в деятельности СМИ имеет еще одно важное измерение. Сырьем для массмедиа является информация, и, если невозможно ее получить, журналистская деятельность остановится. Однако теперь получение информации от чиновников или организаций в Монголии является проблемой. В исследовании проекта «Право на свободное выражение мнения, получение информации и участие в политическом процессе с помощью информации», проведенном Globe International (GIC) в 2023 г., приняли участие 284 монгольских журналиста. «Необоснованный отказ в предоставлении информации» со стороны чиновников назвали проблемой номер один, с которой они сталкиваются при выполнении своей работы, 58 процентов респондентов. На вопрос «Какие права были нарушены?» наибольшее количество (48 %) ответили: «право на получение и обработку информации». Закон о гласности и праве на информацию был впервые принят в Монголии в 2011 г., что законодательно гарантировало получение гражданами информации от госу-

дарственных организаций. В 2014 г. принят Закон о прозрачных счетах, а в 2021 г. – Закон о прозрачности публичной информации, после чего соответствующая информация правительственных организаций была раскрыта. В 2019 г. на конституционном уровне подтверждено право знать о влиянии пользования недрами на окружающую среду как часть права на жизнь в здоровой и безопасной среде³.

П. 8.1.4. ст. 8 «Общие этические требования к государственным служащим» Закона об этике государственной службы обязует не игнорировать и не искажать деловые мнения других, не распространять ложную информацию в любой форме. П. 37.1.10 ст. 37 «Общие обязанности государственных служащих» Закона о государственной службе предписывает быть нейтральными, не подвергаться какому-либо политическому влиянию, а также выражать в прессе и СМИ только официальную позицию по вопросам, связанным с государственной политикой. В Кодекс поведения государственных служащих и службы, утвержденный в 2019 г., включен п. 3.1.6: выражать в прессе и СМИ только официальную позицию по вопросам, касающимся государственной политики. Из-за этих пунктов государственные служащие по-прежнему отказываются предоставлять информацию СМИ, учитывая риски для организации и своей работы. В проведенном нами фокус-групповом интервью молодая журналистка Б. Бадамцэцэг сказала: «Информация от государственных организаций на первый взгляд кажется прозрачной, но это не так. Они говорят: ищите на нашем сайте. Но непонятно, где и как искать, иногда информация вообще отсутствует на официальных сайтах». Хотя многие сведения раскрываются в соответствии с Законом о прозрачности общественной информации, их не предоставляют, когда поступает запрос «Получить информацию». На вопрос «где я могу ее получить?» не отвечают или говорят: «Не могу предоставить». В некоторых случаях информация представляется в искаженном виде, не соответствующем никаким требованиям, и ее невозможно понять. Проблема в том, что такие законы не исполняются, а чиновники выдвигают дополнительные требования, которые не прописаны в законе. Отношение государственных органов и чиновников к информации как к своей собственности также приводит к тому, что журналистам угрожают, преследуют и заставляют раскрывать свои источники. Журналистам не дают даже ненужной информации, считая, что лучше перестраховаться, чем распространять и использовать информацию в интересах общества. Считают, что право на защиту своих источников нарушается, 20 % журналистов, принявших участие в вышеупомянутом исследовании *Globe International*. Открытость общественной информации должна быть не витриной, где продавцы получают разрешение, а информационным супермаркетом, где каждый может выбрать нужный ему товар в рамках правил.

В законах Монголии количество положений о конфиденциальности информации увеличивается. Это говорит о том, что социалистическое мышление, согласно которому государство должно контролировать информацию, присутствует в правовой системе. С развитием социальных сетей правительство пытается контролировать информацию под видом предотвращения преступ-

³ Национальный институт юстиции Монголии. URL: legalinfo.mn

лений, для поддержания общественной безопасности, безопасности детей и неприкосновенности частной жизни. Многочисленные случаи были зарегистрированы во время пандемии COVID-19.

В сентябре 2020 г. при Департаменте полиции создана организация по борьбе с фальшивой информацией. Она подверглась широкой критике и была отозвана. Правительственный декрет № 29 от 10 февраля 2021 г. утверждает, что новости и информация должны передаваться только по одному каналу и по указанию правительства. Это нарушает профессиональную деятельность журналистов и право общества на получение информации. Кроме того, без обоснования и объяснения причин введены квоты для организаций СМИ. Имели место нарушения, например ограничение числа журналистов, способных получить доступ к информации Министерства здравоохранения.

Также во время пандемии четыре монгольских телеканала начали выпускать совместную новостную программу «Информационный поток», которую, как потом оказалось, профинансировало правительство, не имея правовых оснований для этого.

Государственные организации и политики продолжают взыскивать со СМИ крупные штрафы за клевету в соответствии со ст. 21 и 511 Гражданского кодекса. В мае 2021 г. государственная компания «Мон-Атом» потребовала 100 миллионов тугриков, подав иск в Гражданский суд, утверждая, что ежедневная газета «Углууний сонин» нанесла вред ее деловой репутации. Журналист «Углууний сонин» подготовил репортаж о негативном влиянии деятельности компании «Бадрах Энерджи», работающей в сомоне Улаанбадрах, Дорноговьского аймака, владельцем 34 % акций которой является компания «Мон-Атом. Согласно ст. 511.2 Гражданского кодекса, эмоциональный вред и его последствия истцу могут быть возмещены в деньгах.

Государственные органы и чиновники не дают официальных комментариев по поводу критики и негативной информации из СМИ, а вместо этого подают судебные иски против СМИ, что несколько ограничивает возможность свободной дискуссии в обществе.

Принятый 19 января 2023 г. законопроект о защите прав человека в социальных сетях (преодолено вето президента) повторял положения других законов и позволял правительству удалять контент в социальных сетях и СМИ по своему усмотрению. Ограничения на контент слишком широкие и содержат положения, ограничивающие свободу слова граждан. Хотя сторонники закона объясняют, что он направлен на защиту прав детей в социальных сетях, его положения рискуют позволить государству контролировать общественную информацию. Социальные сети не могут полностью контролироваться государством. Однако можно участвовать в информировании общественности, правильно объясняя и понимая политику и деятельность правительства. Кроме того, в условиях, когда информационно-коммуникационные технологии развиваются и меняются с каждым днем, обязательный контроль социальных сетей со стороны закона неэффективен.

В правовой системе Монголии есть положения, поддерживающие независимость и профессиональные права журналистов и СМИ, однако их применение на практике почти отсутствует. Наиболее ярким примером этого явля-

ется Закон о свободе печати и информации. За последние четверть века дела и споры, связанные с его нарушением, не были разрешены судом.

Ст. 1.4 Уголовного кодекса, пересмотренная в 2015 г., гласит, что «уголовная ответственность за мнение или убеждение лица не наступает». Это положение очень важно и гарантирует, что издатель не криминализирует чье-либо право на выражение мнения. Однако ст. 14.13 Уголовного кодекса содержит положение о распространении ложной информации, и в настоящее время готовится законопроект, который вернет в закон деяние «оскорбление», что противоречит ст. 1.4.

В гл. 14 Уголовного кодекса дискриминация по признаку убеждений квалифицируется как преступление против личных и политических прав и свобод, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет. Кроме того, ст. 14.2 «Воспрепятствование поиску и получению информации» запрещает применение силы или угрозы силой для воспрепятствования поиску и получению информации по не конфиденциальным вопросам (с 2017 г.). Ст. 14.3 предусматривает, что ответственность за распространение любой информации, затрагивающей законные интересы лица или других лиц, наступает в случае применения силы или угрозы ее применения для предотвращения распространения любой информации, затрагивающей его законные интересы или законные интересы других лиц, либо умышленного ее не опубликования. Однако в настоящее время в Монголии нет ни одного дела, рассмотренного судом в соответствии с этими положениями. Согласно ст. 14.3, журналистка Гэрэлмаа Г. подала жалобу, но делу не дали ход. В июне 2022 г. она была задержана полицией во время прямого эфира, у нее конфисковали мобильный телефон и камеру, некоторые данные на смартфоне были удалены. Ей угрожали и удерживали в течение шести часов. Хотя сотрудники, применившие силу, были уволены, а полицейские принесли извинения, вопрос не был прояснен. Дело не рассматривалось по ст. 14.3, оно было передано в специальную службу по полицейской этике.

Оптимальное регулирование отражает специфику отрасли и учитывает ее сильные и слабые стороны. С этой точки зрения необходимо принимать во внимание особенности журналистской деятельности в процессе создания и реализации законов. Речь идет не о приоритете журналистов перед другими, а о том, имеют ли они возможность выполнять свои обязанности согласно закону. Верховный суд США и Европейский суд по правам человека создали прецедент решений, принимающих во внимание фундаментальные характеристики журналистики, общественные интересы и защиту свободы выражения мнений. Однако в Монголии существует правовое регулирование, согласно которому журналист может быть привлечен к юридической ответственности, если допустит профессиональную ошибку при раскрытии полезной информации для общественности. В 2017 г. в ст. 6.21 Закона о правонарушениях была введена «клевета», однако в январе 2020 г. она была удалена. По этой норме местный журналист был оштрафован за статью о том, что председатель собрания представителей граждан Архангайского района оплатил 15 поездок из бюджетных средств, а не 13, как оказалось на самом деле. Несмотря на главную цель – защиту общественных интересов

посредством разоблачения расточительного использования государственных средств, профессиональная или фактическая ошибка считалась нарушением, что стало отрицательным примером в истории журналистики. Свободная пресса может информировать граждан об успехах или неудачах своих лидеров, доводить потребности и желания людей до государственных органов и обеспечивать платформу для открытого обмена информацией и идеями. Когда свобода СМИ ограничивается, эти жизненно важные функции нарушаются, что приводит к неправильному принятию решений и пагубным последствиям как для лидеров, так и для граждан.

С 2020 г. по ст. 13.14 Уголовного кодекса «в случае публичного распространения заведомо ложных сведений, причиняющих вред чести, репутации или деловой репутации юридического лица», установлена ответственность. Вообще клевета регулируется уголовным законодательством более чем в 160 странах, основным фактором, который учитывается, является вопрос о намерениях. Важно учесть, оклеветал ли журналист заявителя умышленно или же это произошло из-за профессиональных ошибок или отсутствия возможности проверить факты. В 2020–2021 гг. дела, решенные судом на основании вышеуказанных положений, были проанализированы в исследовании форума «Открытое общество». Сделаны следующие выводы. При расследовании и раскрытии преступления «распространение ложной информации», предусмотренного ст. 13.14 Уголовного кодекса, под понятием «заведомо ложная информация» понимаются отдельные факты и события, которые подверглись оценке, критике, имеют определенные основания, но дискредитированы нападками или фактами. Распространение неполной или неверной информации, в том числе негативной, не унижает личность. Существует проблема расследования вопросов распространения ошибочной информации от непроверенного источника. Подобные процессы о признании вины нередко наносят вред правам журналистов. По состоянию на август 2023 г. было зарегистрировано дело, в котором журналист был привлечен к ответственности по данному положению.

Если рассматривать дела, решенные судом в 2020–2023 гг.⁴, то большинство из них связаны с семейными спорами или клеветой на юридические учреждения и сотрудников в социальных сетях. Следует отметить, что данная норма о распространении «заведомо ложной информации» не учитывает тот факт, что у журналистов ограниченные источники информации, при этом им необходимо оперативно освещать события, в некоторых случаях невозможно установить истину, но достаточно представить мнения различных сторон. В судебной практике Монголии мало примеров отмены приговора с учетом специфики деятельности журналиста. В 2012 г. сотрудник газеты *Udrin Sonin* был признан виновным судом первой инстанции по уголовным делам и оштрафован в связи со статьей «Торговля государственными номерными знаками развивается все более изощренно». Но в 2014 г. судья Эрдэнэбалсүрэн пересмотрел дело и оправдал журналиста. Следует подчеркнуть, что решение было прецедентным, направленным в том числе на привлечение общественного внимания. Нельзя говорить о том, что журналистская статья

⁴ Судебные решения Монголии: электронная база данных. URL: shuukh.mn

направлена на то, чтобы опорочить определенное лицо, поскольку она основана реальных событиях. При этом оскорбление и вред репутации связаны с личной мотивацией (месть, ненависть, ревность, злонамеренные подозрения). Журналист доказал, что он не знал истца, у него не было личного мотива оклеветать этого человека, а значит, нет никаких оснований для обвинения в клевете. Это стало стандартным международным решением, когда суды и правовые институты учитывают специфику журналистики.

Заключение

Конституция и законы о журналистике, действующие в Монголии, содержат положения, защищающие и гарантирующие свободу прессы. Однако неоднозначное толкование и отсутствие практики правоприменения вредят их реализации. Как показало исследование, в монгольском законодательстве не учитывается специфика журналистской деятельности, что мешает формированию нормативных актов, реально поддерживающих свободу СМИ, помогающих журналистам выполнять свою работу без давления. Базовые социальные теории медиакоммуникаций и журналистики могут вступать в противоречия с концепциями из других областей знаний, на которые нередко ориентируются законодатели. Например, теория пропаганды пристрастно интерпретирует журналистику, рассматривает ее как важный, но управляемый социальный институт.

Закон о СМИ Монголии находится в стадии зрелости, при этом демократическая трансформация социальной системы в Монголии еще не завершена, присутствует слабая политическая культура, отмечена низкая медиаграмотность граждан, недостаточная подготовка кадров для средств массовой информации, также существует проблема экономической некомпетентности журналистов. В Монголии развивается саморегулирование средств массовой информации, но оно не может заменить эффективность правового регулирования.

Список литературы / References

- Abazov, D., & Skvortsova, N. (2022). Media environment in Georgia during the 2020 elections. *Post-Soviet Issues*, 9(1), 111–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-111-120>
- Абазов Д., Скворцова Н. Медийная среда в Грузии в ходе парламентских выборов 2020 года // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9. № 1. С. 111–120.
- Akalili, A. (2020). The relevance of broadcasting regulation in the era of media convergence. *Journal of Social Studies*, 16(2), 183–196. <https://doi.org/10.21831/jss.v16i2.30619>
- Chapdelaine, P., & McLeod Rogers, J. (2021). Contested sovereignties: States, media platforms, peoples, and the regulation of media content and big data in the networked society. *Laws*, 10(3), 1–31. <https://doi.org/10.3390/laws10030066>
- Harro-Loit, H., & Eberwein, T. (2024). News media monitoring capabilities in 14 European countries: Problems and best practices. *Media and Communication* volume, 12, 1–17. <https://doi.org/10.17645/mac.7199>
- Manko, D., Zghama, A., Atamanova, N., Arabadzhy, A., & Ustinov, D. (2023). Legal regulation of the digital environment: Digitization of the state-legal and law enforcement sphere. *Amazonia Investiga*, 12(70), 125–133. <https://doi.org/10.34069/AI/2023.70.10.11>
- Mauletiiin, Z. (2008). Towards the formation of democratic journalism in Mongolia. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (2), 98–103. (In Russ.)

Маулетийн З. К вопросу формирования демократической журналистики в Монголии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 2. С. 98–103.

- Ndawana, Y., Knowles, H., & Vaughan, Ch. (2021). The historicity of media regulation in Zambia; examining the proposed statutory self-regulation. *African Journalism Studies*, 42(2), 59–76. <https://doi.org/10.1080/23743670.2021.1939749>
- Richter, A. (2016). Defining media freedom in international policy debates. *Global Media and Communication*, 12(2), 127–142. <https://doi.org/10.1177/17427665166652>
- Saragih, Y.M. (2021). Law, journalistic profession and mass media ethics. *Budapest International Research and Critics Institute-Journal*, 4(2), 2532–2540. <https://doi.org/10.33258/birci.v4i2.1957>
- Seipp, Th.J. (2023). Media concentration law: Gaps and promises in the digital age. *Media and Communication*, 11(2), 392–405. <https://doi.org/10.17645/mac.v11i2.6393>
- Shankar, R., & Ahmad, T. (2021). Information technology laws: Mapping the evolution and impact of social media regulation in India. *DESIDOC Journal of Library & Information Technology*, 41(4), 295–301. <https://doi.org/10.14429/djlit.41.4.16966>
- Skvortsova, N., Abazov, D., Volkova, I., & Urazova, S. (2023). Georgian independent TV channels: Presentation of pre-election race. *International Journal of Media and Information Literacy*, 8(2), 416–426. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2023.2.416>
- Visnovsky, J., Solik, M., & Dubravskaja, O. (2023). New legal regulation of publications in Slovak media environment. *Communication Today*, 14(2), 5–14. <https://doi.org/10.34135/communicationtoday.2023.Vol.14.No.2.1>

Сведения об авторах:

Бямбажав Наранбаатар, Ph.D (журналистика), доцент, заведующий кафедрой журналистики и массовых коммуникаций, Школа искусств и наук, Национальный университет Монголии, 14201, Улан-Батор, ул. Университетская, д. 1. ORCID: 0009-0002-7429-8076. E-mail: naranbaatar.b@num.edu.mn

Болдбаатар Баярмаа, преподаватель, кафедра журналистики и массовых коммуникаций, Школа искусств и наук, Национальный университет Монголии, 14201, Улан-Батор, ул. Университетская, д. 1. ORCID: 0009-0006-9257-6630. E-mail: bayarmaab@num.edu.mn

Скворцова Нино, политический обозреватель, информационно-аналитический веб-сайт Pressunity; редактор, новостное агентство «Спутник Грузия»; аспирантка, кафедра публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-0470-7508. E-mail: nino.skvortsova@gmail.com

Bio notes:

Naranbaatar Byambajav, Ph.D of Journalism, Associate Professor, Head of the Department of Journalism and Mass Communications, School of Arts and Sciences, National University of Mongolia, 1 Universitetskaya St, Ulaanbaatar, 14201, Mongolia. ORCID: 0009-0002-7429-8076. E-mail: naranbaatar.b@num.edu.mn

Bayarmaa Boldbaatar, lecturer, Department of Journalism and Mass Communication, School of Arts and Sciences, National University of Mongolia, 1 Universitetskaya St, Ulaanbaatar, 14201, Mongolia. ORCID: 0009-0006-9257-6630. E-mail: bayarmaab@num.edu.mn

Nino Skvortsova, political observer, information and analytical website “Pressunity”; build-editor, media agency “Sputnik Georgia”; postgraduate student, Department of Public Policy and History of State and Law, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0470-7508. E-mail: nino.skvortsova@gmail.com



ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ EDUCATION IN JOURNALISM

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-164-173

EDN: KPMIOV

УДК 316.772:008:070

Научная статья / Research article

Проблемы управления креативностью в практике телепроизводства

И.Н. Кемарская 

Академия медиаиндустрии, Москва, Российская Федерация

✉ kemarskaya2011@yandex.ru

Аннотация. Многолетний практический опыт художественного руководства популярными телевизионными программами позволяет автору актуализировать проблемы, назревшие в области управления творческими кадрами. Целью современного креативного менеджмента является не только интеграция конвергентных навыков медиажурналистов, но и развитие их креативных умений при создании оригинального контента. Креативность – семантически широкое понятие. Посредством исследования эмпирической практики методами включенного наблюдения и эксперимента выявляются наиболее важные проблемы, которые заставляют искать новые подходы к управлению креативом. Отмечено, что избытие дефиниций размывает ценностные критерии постиндустриального производства экранных зрелищ. Констатируется столкновение двух эстетических парадигм: инновационной, присущей эстетике модерна, и «повторительной», характерной для постмодерна, признающего творческую ценность вариаций. Вариативный метод помогает проявлению авторской индивидуальности при условии адаптации чужих творческих открытий. Навыки первичной и вторичной креативности представляют собой востребованные компетенции нового типа. Делается вывод, что интерактивные методы, геймификация, многоуровневые мозговые штурмы, приемы дискурсивного переключения совершенствуют критерии медиапрофессионализма в эпоху развивающейся креативной экономики.

Ключевые слова: первичная креативность, вторичная креативность, массовые коммуникации, аудитория, формат, мозговой штурм

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 декабря 2023 г.; отрецензирована 24 декабря 2023 г.; принята к публикации 10 января 2024 г.

Для цитирования: Кемарская И.Н. Проблемы управления креативностью в практике телепроизводства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 164–173. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-164-173>

© Кемарская И.Н., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The problems of creative management in TV-production

Irina N. Kemarskaya 

Academy of Media Industry, Moscow, Russian Federation

✉ kemarskaya2011@yandex.ru

Abstract. The author, who has many years of practical experience of popular TV-programs creative producing, actualizes the problems of creative personnel management. The purpose of modern creative management assumes not only the integration of the media journalists' convergent skills, but also the development of their creative abilities in original content development. Creativity is a semantically broad conception. By exploring empirical practice, the author identifies the most topical problems emphasizing the need of developing new approaches to creative management. The overabundance of definitions blurs the value criteria of post-industrial production of the screen shows. There is a collision of two aesthetic paradigms: innovative, Art Nouveau aesthetics, and “repetitive” postmodern aesthetics, proclaiming the creative value of variations. The method of variations demonstrates the author's individuality through predecessors' achievements, adapting other people's creative discoveries. Skills of “primary” and “secondary” creativeness represent a new type of media competencies. Interactive methods, gamification, multi-level brainstorming, discursive switching techniques make it possible to improve new criteria for media professionalism in the era of the upcoming creative economy.

Keywords: primary creativity, secondary creativity, mass communications, audience, format, brainstorm

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 5, 2023; revised December 24, 2023; accepted January 10, 2024.

For citation: Kemarskaya, I.N. (2024). The problems of creative management in TV-production. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 164–173. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-164-173>

Введение

Проблема креативности становится одной из главных и наиболее обсуждаемых в постиндустриальном дискурсе, но она же оказывается одной из наиболее коварных в плане конструктивной аналитики. Из сферы культуры, исследовавшей феноменологию творчества на всем протяжении своего развития, в XXI в. осмысление креативности переместилось в область медиа. И если трактовать креативность как «акт привнесения в мир чего-то полезного, эффективного и неочевидного» (conjunction of novelty, utility and surprise¹) (Florida, 2012, p. 6), то сам ее характер, например в области телепроизводства, становится предметом дискуссий.

Издавна ТВ упрекали в слабости творческого начала, несомненно признаваемого у того же кинематографа. Британский историк культуры Мартин Мак Лун, сравнивая фильмы и телепрограммы, приводит расхожие обвинения ТВ в том, что оно «запирает» кинематографическое воображение режис-

¹ Цит. по: Simonton, D.K. (1997). *Genius and creativity: selected papers*. New York: Bloomsbury Academic.

сера и кинематографический опыт зрителей, что сама проблематика ТВ – это «буря в стакане воды» (storms in a tea-cup) и что максимум креативности, доступный для ТВ – это уровень фильмов Б-класса, пусть даже и очень хороших (B-movies, even if some of them are very good B-movies) (McLoone, 1996).

Объектом для невыгодного телевидению сравнения оказывается и аудиовизуальная реклама. Шведский аналитик Магнус Видман указывает на стилистическую зависимость телевизионного документального зрелища от нереалистичного, фантазийного фона рекламных блоков, предлагающих гламурные «решения реальных проблем, далеких от реализма» (unrealistic solutions to real problems) (Widman, 2003).

Подобные замечания указывают на кумулятивный характер восприятия ТВ-произведений, при создании которых приходится учитывать не только чисто творческие, но и множественные технические, эстетические и психологические особенности их создания, то, что можно назвать «повседневной креативностью» (Князева, 2023, с. 130).

Методика

Практически все авторы, занимающиеся проблемами управления креативностью, так или иначе обращаются к труду Ричарда Флориды «Креативный класс», задавшему вектор, пусть и не до конца научно легитимизованный, нового понимания актуальных задач, связанных с креативностью. Значимым оказывается не только поиск их потенциальных решений, но и само обнаружение: важно не просто сделать более качественную мышеловку, но и понять, что в ней есть необходимость (Florida, 2012).

В качестве таких возможных «мышеловок» применительно к телевидению можно выделить три проблемы, которые знакомы практикам создания экранного контента, но, на наш взгляд, прежде не отрефлексированы аналитиками до уровня *методик обучения профессионалов*. Далее представлены и проанализированы эти методики в контексте реальных ситуаций. В исследовании сопрягаются теоретические концепции креативности с телевизионной практикой, верифицируется их эффективность.

Результаты и обсуждение

Итак, первая «мышеловка» (по Флориду) – это принципиальные отличия ТВ-продукции от продукции кинематографа в плане выставляемых оценочных творческо-эстетических критериев. «Эстетика серийности», «повторительная эстетика постмодерна» (Эко, 1996), новое понимание роли цикличности и инноваций применительно к телепроизведениям остается за рамками подготовки специалистов-драматургов, ориентированных на ценность уникальности и инновационности, характерных для кинопродукции. В то время как для ТВ ценностью является максимальная вариативность, разнообразие повторов. Отсюда трудности в понимании постановки целей, психологические сложности адаптации ориентированных на киноэстетику профессионалов к реалиям телепроизводства.

Второй момент – это особенности проявления креативности в условиях форматных ограничений. Каждый выпуск телепрограммы обусловлен специ-

фикой ее генеративной форматной модели, форматной матрицы, включающей в себя целый ряд допущений и запретов (Кемарская, 2022). Продуктивной опять-таки оказывается установка креаторов на максимально творческий поиск возможных вариаций, укладываемых в основу уже имеющейся драматургической конструкции. К результативным решениям можно отнести и креативный навык продуманных провокационных сбоев фоновой коммуникации, «дискурсивных переключений» (Николаева, Кохан, 2022).

И третья сложность – улавливание разницы в понятиях первичной и вторичной креативности, требующих разных управленческих подходов. Исследователь творческих возможностей человека психолог А. Маслоу разделял понятия «первичной креативности», которая сродни чистому изобретательству, озарению, творческому инсайту, рождению идеи, и «вторичной креативности», которая заключается в скрупулезном доведении идеи до готового продукта: «Первичная креативность соответствует фазе вдохновения, а вторичная – фазе разработки» (Маслоу, 1999, с. 62). Техники и факты устаревают с бешеной скоростью, писал он, сегодня необходимо формировать новый тип креатора, способного на импровизацию.

Обучение креативности – из опыта подготовки журналистских кадров.

Наш собственный опыт как медиапрактика, имевшего дело с управлением творческо-производственными группами при создании телепрограмм разных жанров, заставляет критично оценивать рекомендации по обучению креативности тех, кто еще только собирается прийти в медиаиндустрию. Большинство исследователей проявляют явную озабоченность слабой корреляцией закладываемых в учебные программы творческих умений с реальными требованиями цифровой эпохи. Но при этом ими подчеркивается неразработанность самого понятия «креативные компетенции», нарочитая «поляризация» предъявляемых запросов, неизбежный мировоззренческий дуализм: с одной стороны, стереотипность индустриальных шаблонов, с другой – требование натренированности в их преодолении, демонстрации «способности к рецепции совершенно разных смыслопорождающих практик» (Панова, 2017, с. 43).

Любопытна подспудная констатация наличия психологических защит, выставляемых студентами при попытках повысить их креативные способности в ходе учебного процесса, включить новые резервы генерации смыслов. Этому мешают, по мнению авторов, авторитарные принципы школьного образования: ориентированность на внешние оценки наряду с привычкой к постоянному сопротивлению им; априорное отношение к чужому мнению как к обвинительному приговору; постоянное оберегание собственного статуса в ходе обсуждений проектов в творческой мастерской (Ильясова, 2017). Заметим, кстати, что сама идея использования практики художественных мастерских, применяемая в творческих вузах и рекомендуемая в качестве решения для развития креативности у журналистов, снова возвращает к идее развития инновационных навыков личной, первичной креативности (характерных для кинопроизводства) вместо выработки навыков групповой, синергичной, вторичной креативности (характерной для телепроизводства с его авторской анонимностью).

Для ТВ первичная креативность присуща скорее на этапе поиска самой идеи будущей программы, обоснования уникальности ее формата. Креативность предваряет творчество, проецируя деятельность в заданном направлении, включая процесс создания медийного продукта нового содержания или новой формы, способного органично вписаться в информационное пространство (Экосистема медиа... 2021, с. 43). Это поле деятельности руководителей, главных продюсеров, шоу-раннеров. Вторичная креативность связана с разработкой готовой идеи, доведением ее до завершенной формы, подготовкой многочисленных вариаций формата в виде отдельных выпусков. Управление креативностью на ТВ востребовано именно на этапе вторичной креативности, для которого характерны уже упомянутые выше форматные рестрикции, жесткие сроки дедлайнов, финансовые лимиты и другие внешние ограничения.

Исследователи отмечают негативный, девиантный характер современной журналисткой креативности, выявляя, с одной стороны, постмодернистское стремление креаторов к нелинейности и открытости, а с другой – «к отсутствию однозначности и четких канонов», деструктивному норморазрушению (Зверева, 2019, с. 343). Устоявшаяся норма, без сомнения, является важным инструментом творческой деятельности журналиста. Но без ее слома невозможно выйти за границы уже существующего.

Приемы и способы наращивания групповой креативности. А можно ли вообще говорить о телевидении как о креативной индустрии? Ответ на этот вопрос не однозначен. Относительно недавно латвийскими медиааналитиками было проведено исследование так называемого индекса креативности для различных культурных и творческих индустрий, как то: архитектура, дизайн, кино, исполнительское искусство, изобразительное искусство, музыка, издательское дело, телевидение, радио и интерактивные медиа, компьютерные игры и интерактивное программное обеспечение, культурное наследие, культурное образование, отдых, развлечения и другие культурные мероприятия, реклама, мода, ремесла (Eglīte, 2023). Не будем вдаваться в аргументированность и полноту отбора направлений, для нас важнее и показательнее результаты сравнительного анализа.

После подсчета баллов выяснилось, что телевидение занимает срединное положение в списке, не претендуя ни на высокую креативность, подобно исполнительскому мастерству или изобразительному искусству, но и не замыкая ряд творческих занятий, подобно архитектуре. ТВ в полной мере продемонстрировало общую дихотомию творческих отраслей, деятельность которых может быть осуществлена различными путями: от строго организованного формирования структур, образов, элементов, знаков, смыслов до абсолютно противоположенного подхода – рождения креативного продукта вдохновением, без ограничения фантазии системными и структурными барьерами.

На практике именно эта срединная позиция в плане креативной составляющей дает реальные результаты, часто скромные, внутрикорпоративные, не предназначенные для широкого информирования. Рассмотрим несколько практических подходов к управлению креативностью в практике телепроизводства.

1. *Межсекторальное или межцеховое сотрудничество.* В том же латвийском исследовании постулирован важный момент повышения индекса – привлечение к работе с творческими коллективами специалистов разного профиля. В мире растущей волатильности, неопределенности, сложности и двусмысленности навыки межсекторального сотрудничества помогают повысить креативность и формализовать проблемы под новым углом зрения; таких специалистов из смежных областей автор называет «креативными посредниками» (creative intermediaries) (Eglīte, 2023, с. 106).

Целью подобного посредничества является разрушение внутрипрофессиональных барьеров, традиционно присущих творческим профессиям. Истоки цеховой замкнутости можно искать в истории творческих ремесел, а можно – в проектном характере креативной работы, в привычке к замкнутому характеру трудовых команд.

КЕЙС. В нашей практике был эпизод приглашения административных работников к процессу обучения сценаристов-игровиков в крупной телепроизводящей компании. На учебном семинаре по драматургии выступил ассистент режиссера, который со своей точки зрения объяснял авторам типичные ошибки в понимании возможностей и ограничений локаций, в оторванности описаний действия от съемочных реалий. Вслед за ним оператор обозначил проблемы, о которых авторы не задумывались при написании многоперсонажных эпизодов, в частности – о технологии записи телевизионного «живого» звука сразу начисто, без последующей переозвучки, характерной для кино, что исключало длинные монологи героев. Эти конкретные замечания, не касавшиеся смысловых компонентов сценариев, наглядно повлияли на характер последующих обсуждений заявок и сценариев, способствовали лучшему пониманию профессиональных ролей и созданию атмосферы единой творческой команды, более не разделяемой на «белую» (творческую) и «черную» административную «кость».

О схожем эффекте пишет и В.К. Крылов, приводя в публикации пример успешных решений творческих задач голливудскими командами кинопроизводства, в которые неожиданно включался новый творческий сотрудник, разрушавший стереотипы успешно «сыгранной» профессиональной команды ради создания чего-то нового и более креативного (Крылов, 2022, с. 102).

2. *Взаимная индукция порождаемых смыслов.* Хорошие вариации идеи порождают находки, которые, в свою очередь, могут высекать новые смыслы. Это и есть взаимовлияние творческих решений, субъективных по природе. Управление креативными процессами не поддается жесткому регламентированию, но в условиях того же безостановочного телепроизводства не может быть предоставлено случаю, а управляется или, лучше сказать, «направляется» путем перебора вариантов.

Процесс такого «направленного» осмысления сопряжен с рядом рисков. Инновационные решения, являясь продуктом креативности, одновременно являются и ее потенциальными деструкторами: «Именно инновация в условиях креативной экономики обрела статус и новую роль „креативного разрушителя“» (Кривовяз, Рябченко, 2021, с. 67). Что это означает для управления креативом? Возможную полную перемену исходных смыслов, смену их

поляризации, новое понимание ценностной составляющей готового медиа-продукта.

КЕЙС. В нашей практике имел место эпизод подготовки очередного выпуска программы-байопика, посвященного судьбе известной актрисы с достаточно скандальной репутацией. Группа была настроена на поиск максимально ярких подробностей, с помощью которых выстраивался не слишком привлекательный, но впечатляющий образ «роковой женщины». В ходе обсуждений материала, предварительных встреч с героиней, а также поисков аналогов ее судьбы среди примеров мировой культуры неожиданно произошла кардинальная смена уже выстроенного образного канона. Были предложены параллели с драматичной судьбой другой актрисы, вошедшей в анналы культуры с несомненно позитивным в целом имиджем. «Она могла бы стать Мэрилин Монро советского кино» – в такой посыл трансформировалась идея биографии, в соответствии с которой был сделан выпуск с запоминающимися положительными коннотациями.

Этапы трансформации идеи непосредственными создателями программы схожи с групповой динамикой работы в так называемых креатив-группах: становление идеи, смешение подходов, конфликт, принятие ответственности, соглашение, достижение и завершение (Рыбак, 2022, с. 231). То есть обсуждение проходит стадии притяжения и непритяжения тезиса, разрушения достигнутого консенсуса и нового построения, который, возможно, опять подвергнется разрушению. Важность подобной процедуры заключается в финальном принятии всеми участниками создания продукта ответственности за конечный результат, синергия в реализации цели совместной деятельности.

3. *Мозговой штурм.* Среди приемов интенсификации креативности мозговому штурму отводится, пожалуй, самая главная и самая сложная роль. Проблема заключается не только в творческом потенциале участников обсуждения, но и в том, насколько сильной фигурой оказывается модератор действия, насколько велика его собственная креативность. Западные специалисты отмечают продуктивность приглашения профессионального модератора со стороны, имеющего особый опыт и навыки. Такой эксперт обладает опытом рассмотрения предмета с нескольких точек зрения, оценки выдвигаемых идей, вычленения связанных с ними возможных проблем: «Наивно ожидать значимых результатов от мозгового штурма, когда группа состоит из любителей, не подготовленных обучением и не владеющих навыками продуктивной работы» (Gogatz, Azavedo, 2023, p. 73).

Британские исследователи теории телевизионной рекламы обращают внимание на то, что креативный характер сообщению придает не логика поддачи смыслов, а эмоциональная вовлеченность зрителя: «важно не то, что вы рассказываете, а то, как вы это делаете» (Heath, Stipp, 2011). В ходе мозгового штурма неоднократно меняется эмоциональный накал обсуждения, с рациональных позиций это не полностью регулируемый процесс.

КЕЙС. В нашей практике был случай возврата главным продюсером готового сюжета для семейного просветительского альманаха по причине того, что сделанное «не интересно». Потребовался срочный мозговой штурм, задачей которого стало превращение нарративно-описательного сюжета

в более динамичный и развлекательный, не жертвуя при этом содержательной частью. Тема – лампы «дневного света», свечение инертного газа. Через несколько безрезультатных заходов вдруг возникло предложение вставить батарейки в такую лампу и превратить ее в светящийся джедайский меч, атрибут героев «Звездных войн» Дж. Лукаса. В брейнсторминг включился реквизитор, тут же по телефону были добыты соответствующие плащи, и редакторы сами снялись в битве на «горящих» мечах. Отснятые кадры подмонтировали в старую сборку, после чего сюжет был принят руководством компании.

Заключение

Резюмируя, можно обозначить следующие проблемы управления креативом в практике телепроизводства:

1) уподобление процессов создания и восприятия телепроизведений процессам кинопроизводства порождает психологический диссонанс в сознании креаторов, смещает их ценностно-эстетические установки;

2) использование приемов развития первичной креативности при подготовке студентов-журналистов не помогает развитию вторичной креативности, более необходимой в условиях реального производства;

3) собственно управление креативностью в ходе создания телепроизведений предполагает патронаж группы компетентным лидером, проведение межцеховых обменов профессиональными знаниями, регулярные мозговые штурмы.

Управление креативом, при всей популярности этого термина, представляет собой пока еще во многом интуитивно регламентируемую область, опирающуюся на интуицию членов группы, чутье, авторитет и способность модератора руководить ею и несомненный приоритет эмоционально богатых визуальных решений над традиционным объяснительным нарративом.

Список литературы

- Зверева Е.А. Формы девиаций профессиональной деятельности журналиста: конструктивные и деструктивные практики // Медиаисследования. 2019. № 6. С. 342–349.
- Илясова Е.В. Усилие быть журналистом: начало творческой мастерской // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 4. С. 680–686. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-4-680-686>
- Кемарская И.Н. Форматная драматургия телевизионного произведения в медийном пространстве цифровой эпохи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2022. 59 с.
- Князева Е.Н. Креативные практики образования для устойчивого будущего // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 3. С. 129–151. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2023-3-129-151>
- Кривовяз Н.В., Рябченко Д.О. О природе «культурного сдвига» в системе ценностей креативного класса в благополучном обществе // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. Т. 42. № 3. С. 66–74. [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/3\(42\)/1079](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/3(42)/1079)
- Крылов В.К. Дискурсивные и методологические ограничения исследований управления творческими процессами // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 100–103. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.17>
- Маслоу А.Г. Мотивация и личность / пер. с англ. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.

- Николаева О.В., Кохан И.Н. Хроника конференции «Языковая и дискурсивная креативность человека говорящего. Современный мир в языках России, Востока и Запада» // *Коммуникативные исследования*. 2022. Т. 9. № 2. С. 429–438.
- Панова Е.Ю. Креативность в профессиональном журналистском образовании: вызовы эпохи vs стандарты // *Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки*. 2017. Т. 109. № 11 (407). С. 43–47.
- Рыбак Е.В. Креатив-группа как технология профессионального развития студентов педагогического колледжа и воспитателей детского сада // *Гуманитарно-педагогическое образование*. 2022. Т. 8. № S1. С. 230–234.
- Уразова С.Л. Креативные индустрии как метасистема и фактор социальной адаптации в новой цифровой реальности // *Вестник ВГИК*. 2023. Т. 15. № 1. С. 144–150.
- Эко У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна // *Философия эпохи постмодерна: сборник переводов и рефератов* / под ред. А. Усмановой. Минск: Красико-Принт, 1996. С. 48–73.
- Экосистема медиа: цифровые модификации: монография / под ред. С.Л. Уразовой. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. 252 с.
- Eglite Ž. Collaboration in creative industries – from creative individuals and intermediaries to networks // *Culture Crossroads*. 2023. Vol. 23. Pp. 102–117. <https://doi.org/10.55877/cc.vol23.397>
- Florida R.L. *The rise of the creative class: revisited*. New York: Basic Books, 2012.
- Gogatz D., Azavedo M. Brainstorming: the need for professionalization of facilitators and participants // *Journal of Business and Management Studies*. 2023. Vol. 5. No. 2. Pp. 72–82. <https://doi.org/10.32996/jbms.2023.5.2.9>
- Heath R.G., Stipp H. The secret of television's success: emotional content or rational information? After fifty years the debate continues // *Journal of Advertising Research*. 2011. Vol. 51. No. 1. Pp. 112–123. <https://doi.org/10.2501/jar-51-1-112-123>
- McLoone M. *Boxed in? The aesthetics of film and television* // *Big Picture, Small Screen: The Relations Between Film and Television* / ed. by J. Hill, M. McLoone. Luton: University of Luton Press, 1996. Pp. 76–106.
- Simonton D.K. *Genius and creativity: selected papers*. New York: Bloomsbury Academic, 1997.
- Widman M. *Film & TV: aesthetic interaction: paper presented at Society for Cinema and Media Studies*. Minneapolis: Lund University, 2003

References

- Eco, U. (1996). Innovation and repetition. Between the aesthetics of modernity and postmodernity. In A. Usmanova (Ed.), *Philosophy of the postmodern era: Collection of Translations and Abstracts* (pp. 48–73). Minsk: Krasiko-Print. (In Russ.)
- Eglite, Ž. (2023). Collaboration in creative industries – from creative individuals and intermediaries to networks. *Culture Crossroads*, 23, 102–117. <https://doi.org/10.55877/cc.vol23.397>
- Florida, R.L. (2012). *The rise of the creative class: Revisited*. New York: Basic Books.
- Gogatz, D., & Azavedo, M. (2023). Brainstorming: The need for professionalization of facilitators and participants. *Journal of Business and Management Studies*, 5(2), 72–82. <https://doi.org/10.32996/jbms.2023.5.2.9>
- Heath, R.G., & Stipp, H. (2011). The secret of television's success: emotional content or rational information? After fifty years the debate continues. *Journal of Advertising Research*, 51(1), 112–123. <https://doi.org/10.2501/jar-51-1-112-123>
- Ilyasova, E.V. (2017). The effort of being a journalist: the beginning of a creative workshop. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22(4), 680–686. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-4-680-686>
- Kemarskaya, I.N. (2022). *Format dramaturgy of a television work in the media space of the digital age* (abstract of Dr. Philol. Sci. Dis.). Moscow. (In Russ.)

- Knyazeva, E.N. (2023). Creative educational practices for sustainable futures. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 7(3), 129–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2023-3-129-151>
- Krivovyaz, N.V., & Ryabchenko, D.O. (2021). On the nature of the “cultural shift” in the value system of the creative class in a prosperous society. *Journal of Wellbeing Technologies*, 42(3), 66–74. (In Russ.) [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/3\(42\)/1079](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/3(42)/1079)
- Krylov, V.K. (2022). Discursive and methodological limitations of research on the management of creative processes. *Society: Philosophy, History, Culture*, (6), 100–103. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.17>
- Maslow, A.H. (1954). *Motivation and personality*. New York: Harper.
- McLoone, M. (1996). Boxed in? The aesthetics of film and television. In J. Hill & M. McLoone (Eds.), *Big Picture, Small Screen: The Relations Between Film and Television* (pp. 76–106). Luton: University of Luton Press.
- Nikolaeva, O.V., & Kokhan, I.N. (2022). Chronicle of the conference “Linguistic and discursive creativity of the speaker. The modern world in the languages of Russia, East and West”. *Communication Studies*, 9(2), 429–438. (In Russ.)
- Panova, E.Yu. (2017). Creativity in professional journalistic education: challenges vs standards. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology Sciences*, 109(11), 43–47. (In Russ.)
- Rybak, E.V. (2022). Creative group as a technology for professional development of students of a pedagogical college and kindergarten teachers. *Humanitarian and Pedagogical Education*, 8(S1), 230–234. (In Russ.)
- Simonton, D.K. (1997). *Genius and creativity: Selected papers*. New York: Bloomsbury Academic.
- Urazova, S.L. (Ed.). (2021). *Media ecosystem: Digital modifications*. Chelyabinsk: SUSU Publ. (In Russ.)
- Widman, M. (2003). *Film & TV: Aesthetic interaction. Paper presented at Society for Cinema and Media Studies*. Minneapolis: Lund University.
- Zvereva, E.A. (2019). Form deviations journalist’s professional activity: constructive and destructive practices. *Media Research*, 6, 342–349. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кемарская Ирина Николаевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского сектора, Академия медиainдустрии, Российская Федерация, 127521, Москва, ул. Октябрьская, д. 105, корп. 2. ORCID: 0000-0001-7593-8042. E-mail: kemarskaya2011@yandex.ru

Bio note:

Irina N. Kemarskaya, Doctor of Philology, leading researcher at Research Sector, Academy of Media Industry, 105 Oktyabrskaya St, bldg 2, Moscow, 127521, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1350-4163. E-mail: kemarskaya2011@yandex.ru



ОБЗОРЫ REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-174-185

EDN: LAVXTH

UDC 82-9


Review / Научный обзор

Understanding trauma and the path to rehabilitation with reference to Harry Potter and Shiva Trilogy

Sangeeta Jhajharia¹, Shikha Choudhary²

¹*Sri Karan Narendra Agriculture University, Jobner, Republic of India*

²*Mody University of Science and Technology, Sikar, Republic of India*

 drsangeetajhajharia@gmail.com

Abstract. Over the past century, the forays into the human psyche have contributed a great deal towards mental health awareness. However, present times feel the demand of focusing on milder issues than extreme psychological disorders, since the seemingly inconsequential issues in isolation have the potential to become a cause for severe mental health issues as they begin piling up if ignored without being dealt with. The purpose of this study is to explore the availability and validation of such avenues. This research follows the origin and evolution of trauma through the works of medicals, academics, theorists, and researchers to create a cohesive and wholesome picture, covering the vast span of the human psyche from the foundations in psychoanalytic theory to the pluralistic trauma theory in literature; and its correlation to the issues on a spectrum of trauma from mild to severe, faced by literary characters in the Shiva Trilogy and Harry Potter's novels that kept being overlooked and turned into the underlying cause of extreme issues. The researchers analyze through this study that trauma cannot be limited to just mental health disorders severe enough to require professional attention. Rather, they indicate the requirement for an inclusive approach and deeper study into the seemingly superficial events and issues of trauma before they have the chance to build up to the severity of mental health disorders.

Keywords: psychoanalytic theory, pluralistic trauma theory, human psychology

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 25, 2023; revised December 20, 2023; accepted January 6, 2024.

For citation: Jhajharia, S., & Choudhary, S. (2024). Understanding trauma and the path to rehabilitation with reference to Harry Potter and Shiva Trilogy. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 174–185. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-174-185>

© Jhajharia S., Choudhary S., 2024




This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Понимание травмы и путь к реабилитации на примере Гарри Поттера и трилогии о Шиве

С. Джаджхария¹  , Ш. Чоудхари²

¹Сельскохозяйственный университет Шри Карана Нарендры, Джобнер, Республика Индия

²Научно-технический университет Модри, Лакшмангарх, Республика Индия

 drsangeetajhaharia@gmail.com

Аннотация. За последнее столетие исследования человеческой психики во многом способствовали повышению осведомленности о психическом здоровье. Однако в настоящее время ощущается необходимость сосредоточиться на более легких проблемах, чем экстремальные психологические расстройства, поскольку на первый взгляд несущественные проблемы по отдельности, накапливаясь, могут стать причиной серьезных проблем с психическим здоровьем, если их игнорировать и не лечить. Цель исследования – изучение доступности и обоснованности таких возможностей. Прослеживаются происхождение и эволюция травмы путем анализа работ медиков, ученых, теоретиков и исследователей для создания целостной картины, охватывающей обширный диапазон человеческой психики: от основ психоаналитической теории до плюралистической теории травмы в литературе. На примере трилогии о Шиве и романов о Гарри Поттере рассматривается спектр травм (от легкой до тяжелой), с которыми сталкиваются литературные персонажи, игнорировавшие их, что стало основной причиной экстремальных проблем. Установлено, что травма не может ограничиваться только расстройствами психического здоровья, достаточно серьезными, чтобы требовать профессионального внимания. Указывается на необходимость инклюзивного подхода и более глубокого изучения, казалось бы, поверхностных событий и проблем травмы, прежде чем они смогут перерасти в тяжелые психические расстройства.

Ключевые слова: психоаналитическая теория, плюралистическая теория травмы, психология человека

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 ноября 2023 г.; отрецензирована 20 декабря 2023 г.; принята к публикации 6 января 2024 г.

Для цитирования: *Jhajharia S., Choudhary S. Understanding trauma and the path to rehabilitation with reference to Harry Potter and Shiva Trilogy // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 174–185. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-174-185>*

Origin and evolution

Relation between literature and human psychology is complex which cannot be unravelled and separated. Literature and Reality are considered to be the reflections of each other in their essence; the way reality creates literature, and the way literature influences reality.

The world is a massive web built by a diverse system of strings that is always branching and evolving, and this evolution process can be followed through literature. The psyche of human minds as individuals and as a society influences the literature produced, which in turn manipulates the human psyche. This research's interest lies in exploring the literature that has had a notable impact on

mentality through time and space, and how that mass mentality has, in turn, influenced the present-day literature, media, and society in totality.

Since the advent of Psychology; researchers from various fields have been exploring and establishing numerous branches of the study. One such branch is the focus of this research: Trauma.

Since its origin, the world has followed a fundamental practice i.e. war; be it for land, food, water, capital, religion, caste, creed, colour, gender, sexuality, nationality, species, language, clothing, rights, education; international wars, political wars, personal wars, financial wars, psychological wars, domestic wars; our world has been at war since its genesis and will continue long after we are gone.

Human forays into war and their effects on the world at both large and small scales can be found within the literature written around the times of a particular war. The collections of these recollections that influenced these literary works, the people who experienced those horrors first-hand, even second-hand, have affected the psyche of those who haven't.

The literary works revolving around the trauma of war become sympathetic read for the ones who have not experienced the war themselves but have gone through some manner of trauma in their lives and that in turn affects the literature they create and hence, the cycle continues unbroken.

It was the effect of the World Wars that generated the urgent requirement of delving deeper into the psychological impact of the large-scale destruction and carnage on the minds of people who actually fought the wars on the front lines, as the lingering effects continued to plague them long after their return from the front lines.

Psychological trauma has been studied extensively since its genesis and has been interpreted and explained in numerous ways over time and critics agree that there is no singular explanation for Trauma that could encompass it in its entirety.

Trauma has been a subject of study as a component of various medical and psychological studies in the past. One of the earliest mentions of trauma includes the investigation of hysteria in women by Jean-Martin Charcot in the 1880s through his work with traumatized women in the Salpetriere hospital. He is attributed as the first person to have studied, documented and understood it as a mental issue instead of the common belief that hysteria originated from the uterus, and to have established that physiological symptoms originate from psychological issues (Mohácsi, 2021).

The study of Psychology and its inclusion into literary works developed with Charcot's follower Sigmund Freud's forays into the inner workings of the brain in the form of a seedling that has slowly been growing into a vast ecosystem of a tree, whose roots lie in his Psychoanalytical theory. The theory of psychoanalysis developed from the observations of traumatised patients and the conclusion that verbalizing the traumatic memories had an impact in alleviating the symptoms.

In simplest terms, Psychoanalytical theory states that: "Our childhood experiences and unconscious desires influence our behaviour" which encompasses the human psyche in its entirety. Freud postulated that these unconscious desires are manifested and can be recognized through our dreams. His division of the levels of consciousness has proved to be the paving stone in our current understanding of human behaviour (Abubakar, 2017).

The Psychoanalytical theory was introduced into literature in 1960s in the post-war era that advocated that following the same vein as dreams express unconscious desires and literary texts also express the author's unconscious desires. A Psychoanalytical reading of the literary texts strive to uncover the inner workings of the author's mind through the analysis of their creations.

While Freud's major focus has been on the unconscious and repressed sexual desires, the consequent psychological theories, terms and definitions that have been formed, evolved from the theory of Psychoanalysis, and explore various aspects of the human psyche in depth.

Since a lot of the theories are interconnected and overlap at times, some of those theories would be used within the research to further enhance the understanding of the inner workings of the brain.

One of the notable contributions to the study of Trauma as its own study has been made by Sandor Ferenczi during the First World War. His work as a medical officer laid the foundations for his research into psychological trauma on the basis of his observations of the soldiers. His papers and fragments of notes that provide a deeper insight into psychological trauma have been consolidated by Jay B. Frankel in "Ferenczi's trauma theory" (Frankel, 1998).

The terms 'combat exhaustion' and 'shell shock' were coined and used in relation to the experiences of soldiers in the world wars to describe their nervous symptoms in an attempt to understand the impact of their experiences in battle and their long-term consequences. The initial analysis believed that the soldiers went through extreme exhaustion due to physical stress and lack of sleep for the fear of the enemy and exploding bomb shells in the immediate vicinity (Mohácsi, 2021).

Freud's statements on the recurring dreams of the war veterans in *Beyond the Pleasure Principle* as a means the brain came up to deal with the experiences which a soldier is unable to recall while awake, was later used by Cathy Caruth to build the foundations of Trauma theory. Freud believed that the mind experiencing such severe shock was unable to comprehend and process the event consciously, so it was pushed into the unconscious brain. The dreams became the only way for the brain to deal with the experience, which led to the repeated dreams until it was processed by the conscious brain (Freud, 1920).

Recognition of term PTSD by APA in 'Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders': Trauma gained official recognition for the first time in the 1980s with the addition of the term PTSD (Post Traumatic Stress Disorder) by APA in 'Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders'. The term was used in relation to the returning war veterans and the lingering long-term effects of the battlefield they carried with them in the form of severe anxiety, panic attacks, flashbacks, hallucinations etc.

Sophie Isobel et al. have presented the problem with a definitive definition in "Psychological Trauma in the Context of Familial Relationships: A Concept Analysis" asserting that trauma does not exist as a unitary concept and this definition exhibits a massive potential for further exploration into the concept of psychological trauma. It puts emphasis on comparison and contrast between different definitions and terms of trauma in an attempt at understanding it, and quotes various forms of trauma definitions synthesised from literature, and insists on the impossibility of binding the overall concept of trauma into one definition (Isobel et al., 2017).

This research considers Psychological Trauma; trauma that has been defined by the APA Dictionary of Psychology as a guideline. Over time the definition of Trauma has been coalesced into a simple explanation by the American Psychology Association. The APA Dictionary of Psychology defines trauma as “any disturbing experience that results in significant fear, helplessness, dissociation, confusion, or other disruptive feelings intense enough to have a long-lasting negative effect on a person’s attitudes, behaviour, and other aspects of functioning. Traumatic events include those caused by human behaviour as well as by nature and often challenge an individual’s view of the world as a just, safe, and predictable place” (Baldick, 2008).

Traumatic event could be a war zone, an accident, an abusive situation, a culmination of stressful incidents, a natural disaster, a loss, a physical or emotionally threatening situation etc. Trauma is highly subjective and is experienced and perceived differently by everyone, and the intensity varies over a broad spectrum but generally, the response to trauma often results in a feeling of breathlessness, shock, helplessness, dejection, dizziness, and being overwhelmed. A person may even have trouble processing the traumatic event. The response could be felt both immediately after the event, and even in long term. Trauma can affect a person adversely even long term. Sometimes, due to the persistence of these symptoms, trauma could even evolve into a mental health disorder known as Post Traumatic Stress Disorder (Baldick, 2008).

Trauma in literature

The reality of trauma has been reflected in literature since time immemorial, even when there was no explicit recognition until a few decades ago. The concept of Trauma theory was first introduced into literature through the works of Cathy Caruth in the 1990s; who pioneered the Traditional Trauma Theory model, which views trauma as an event that fragments consciousness and prevents direct linguistic representation. This model was largely based on the works of Sigmund Freud (Caruth, 1996).

Cathy Caruth put a new spin on trauma through *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History* where she explores the unspoken consequences of trauma on its survivors through literary and media works instead of using them as case studies from a psychiatric perspective. She explores the long-term effects of traumatic events and references to the works of Freud and Lacan to provide an obvious insight into the causes and effects of trauma.

The Caruthian model of trauma asserts that trauma is a wound on the mind; invisible to the eye, instead of the visible wounds on the body, inflicted with a sudden abruptness that cannot be comprehended by the mind, and the consequent suffering is unrepresentable. “At the heart of these stories is thus an enigmatic testimony not only to the nature of violent events but to what, in trauma, resists simple comprehension” (Caruth, 1996)

This model was felt lacking in certain aspects towards the understanding of human psyche in its entirety and was soon followed by a new model with more wholesome concept that expands upon the previous model and makes an attempt at overcoming any of its shortcomings.

Trauma theory takes it a step deeper than the unconscious desires, and strives to uncover the trauma buried in the unconscious over time that affects a person's quality of life, their actions, reactions and choices.

Since the introduction of the concept of Trauma theory into literature, the academicians have started looking at literary texts with a new perspective, identifying the elements of trauma.

Pluralistic trauma theory

Pluralistic Trauma Theory suggests that linguistic fragmentation is just one aspect of trauma instead of being the centralised effect as postulated by Traditional Trauma Theory. It encompasses the traditional trauma theory approach and revolves around the foundations laid by the previous researchers. This approach provides a considerable amount of attention to the variability of traumatic representations, in terms of its causes, effects and expression (Balaev, 2018).

Michelle Balaev provides the lifespan of trauma theory from its genesis as a side note in Sigmund Freud's research into the human psyche; follows it to its introduction into literature through the Traditional Trauma Theory model pioneered by Cathy Caruth and then to its present form developed by Criticism as Pluralistic Trauma theory in "Trauma Studies".

Pluralistic Trauma Theory proves to be a more wholesome evolution of the numerous psychological theories, and focuses on the entirety of the broad spectrum of experiences that affect the mind negatively, instead of taking a comparatively narrower approach of focusing on one of the extreme aspects. This theory works as a conduit between the scattered aspects of all the psychological theories to create a deeper understanding of the human mind and provides clarity into its complexities (Balaev, 2018).

The Pluralistic approach to trauma attempts to cover the range of trauma from as severe as that of a war, sexual assault, an abusive situation to as mild as a day-to-day occurrence of social rejection, loss of a relationship or an academic setback. It focuses on an inclusive perspective that attempts to understand the subjectivity of trauma depending on the life experience of the subject in question (Balaev, 2018).

Harry Potter and *Shiva Trilogy* both portray the protagonists being elevated to the pedestal of the saviour, chosen one and a hero for the new world they have stepped into. The journey of these characters has a lot of similarities with Joseph Campbell's depiction of a hero. Joseph Campbell chronicles the journey of a typical hero in stages (Polkowska, 2020). The first stage begins with the hero dwelling in the ordinary world, oblivious to any special attributes that might differentiate him from the masses. The next begins with the discovery of a world previously hidden from, where he belongs through his heritage. The discovery is usually accompanied by a call to take up arms and set off on an adventure to save the world. He is thrown into this new world with barely any introduction and instruction, only equipped with some sort of supernatural gift to aid him in his quest, and usually companions to help share his perils with. Next, he undertakes a perilous and often fatal journey rife with trials, character development, gaining wisdom and a final fight for his reward. Once the journey is completed and the goal reached, it's time

for him to go back home to the ordinary world again, having acquired enlightenment. Katarzyna Polkowska in “Rick Riordan’s ‘Percy Jackson’ as Joseph Campbell’s Hero with a Thousand Faces” scrutinises the journey and struggles undergone by Percy Jackson in order to determine whether it fits the mould of a hero created by several schools of thought (Polkowska, 2020).

The twenty-first century has seen an integration of mythology into contemporary literature as an attempt at the revival of the oft-forgotten stories of older civilizations, the elements of which can be seen in the works of both the authors.

“Death as a Beginning: The Transformation of Hades, Persephone, and Cleopatra in Children’s and Youth Culture” by Viktoryia Bartsevich et al. explores the representation of these mythological characters as depicted to suit present-day beliefs. The research focuses on the transformation of the mythological characters that used to be portrayed as intimidating and untouchable to their seemingly mocking present-day representations. While the Older texts present the mythological figures in an all-powerful, dangerous and downright scary light, *Harry Potter* is the prime example of modernising and using these figures as convenient to the plot. The Kraken has been depicted as the friendly squid, the Sphinx has been reduced to a piece of a game, the dragons likewise a comparatively tamer version of the mighty beasts of the old, are just a task to be completed; while the bogeyman – Lord Voldemort, a human wizard has been demonized in comparison to seem a vastly more dangerous foe (Bartsevich et al., 2019).

Shiva Trilogy on the other hand is an attempt to view mythology in the currently understandable manner by moving backwards in time, attempting to humanize the Gods, and depicting their lives through the glass of human perspective. Amish Tripathi has given new meaning to the blend of myth and reality through the story of a man of flesh and blood elevated to the status of God through his Karma. The trilogy follows Shiva on his quest to provide better opportunities for his tribe, turning him towards the path of a Saviour facing the tests and trials in order to meet expectations and ultimately triumph. The work has been heavily influenced by Hindu mythology and the origin stories of the deities. Abhinaba Chatterjee explores the influence of Hindu mythological works in the fictional world created by Amish Tripathi in “Humanizing Theograpy through Mystical Mythology: Amish Tripathi’s *Shiva Trilogy*” (Chatterjee, 2015). In a similar vein, Dharmapada Jena has traced the elements of trauma depicted throughout the mythological texts and presented it through “Negotiating The Mahabharata as a Trauma Narrative” and “Narrative Tools and Strategies: Representation of Trauma in The Mahabharata” which paves the pathway towards the search for the elements of Trauma in Amish Tripathi’s *Shiva Trilogy* from both the modernised and original perspective (Jena, 2022).

J.K. Rowling has created a completely different world existing within our world that functions on the same foundations, but varies vastly in its integral structure. Her creation has seen a drastic transformation into the perspective of the general populace on everything ominous, different, and unexplained. *Harry Potter* has elevated magic from a feared phenomenon to a household conversation topic. It has also shown the magicals as sentient beings, just as we are who also feel pain, fear and happiness and can be recognized as good and evil as humans. They

are also human who have magic but their magic does not solve all the problems with just a wave of the wand.

Nurul Fitri explores the life of Lord Voldemort from a Psychoanalytical perspective in “The Characterization of Lord Voldemort in the novel *Harry Potter* and *The Half-blood Prince* by J.K. Rowling Seen from Psychoanalysis” in an attempt to understand the antagonist, his motives, experiences, choices and actions. The research follows the life of Tom Riddle, abandoned by his father even before he was born; lost his mother during his birth and growing up in an orphanage, always vilified and bullied for being different; he grew up resenting others and once strong enough to turn the tables, turned into a bullying tyrant himself. Fitri delves into the experiences and motivations that shaped Tom Riddle from a helpless child into the self-fashioned fearsome tyrant Lord Voldemort (Fitri, 2018).

Both these works provide a peep into vastly opposing political scenarios, set in the ancient time and the turn of the present century. While the political and cultural scenario of *Harry Potter* follows along in the same vein as the corresponding society; Amish Tripathi’s *Shiva Trilogy* explores the emergence of the socio-cultural transformation from the ancient times to the present.

You-shuan Shiong and Ya-huei Wang focus on the impact of the type of reinforcement received during adolescence on the development of self-identity through “Trauma, Love, and Identity Development in Rowling’s *Harry Potter and the Prisoner of Azkaban*” in a bid to explore the protagonist and his choices as influenced by the actions of others around him. The research focuses on Harry Potter’s adolescence period in *Harry Potter and the Prisoner of Azkaban* and the difficulties faced by him in the form of lack of a loving family, trials in a bid to survive and save an innocent godfather- his last hope for a family; and his perseverance into a healthy self-identity despite all the hardships. Puberty is a massive milestone in human life, even more so when one adds mythological aspects to said life. Harry Potter is no different than any other teenager in that aspect, and goes through really catastrophic and seemingly-catastrophic events (Shiong, Wang, 2022).

Identity crisis after a drastic cultural shift has been depicted in “Cultural Analysis of Amish Tripathi’s *Shiva Trilogy*” by R. Devendiran and Dr. B. Kathiresan. Both these works begin with the character’s journey leaving their natural habitat towards a new environment. While Shiva migrates with this tribe to Meluha, leaving his harsh and exacting homeland behind completely, Harry must return to face the reality of his dismal home every year. Both have been offered better living circumstances and a chance at true happiness, but Shiva has mixed feelings before the migration due to his attachment to his roots, while Harry jumps for joy at leaving Privet Drive due to a less-than-ideal life.

Both these works imbibe the concept of the beast within as can be seen in researches “From Spirituality to Animality of Humanity: An Eschatological Study of the *Shiva Trilogy*” by Albin Shaju Paul; and “The cat who reads the map: Posthumanism and Animality in *Harry Potter*” by Jose Rodolfo da Silva.

These elements can be seen in the *Shiva Trilogy* through the Nagas, the deformed, the exiled and the outcasts, giving a visual representation of the spirit animal. The concept of the animal instincts has been a prevalent part of Hindu mythology, from the well-known Avatara of Lord Vishnu in the form of Narsimha,

Lord Shiva's incarnation as Lord Hanumaan and Sharabha to the actual replacement of the heads of King Daksha and Lord Ganesha with animal heads to resurrect them. *Harry Potter* depicts the essence of the animals through a Patronus that takes the shape of your inner animal, or the animal you feel most connected to. The ability to transform into an animal also translates the traits of those animals into the human form (Tripathi, 2010).

Society is an intricate web structure that functions in connection to each other as a whole, but that connection overlooks the broken strands on the edges as long as the structure remains intact. Hussein, Azmi & Al-Subaihi explore the multifaceted aspects of alienation and marginalization faced by various characters and species, its impact on the psyche, and the consequences at the edges of this structure through "Alienation in *Harry Potter*". The article takes into account specific characters as examples of the alienation experienced by their entire species, such as the muggles and the house elves (Hussein et al., 2021).

Both the works also make ample use of ancient Greek myths, symbolism and imagery throughout the character's journey. In " 'They like being enslaved?' British Imperialist Rhetoric and the Wizards' Hegemonic Discourse in *Harry Potter*", Juliana Valadão Lopes analyses the oppression of subaltern species like house-elves, goblins and centaurs by the superior magicals and how the hierarchy is subverted by the subalterns. The focus of this research lies in the political and social interactions of different species, especially between those that can be categorised as the oppressor and the oppressed, such as wizard kind suppressing the centaurs, goblins, elves etc. and the actions of the suppressed species in order to combat their treatment (Lopes, 2019).

John Pennington investigates the presence of mainstream frivolity and fictional reality with a 'no pain, no gain' approach to magical fantasy fiction in "From Elfland to Hogwarts, or the Aesthetic Trouble with *Harry Potter*". The article contemplates whether Rowling's magical world truly forces the readers to broaden their horizons to look past the obvious and explore the hidden, or is it simply a different form of entertainment that plays on the fantasies of an active mind for popularity, the teachings forgotten as soon as the books are closed (Pennington, 2002).

Keeping to the present wave of mythology inclusion in literature, Saman Abdulqadir Hussein Dizayi explores the blending of the ancient and modern, realistic myth and mythical reality through "Mythmaking in Modern Literature: *Harry Potter* by J.K. Rowling". The series consists of mythological figures, as a supplement to the major focus. The figures such as a cerberus, dragons, sphinx, death etc, are embedded in the story in such a casual manner that gives the impression of them being a normal commonplace occurrence within the magical world. The only real surprise felt at their existence comes from the muggle-borns and raised due to the cultural difference (Dizayi, 2022).

G. Aiswarya and Dr. P. Madhan explore the depiction of mythological figures present throughout the ancient Hindu texts in "Mythology in Amish Tripathi's *Immortals of Meluha: A Study*" (Aiswarya, Madhan, 2018).

Manasi Saxena explores the numerous aspects of death that can be seen scattered throughout the series in the article "Death, the Last Enemy: Grief and

Loss in the Harry Potter Series”. This paper explores the various characters’ views on their deaths, the feelings attached to them, and the incarnation of death and its influence through the *Tales of Beedle and Bard*. The physical journey Harry Potter undertakes in order to defeat his enemy Voldemort by destroying his anchors of immortality is internalised to follow the process of loss, grief and healing from the deaths of his loved ones.

The transcendence of humans to ethereal figures can be explored in the mythical characters of Amish Tripathi’s *Shiva Trilogy*. The works also follow the spiritual journey of the characters as an undertone that has been observed and explored through J K Rowling’s works by Signe Cohen in “The Two Alchemists in Harry Potter: Voldemort, Harry, and Their Quests for Immortality” (Cohen, 2018) and through Amish Tripathi’s works by Prof. Dr. Lata Marina Varghese in “Selfies of the Soul: Spiritual Regeneration in New Age Fiction” (Varghese, 2015).

Shiva and Harry, the protagonists of both these works, begin their journey towards the hope of healing with the invitation to a change – physical and emotional. The elements of their trauma experienced in the past, as well as current trials, crop up throughout their entire journey but hope burns eternal and they take the first step towards healing by changing their environment. The healing process is slow, and there are instances where they seem to be shoved backwards, but at the end, both Shiva and Harry have overcome their trauma and found peace and contentment, if not some semblance of happiness.

The real-life implications of these characters’ journeys boiled down to the fundamentals provide a simple solution – removal from the current environment. It is not conducive to healing and would only heap further trauma on the already existing issues and would not allow a person to recover. If it is within one’s power to remove themselves from the hurtful conditions, to do so; if not, there is never only one way to do something. Thinking outside the box could sometimes provide unorthodox situations and if all else fails, there’s great power in asking for help.

Conclusion

But no matter how extensively a fictional character is sculpted, it cannot hope to replicate a live human in its entirety; nor the intricacies of life, no matter how much detail goes into creating the life of that character. This diminishes its relatability to reality and its nuances. Keeping this drawback in mind, this research is an attempt at a pathway into understanding one’s own journey of struggles and potential guidelines in if not overcoming it, then at least living in a wholesome manner with it, through the pseudo-reality of the literary characters as a singular subject of analysis.

While the existing research does grant a peek into the characters that have had their fair share of hardships, failure and trauma; it allows a lot of room for exploration into the long-term effects of trauma, as well as its impact in relation to other characters, society and environment, either experiencing the same event with them or experiencing similar events in another work; as the human psyche is a vast field still in the initial phases of its investigation.

References

- Abubakar, S. (2017). Art as narrative: Recounting trauma through literature. *IRA-International Journal of Management & Social Sciences*, 8(1), 118–123. <http://doi.org/10.21013/jmss.v8.n1.p13>
- Aiswarya, G., & Madhan, P. (2018). Mythology in Amish Tripathi's *Immortals of Meluha: A study*. *Literary Endeavour*, 19(4), 343–345.
- Balaev, M. (2018). Trauma studies. *A Companion to Literary Theory* (pp. 360–371). <https://doi.org/10.1002/9781118958933.ch29>
- Baldick, C. (2008). *Oxford dictionary of literary terms*. Oxford University Press.
- Bartsevich, V., Kulpa, K.A., & Maciejewska, A.M. (2019). Death as a beginning: The transformation of Hades, Persephone, and Cleopatra in children's and youth culture. *Clotho*, 1(2), 55–72. <https://doi.org/10.4312/clotho.1.2.55-72>
- Caruth, C. (1996). *Unclaimed experience: Trauma, narrative, and history*. The Johns Hopkins University Press.
- Chatterjee, A. (2015). Humanizing theography through mystical mythology: Amish Tripathi's *Shiva Trilogy*. *Research and Criticism* (pp. 72–86). Varanasi: Banaras Hindu University.
- Cohen, S. (2018). The two alchemists in Harry Potter: Voldemort, Harry, and their quests for immortality. *Journal of Religion and Popular Culture*, 30(3), 206–219. <https://doi.org/10.3138/jrpc.2017-0038>
- Devendiran, R., & Kathiresan, B. (2020). Cultural analysis of Amish Tripathi's *Shiva Trilogy*. *Dogo Rangsang Research Journal*, 10(9), 75–77.
- Dizayi, S., & Bağırlar, B. (2022). Mythmaking in modern literature: Harry Potter by J.K. Rowling. *Journal of Advanced Research in Social Sciences*, 5(3), 26–31. <https://doi.org/10.33422/jarss.v5i3.761>
- Fitri, N. (2018). The characterization of Lord Voldemort in the novel *Harry Potter and The Half-blood Prince* by J.K Rowling seen from psychoanalysis. *Tell Journal*, 6(1). <https://doi.org/10.30651/tell.v6i1.2084>
- Frankel, J.B. (1998). Ferenczi's trauma theory. *American Journal of Psychoanalysis*, 58(1), 41–61.
- Freud, S. (1961). *Beyond the pleasure principle*. W.W. Norton & Company.
- Hussein, A.K., Azmi, M.N.L., & Al-Subaihi, M.N.M. (2021). Alienation in Harry Potter. *Arab World English Journal for Translation & Literary Studies*, 5(3), 27–39. <http://doi.org/10.24093/awejtls/vol5no3.3>
- Isobel, S., Goodyear, M., & Foster, K. (2019). Psychological trauma in the context of familial relationships: A concept analysis. *Trauma, Violence, & Abuse*, 20(4), 549–559. <https://doi.org/10.1177/1524838017726424>
- Jena, D. (2022). Negotiating The Mahabharata as a trauma narrative. *European Journal of English Language and Literature Studies*, 10(3), 33–50.
- Lopes, J.V. (2019, September). "They like being enslaved?" *British imperialist rhetoric and the wizards' hegemonic discourse in Harry Potter*. Faculdade de Letras da Universidade do Porto.
- Mohácsi, E.E. (2021). Trauma, literature, and culture. *Freeside Europe Online Academic Journal*, (12), 1–11. <https://doi.org/10.51313/Freeside-2021-5>
- Paul, A.S. (2020). From spirituality to animality of humanity: an eschatological study of the *Shiva Trilogy*. *International Research Journal of Management Science & Technology*, 11(5).
- Pennington, J. (2002). From Elfland to Hogwarts, or the aesthetic trouble with Harry Potter. *The Lion and the Unicorn*, 26(1), 78–97. <https://doi.org/10.1353/uni.2002.0008>
- Polkowska, K. (2020). Rick Riordan's 'Percy Jackson' as Joseph Campbell's Hero with a Thousand Faces (BA dissertation). University of Białystok.
- Rodolfo de Silva, J. (2009). *The Cat Who Reads The Map: Posthumanism and animality in Harry Potter* (Thesis). Florianopolis: Universida de Federal de Santa Catarina.
- Saxena, M. (n. d.). *Death, the Last Enemy: Grief and loss in the Harry Potter series*. New Delhi: Center for Historical Studies.

- Shiong, Y., & Wang, Y. (2022). Trauma, love, and identity development in Rowling's Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. *Journal of Language and Literature*, 22(1), 42–52. <https://doi.org/10.24071/joll.v22i1.3463>
- Tripathi, A. (2010). *Immortals of Meluha*. Westland Press.
- Varghese, L.M. (2015). Selfies of the Soul: Spiritual regeneration in new age fiction. *European Academic Research*, III(9), 9626–9644.

Bio notes:

Sangeeta Jhajharia, Assistant Professor, Sri Karan Narendra Agriculture University, Jobner, Jaipur, Republic of India. ORCID: 0000-0001-9989-6887. E-mail: drsangeetajhajharia@gmail.com

Shikha Choudhary, Ph.D. Scholar, Mody University of Science and Technology, Lakshmanagarh, Sikar, Republic of India.

Сведения об авторах:

Джаджхария Сангита, доцент, Сельскохозяйственный университет Шри Карана Нarendры, Республика Индия, Джайпур, Джобнер. ORCID: 0000-0001-9989-6887. E-mail: drsangeetajhajharia@gmail.com

Чоудхари Шикха, доктор философии, исследователь, Научно-технический университет Моды, Республика Индия, Сикар, Лакшмангарх.



DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-186-194

EDN: LBTIMN

UDC 82-9

Review / Научный обзор

“The American Dream” – concept, myth, or trope?

Alwan Hassan Albulanee 

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ alwan64@gmail.com

Abstract. It has been almost a century since James Truslow Adams’ formulation of the concept “American dream” in “The Epic of America” (1931). The review aims to follow the concept of the American dream and its evolution over centuries, encompassing the attainment of such core values as freedom, equal opportunity, and the search for happiness. It has been established that at the heart of this notion lies the belief that the United States offers boundless possibilities to those with determination, courage, and audacity to pursue their dreams, relying on hard work and risk-taking rather than mere luck or chance. An integral facet of American “mythology” is highlighted – each individual’s capacity to achieve their dreams and secure a comfortable lifestyle through diligent effort and self-sacrifice, propagating the idea that everyone can be successful. It is concluded that an expression dedicated to this social accomplishment is “to go from rags to riches,” encapsulating this journey.

Keywords: America, disillusionment, freedom, independence, prosperity

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 25, 2023; revised December 20, 2023; accepted January 6, 2024.

For citation: Albulanee, A.H. (2024). “The American Dream” – concept, myth, or trope? *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 186–194. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-186-194>

«Американская мечта» – концепция, миф или образ?

А.Х. Альбулани 

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ alwan64@gmail.com

Аннотация. Прошло почти столетие с тех пор, как Джеймс Труслоу Адамс сформулировал концепцию «американской мечты» в «Эпосе об Америке» (1931). Задача научного обзора – проследить эволюцию концепции в трудах разных авторов на протяжении



десятилетий. Установлено, что в основе понятия «американская мечта» лежит вера в то, что Соединенные Штаты предлагают безграничные возможности тем, кто обладает решимостью, мужеством и смелостью преследовать свои мечты, полагаясь на упорный труд и риск, а не на просто удачу или случай. Отмечен неотъемлемый аспект американской «мифологии» – способность каждого человека осуществить свои мечты и обеспечить комфортный образ жизни посредством усердных усилий и самопожертвования, пропагандирует идею о том, что каждый может добиться успеха. Сделан вывод, что выражение, посвященное этому социальному достижению, – «перейти из грязи в князи», олицетворяющее данное путешествие.

Ключевые слова: Америка, разочарование, свобода, независимость, процветание

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 ноября 2023 г.; отрецензирована 20 декабря 2023 г.; принята к публикации 6 января 2024 г.

Для цитирования: *Albulanee A.H.* “The American Dream” – concept, myth, or trope? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 186–194. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-186-194>

Defining the concept

The trope of the American Dream is deeply woven into the fabric of American society. The Merriam-Webster Dictionary defines it as “an American social ideal that stresses egalitarianism and especially material prosperity,” to which it adds: “a happy way of living that is thought of by many Americans as something that can be achieved by anyone in the U.S. especially by working hard and becoming successful”¹, while the definition given by the Oxford English Dictionary almost rephrases the idea: the American Dream is “the ideal that every citizen of the United States should have an equal opportunity to achieve success and prosperity through hard work, determination, and initiative.”² Rooted in the foundational principles articulated by the Founding Fathers, the concept has evolved over centuries, encompassing core values like freedom, equal opportunity, and the search for happiness. It is a collective ideal in American culture, asserting that everyone, irrespective of their origins or social class, can realize their envisioned success in a society free of barriers between different strata. This notion of success incorporates concepts of individual rights, freedom, democracy, and equality, grounded in the belief that everyone has the right to aspire to success and happiness, irrespective of their background.

The origins of this concept coincide with the very establishment of the United States. The Declaration of Independence, underlining these ideals, laid the foundation for a national ethos centered on individual agency and the promise of an improved life. As the nation expanded and underwent transformations, so did the concept, adapting to evolving societal structures and economic landscapes. While pinpointing

¹ Merriam-Webster Dictionary: Online edition. Retrieved November 23, 2023, from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/the%20American%20dream#dictionary-entry-1>

² Oxford English Dictionary: Online edition. Retrieved November 23, 2023, from <https://www.oed.com/search/advanced/Meanings?textTermText0=American+Dream&textTermOpt0=WordPhrase>

the exact origin proves challenging, it is believed to have surfaced during the English colonization of North America in the 17th century. By presenting it as a dream-land where possibilities were limitless, British authorities aimed to encourage the migration of British settlers to the United States, fortifying their presence on the continent.

The term appears to originate from a history book by the American writer and historian James Truslow Adams (1878–1949) entitled *The Epic of America* (1931). The author made the term even more popular in the early 20th century. In his best-seller, Adams explains how it has evolved and why it was challenging for the European aristocracy to understand its value, why it attracted so many immigrants to the United States, and why Americans were losing sight of the meaning of this concept that, “was beginning to take form in the hearts of men,” mixed with “hope of a better and freer life, a life in which a man might think as he would and develop as he willed” (Adams, 1931, p. 31).

The American historian also underscored that, despite the country’s robust economic growth, the surge in wealth and success, and the tendency for opportunities to favor those who are already successful, the conviction that anyone can attain success and happiness through hard work remains unshaken. He further pointed out that the “Dream” transcended mere economic prosperity. It encapsulated the dream of reaching one’s fullest potential as a man or woman, unhindered by barriers that had gradually emerged in ancient civilizations and unhampered by social orders that had evolved to favor the upper classes over the common people. This foundational idea became the bedrock upon which political movements, such as the women’s suffrage movement and the civil rights movement of the 1960s, relied to shape and fortify the scope of the ideal.

Evolution of the concept

During the Great Depression, America grappled with a sense of despair more profound than what is experienced today. In that context, Truslow Adams provided Americans with a reinterpretation of the United States’ history, illustrating that the belief in a better life, collective prosperity, and access to happiness for all had been deeply ingrained in the American psyche since its inception. Moreover, he asserted that this belief represented America’s most significant contribution to human history. According to Truslow Adams, Americans must, therefore, rally in each generation to confront new challenges and, in doing so, realize the dream. He portrayed it as “that dream of a land in which life should be better and richer and fuller for everyone, with opportunity for each according to ability or achievement” (Adams, 1931, p. 404).

Following the famous statement in the Declaration of Independence, that “All men are created equal, and each is endowed with the right to live freely and pursue happiness”, the American Constitution reiterated these principles in its preamble, emphasizing that its primary purpose was to ensure the freedom and prosperity of every individual living on American soil – the necessary context to live their life fully as they define it. These foundational principles quickly attracted millions of individuals worldwide, from South America to Europe (Ireland, Italy, etc.), Australia, and later Africa. All these individuals immigrated to America to give themselves a chance to achieve the success they hoped for and

live their dream. At the base of the Statue of Liberty, we can read an excerpt from Emma Lazarus's sonnet "The New Colossus"—an appeal, an invitation to the wretched of the world to follow the all-embracing myth of America, the land of all possibilities: "Give me your tired, your poor, / Your huddled masses yearning to breathe free, / The wretched refuse of your teeming shore. / Send these, the homeless, tempest-tost to me, / I lift my lamp beside the golden door!" (Lazarus, 1888, p. 202).

The concept is etched in collective memory through the stories of historical figures who, starting with nothing, achieved immense wealth. Often dubbed "self-made men," these individuals attained financial success without external assistance or inheritance. Abraham Lincoln, John D. Rockefeller, and more contemporarily, Steve Jobs, serve as perfect examples. It is essential to highlight that minorities played a crucial role in championing the myth as they fought for their rights. Martin Luther King's iconic 1963 speech, "I Have a Dream," resonates with the theme of success irrespective of social background.

However, some aspects of gender and race do not escape Amrita Singh's careful reading. The woman is just "a corollary", of the man; she does not partake in the "immediate processes and direct benefits of the American Dream" (Singh, 2018, pp. 283–83). Citing George Lipsitz, the researcher emphasizes the "possessive investment in whiteness" that defines "Americanness", and takes on "a non-political, non-ideological position." In fact, Lipsitz is of the opinion that "Whiteness is everywhere in American culture, but it is very hard to see. <...> As the unmarked category against which difference is constructed, whiteness never has to speak its name, never has to acknowledge its role as an organizing principle in social and cultural relations" (Lipsitz, 1995, p. 369). Furthermore, in the early 20th century, Americans grew cautious about the impact of Socialist and Communist ideologies emanating from Europe. These ideas were linked to labor unions and radical immigrants, causing concern among Americans who perceived them as a potential threat to the foundational narrative of America as a capitalist haven of opportunity.

The question arises: has the myth been a reality for Americans seeking social recognition and economic emancipation? While the American system has indeed offered a genuine opportunity for a better life to some immigrants, statistics compel us to temper the notion of overall social ascent. For instance, in New York in 1859, more than half of all arrested individuals were of Irish origin, challenging the idea of universal success. Moreover, numerous economic crises in the United States, such as the Great Depression of the 1930s and the repercussions of oil shocks challenged the idea of success. The profound impact of the 2008 economic crisis cannot be overlooked. It directly affected the American middle class, which was living the "American Way of Life" through widespread consumer credit extended to insolvent populations by American banks. A new category of the population, the "working poor," has notably increased – individuals who work but have insufficient incomes to live decently, constituting about 7% of the active population in the United States.

Hence, merely working is no longer sufficient to lead a prosperous life. The September 11 attacks also dealt a blow to the concept, shattering the illusion of invulnerability that prevailed in the population. Inequalities further highlight the failure of the American model, with the country's Gini coefficient (an index

measuring inequalities within a country) exceptionally high compared to states with similar GDPs and economic models.

Throughout the history of the United States, even before becoming an independent nation, the concept has taken various forms and meanings while retaining the foundational principles of the right to freedom and happiness. In the early days, it was centered around the conquest of the West, a period extensively depicted in Western films featuring cowboys searching for new lands always further to the West, up to the borders of Indian territories.

In recent decades, the narratives surrounding the myth have evolved to encompass a more diverse array of voices, reflecting the richness of the American experience. Arab diasporic writers, in particular, have brought a valuable contribution to this discourse. As members of a community with a distinct cultural heritage, Arab American authors bring a nuanced understanding of identity, belonging, and success to the exploration of the concept. In their literary works, Arab diasporic writers navigate the complexities of cultural assimilation, the balancing act between heritage and the desire for upward mobility, and the challenges of confronting stereotypes and misconceptions. The dream, for these writers, becomes a lens through which they examine the intersections of cultural identity, resilience, and the universal human quest for a better life.

The writers and the evolution of a concept

Early American literature, rooted in Puritanism and the Protestant ethic, laid the foundation for the concept of the dream. Puritan writings, including sermons and diaries, emphasized the idea of a “city upon a hill,” envisioning a righteous and prosperous community based on Puritan values. As the country expanded, the American Enlightenment brought forth works like Benjamin Franklin’s “Autobiography,” emphasizing such goals as self-improvement, individualism, and happiness through hard work and virtue. The frontier spirit, portrayed by James Fenimore Cooper in the “The Leatherstocking Tales” cycle – *The Pioneers* (1823), *The Last of the Mohicans* (1826), *The Prairie* (1827), *The Pathfinder* (1840), and *The Deerslayer* (1841) – contributed to the notion of limitless opportunities and a better life on the frontier.

The 20th century witnessed the concept evolving through different periods. The Jazz Age and the Roaring Twenties – as captured in F. Scott Fitzgerald’s novel *The Great Gatsby* (1925) – critiqued it by highlighting the emptiness of materialism and the elusive nature of success. The Great Depression era, represented by John Steinbeck’s *The Grapes of Wrath* (1939), explored the impact of economic hardship on the American society, portraying the struggle for survival and the resilience of the human spirit. Post-World War II prosperity brought about Arthur Miller’s play “Death of a Salesman” (1949), a critique of the concept in the context of consumerism and success at the expense of personal well-being.

Throughout its evolution, several key themes have been associated with the American Dream in literature. Upward mobility remains a central theme, embodying the belief in social and economic advancement through hard work. Individualism is another core theme, emphasizing personal agency and the pursuit of individual goals. Homeownership symbolizes success and stability in many works, while the ideals of equality and opportunity underscore the notion that everyone should

have an equal chance to succeed, irrespective of background. However, numerous works critique the concept, shedding light on its shortcomings, inherent inequalities, and the sometimes-unattainable nature of the dream. These themes collectively contribute to its complexity and depth as a literary motif, continually shaped by the socio-cultural and economic realities of each era.

Classical works of American literature, authored by luminaries such as F. Scott Fitzgerald, Arthur Miller, John Steinbeck, Langston Hughes, Herman Melville, and Ralph Ellison, have played a pivotal role in shaping and defining the concept. Common themes and interpretations found in these classical works include a critique of materialism, exposing the emptiness of pursuing wealth for its own sake. The illusory nature of the concept, often symbolized by unfulfilled aspirations or unattainable goals, is a recurring motif. These narratives frequently engage in a societal critique, addressing systemic issues, socio-economic disparities, and the impact of societal expectations on individuals. Tragic consequences unfold in many of these works, revealing the personal and societal costs of unbridled ambition. These classical representations contribute to a complex, multifaceted understanding of the dream, challenging idealized notions and offering critical views that have shaped the discourse on this central motif in American literature.

In the latter half of the 20th century and into the 21st century, the theme continued to be explored. The Civil Rights Movement era produced works like African American playwright Lorraine Hansberry's "A Raisin in the Sun" (1959) examining racial and economic barriers to the American Dream and aspirations for equality. Norman Mailer's novel *An American Dream* (1965) is a satirical novel published in 1965 that critiques the concept through the eyes of the protagonist, Stephen Rojack. Rojack, a war hero turned politician, is disillusioned with his country and its values. The novel explores themes of wealth, power, and corruption, presenting a scathing critique of American society. Mailer's interpretation of the concept is one of emptiness and unrealistic expectations, suggesting that achieving success and material wealth does not guarantee happiness or fulfillment.

Postmodern critiques, as seen in Don DeLillo's novel *White Noise* (1985) deconstructed traditional values and expressed skepticism towards consumerism, addressing the impact of media on individual aspirations. Contemporary literature also embraced diversity and multiculturalism, with Chinese American Maxine Hong Kingston's novel *The Woman Warrior* (1976) exploring the dream from the viewpoint of immigrant communities and Dominican American writer Junot Díaz's novel *The Brief Wondrous Life of Oscar Wao* (2007) examining the search of identity and belonging in post-9/11 America.

Scholarly discussions and literary critiques have increasingly questioned the traditional narrative of the dream, exposing its flaws, limitations, and inherent inequalities. Authors and academics have offered alternative perspectives that challenge the universality and accessibility of the dream, reshaping the discourse on this iconic concept.

The racial dimension of the dream has also been scrutinized, particularly in the context of systemic racism. Ta-Nehisi Coates, in his article "The Case for Reparations" (2014), argues that historical injustices, such as slavery and discriminatory housing policies, have perpetuated disparities, making the dream an elusive goal for African Americans. James Baldwin's *The Fire Next Time* (1963) and Toni Morri-

son's *The Bluest Eye* (1970) provide powerful narratives challenging the dream's universality by exposing racial injustices and the impact of structural inequalities.

Environmental and ecological critiques have emerged, questioning the sustainability of the dream in the face of environmental degradation. Authors like Bill McKibben challenge the consumerist ethos embedded in the dream, arguing that perpetual growth and resource exploitation are incompatible with a sustainable future.

Moreover, the feminist approach have illuminated gender disparities inherent in the traditional dream narrative. Betty Friedan's *The Feminine Mystique* (1963) critiques the dream's narrow definition of success, emphasizing the limited roles prescribed for women. Feminist literature, including works by bell hooks and Chimamanda Ngozi Adichie, explores how gender norms can constrain women's personal and professional aspirations. Such positioning provide a nuanced understanding of the complexities and limitations that accompany the pursuit of the dream, thereby contributing to a more comprehensive and critical exploration of this enduring literary motif.

As the dream continues to be a central motif in literature, a consideration of cultural diversity reveals a rich diversity of approaches. Authors from diverse backgrounds contribute narratives that delve into how cultural identity shapes characters' interpretations and experiences of the dream. In this context, the discourse includes studies that specifically focus on Arab American literature and its significant contributions to the broader discussion.

Conclusion: the permanence of the Dream

Several notable critiques have emerged, questioning the universality and accessibility of the dream, and scholars have explored socioeconomic disparities, racial inequalities, environmental concerns, and gender limitations inherent in the pursuit of this iconic concept. Comparative studies have enriched the discourse by juxtaposing different works, offering nuanced analyses of how various authors engage with and contribute to the evolving narrative of the concept. One avenue of critique lies in the examination of socioeconomic disparities. Works such as Barbara Ehrenreich's book *Nickel and Dimed: On (Not) Getting By in America* (2001) delve into the struggles of low-wage workers, debunking the myth that hard work inevitably leads to prosperity. By exploring the day-to-day challenges faced by those on the economic margins, these critiques emphasize that systemic barriers can hinder the realization of the Dream for many:

“There are no secret economies that nourish the poor; on the contrary, there are a host of special costs. If you can't put up the two months' rent you need to secure an apartment, you end up paying through the nose for a room by the week. If you have only a room, with a hot plate at best, you can't save by cooking up huge lentil stews that can be frozen for the week ahead. You eat fast food or the hot dogs and Styrofoam cups of soup that can be microwaved in a convenience store. If you have no money for health insurance <...> you go without routine care or prescription drugs and end up paying the price.” (Ehrenreich, 2001, p. 21)

Analyzing the American Dream, Wallace C. Peterson builds up a seven-categories set of expectations in which he includes: (1) “a secure and steady job”;

(2) “home ownership”; (3) items “that may make life easier and more enjoyable” (such as a car, and different home appliances); (4) “fringe benefits” by which he means “paid vacations, generous pensions, and adequate health care”; (5) “travel and leisure”; (6) “college for the kids”; and (7) “upward mobility” (Peterson, 1994, pp. 20–21).

John Kenneth White and Sandra L. Hanson, in *The American Dream in the 21st Century* (2011) stress the idea that “the American Dream is deeply embedded in American mythology and in the consciousness of its citizens. That is exactly what gives the American Dream its staying power, even in times when it seems as though it should surely die. After all, myths last because they are dreams fulfilled in our imaginations. So it is with the American Dream. And because it finds fulfillment either in one’s own life or in the lives of others, Americans are ever more devoted to it” (White, Hanson 2011, p. 6).

Jim Cullen in *The American Dream: A Short History of an Idea that Shaped the Nation* (2003) writes about different kinds of dreams: the dream of the good life, the dream of upward mobility, the dream of home ownership, the dream of equality. He argues that, when the “social cement” that holds Americans together as a nation starts to crack, the American Dream becomes the glue to keep them from collapsing. Moreover, “amid the greatest surge of immigration in our history <...> the American Dream becomes a kind of lingua franca, an idiom that everyone from corporate executives to hip-hop artists can presumably understand” (Cullen, 2003, p. 6).

In her book, *Yankees in Petrograd, Bolsheviks in New York* (2013), Milla Fedorova explains: “While in pre-revolutionary texts America-in-opposition-to-Russia could appear as either utopian or dystopian, in Soviet times, the paradigm officially shifted toward a binary opposition: the Soviet Union as socialist Paradise vs. America as Hell.” She concludes the book by citing Mayakovsky’s famous statement, “I am more American than any American,” and I.A. Brodsky: “My generation, <...> all of us were individualists. And our ideal in this respect was the United States: exactly because of the spirit of individualism. That is why, when some of us found ourselves here, we had the sensation that we had come home: we turned out to be more American than the locals” (Fedorova, 2013, p. 225).

Boris Pilnyak’s *O’kei: An American Novel*, though not a novel proper, is rather a travelogue, containing the writer’s first-hand impressions from his stay in the USA with the express approval of Stalin, when he was expected to demonstrate the superiority and freedom of expression of the Soviet writers. Thus, the writer came to know the country that finds itself “on the high road of the development of humankind,” a road that paves new routes which, of course, lead to socialism which, like the roads, is “constructed in the Union of Socialist Republics” (Pilnyak, 2020, p. 8). Even if the U.S.S.R. and the U.S.A. “are playing the chess match of today’s humankind” (Pilnyak, 2020, p. 8), there is a major difference: “they respect the dollar much more than they do the worker, and it makes no difference how the dollar is obtained, even if it’s through gangsterism” (Pilnyak, 2020, p. 164).

One example from the writings of the Arab diasporic literature in America is Diana Abu-Jaber’s *Arabian Jazz* (1993). The novel explores the concept of the dream from the position of the Arab Americans in search for identity. Set in upstate New York, the novel follows the Nasr family, immigrants from Jordan, as they navigate the complexities of cultural assimilation and the personal achievement. Abu-Jaber weaves a narrative that delves into the challenges and aspirations

of Arab Americans in post-9/11 America, providing a rich exploration of cultural identity, family dynamics, and the multifaceted nature of the concept. By delving into the experiences of Arab American characters, Abu-Jaber provides a personal view on the American Dream, exploring how individuals from diverse cultural backgrounds engage with and shape the broader narrative of success and fulfillment in the American context.

References

- Abu-Jaber, D. (1993). *Arabian jazz*. New York: Harcourt Brace & Company.
- Adams, J.T. (1931). *The epic of America*. Boston: Little, Brown and Company.
- Cullen, J. (2003). *The American dream: A short history of an idea that shaped a nation*. Oxford: Oxford University Press.
- Darraj, S.M. (2004). *Scheherazade's legacy: Arab and Arab American women on writing*. Westport, Connecticut and London: Praeger.
- Ehrenreich, B. (2001). *Nickel and dimed: On (not) getting by in America*. New York: Henry Holt and Company.
- Fedorova, M. (2013). *Yankees in Petrograd, Bolsheviks in New York: America and Americans in Russian literary perception*. DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press.
- Jillson, C. (2004). *Pursuing the American dream: Opportunity and exclusion over four centuries*. University Press of Kansas.
- Lazarus, E. (1888). *The poems: Narrative, lyric, and dramatic*. Boston, New York: Houghton, Mifflin, and Company.
- Lipsitz, G. (1995). The possessive investment in whiteness: Racialized social democracy and the “white” problem in American studies. *American Quarterly*, 47(3), 369–387. <https://doi.org/10.2307/2713291>
- Mailer, N. (1999). *An American dream*. Vintage Books.
- Peterson, W.C. (1994). *Silent depression: The fate of the American dream*. New York, London: W. W. Norton & Co.
- Pilnyak, B. (2020). *O'kei: An American novel (annotated)* (Ronald D. LeBlanc, Trans.). University of New Hampshire. Retrieved November 23, 2023, from https://scholars.unh.edu/faculty_pubs/928/
- Singh, A. (2018). The American dream. *Revisiting American Literature* (pp. 277–292). Macmillan Educational.
- White, K., & Hanson, S.L. (Eds.). (2011). *The American dream in the 21st century*. Philadelphia: Temple UP.

Bio note:

Alwan Hassan Albulanee, Doctor of Philology-English Literature, Faculty Member in Iraqi Police College, PhD student, Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0997-5472. E-mail: alwan64@gmail.com

Сведения об авторе:

Альбулани Алван Хасан, доктор филологии (английская литература), преподаватель Иракского полицейского колледжа, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-0997-5472. E-mail: alwan64@gmail.com